

Троицкие листки

(духовно-нравственное чтение для народа,
публикуемое в конце 19 века)

№ 700-750

Содержание

700. Для всех ли бывает Новый год?.....	2
701. Икона Богоматери "Трех Радостей"	5
Мать Божия — наша Радость	6
Молитва ко Пресвятой Богородице	7
Из песнопений в честь и славу Матери Божией.....	7
702. У купели младенца.....	8
703. После Святков	11
704. Искренно ли мы называем себя грешниками?	14
705. От тьмы к свету	17
706. Рассказ сына о святой матери	19
707. "Не прелюбы сотвори"	23
708. Вопли покаяния	25
709. Искра Божия в грешной душе.....	29
710. Чудо в Хонех.....	32
711. Первые грешники на земле	34
712. Перед исповедью об исповеди.....	37
713. Почему мы почитаем святых Божиих?	40
714. Почему же не сегодня?	43
715. Слово любви к тем, кто называет себя старообрядцами о вернейшем признаке веры истинной.....	46
716. Богоматерь у креста Христова.....	49
717. Внидите все в радость Господа своего! Христос воскрес!	51
718. Юный святитель — великий мученик	54
719. Кто учит людей срамословию?.....	58
720. Какому перстосложению учит "Большой катехизис"?	61
721. Святой игумен в добровольном изгнании	64
722. Весенние цветы Святой Руси.....	67
723. Величие праздника Вознесения Господня	70
724. Утреннее славословие Пресвятой Троице	73
725. Нива, слезами орошенная.....	75

726. С вами Господь! (Причастникам после Святого Причащения)	78
727. Грозное слово святителя Василия Великого на упивающихся	81
728. Доброе слово жене, у которой муж пьяница	84
729. Как переносить обиды?	87
730. Сам Господь хранит детей	90
731. Дивная слава Успения Богоматери	93
732. Откуда плевелы на Христовой ниве?	96
733. Клятвы Иродовы	99
734. Небесный покровитель Русских Царей	102
735. У колыбели новорожденного младенца	106
736. В чем лучшее наследство для детей?	108
737. Крест Христов — наше оружие на врагов	112
738. Дружба (На день святого апостола Иоанна Богослова)	115
Что может сделать христианская дружба	117
739. Святая радость о Боге Спасителе	118
740. К уходящим от проповеди	121
741. Чьи скорби легче?	124
742. Святой князь — инок-привратник	127
743. Блажен от юности Бога возлюбивший!	130
744. Зачем девочкам грамота?	133
745. Русский целитель — бессребреник	136
746. Памяти незабвенного Государя-миротворца	139
747. Многочисленным именинникам на день святителя Христова Николая	142
748. Наша Небесная Заступница	145
749. Как встречать день Рождества Христова?	147
750. Ищите и обрящете	149

700. Для всех ли бывает Новый год?

Повсюду ныне радость, повсюду торжество. Куда ни взглянешь, везде видно веселье; где не послушаешь, повсюду слышишь благожелания. Пойди по церквам, пойди по домам, пойди по улицам, — везде увидишь веселые лица и праздничные одежды, везде услышишь радостные поздравления. И если спросить кого-нибудь: чему люди радуются? — то все, и духовные, и светские, и богатые, и убогие, и мужчины, и женщины, и стар, и млад — все в один голос скажут: "Слава Богу, Нового года дождалось! Слава Богу, Новый год начинаем! Как же не радоваться, как не ликовать?"

А мне думается, братие, что сегодня не только не все, но и очень-очень немногие новый год начинают, а потому не только не все, но и очень-очень мало таких, которым можно бы ныне с чистой совестью радоваться.

Пожалуй, мои слова многим покажутся странными; но я прошу не спешить суждением, а прежде меня выслушать. Прикрашивать не стану, потому что тут не нужно никаких красок. А истину сказать я должен, как умею.

Итак, спрашиваю: что мы видим сегодня нового, чего вчера не видали бы? Какую и в чем перемену принес нам нынешний день? Если взглянем на землю, — она такая же мерзлая, снегом покрытая, как и вчера была; если посмотрим на небо, — и там те же звезды, та же луна, то же солнце, как и вчера было. Чему же мы новому сегодня радуемся? Скажешь, пожалуй: "Потому мы радуемся сегодня и благодарим Бога, что Он даровал нам с прошлогоднего первого января до нынешнего первого января дожить". Это хорошо, значит уже не в солнце, а в Боге, Творце солнца, видим причину нашей радости, нашей к Нему благодарности. Но скажи мне: если мы от первого января доживем до первого ноября, или до первого мая, или марта, то ужели не должны так же благодарить Господа Бога, как благодарим и сегодня? Что в церкви читается на Великом повечерии? День прешед, благодарю Тя, Господи! Не за год, не за полгода, не за месяц, но и за один день Святая Церковь благодарит Господа, без Которого и одного дня, одного часа, одного мгновения мы не можем прожить. Не о том, что дожили, а как дожили — вот о чем рассуждать должно. Дожили не только мы, но и скоты; не только христиане, но и евреи некрещенные, и турки, и язычники дожили, и разные безбожники; дожили не одни достойные люди, но и плуты, и воры, и разбойники, которые, если бы не дожили, то меньше себе греха нажили бы, меньше и людям зла натворили бы. Но оставим других, подумаем о себе: мы-то как дожили? Не найдется ли и среди нас много таких, которые, если не делом, то словом человека убили; которые от зависти к счастью ближнего изнывают, подобно Каину; которые на всякое зло, на всякую неправду безрассудно спешили, а о заповедях Божиих, о будущем веке, о спасении своем — нимало не заботились? За что же мы сегодня благодарим Бога? Чему радуемся? Тому ли, что он попустил нам не месяц, не два, не три, а целый год своими грехами оскорблять Его? Но ведь это было бы величайшее безумие, это было бы богохульство! Ведь Его воля святая была вовсе не на то, чтобы мы грешили; Он не отнял у нас жизни нашей, чего мы заслуживали, только для покаяния нашего, как поучает святой апостол Павел: «Или о богатстве благодати Его и кротости и долготерпении нерадиши, не ведый, яко благодать Божия на покаяние тя ведет» (Рим. 2; 4). Почему многомилостивый и человеколюбивый Бог, прогневаемый на всякое время и на всякий час нашими беззакониями, не погубляет нас? Потому что «не хочет Он смерти грешника, но обратится и живу быти ему, как Сам о Себе Он свидетельствует» (Иез. 33; 11). Но когда мы данное нам для нашего покаяния время употребляем на то, чтобы еще больше раздражать Его грехами своими, то слышите, что говорит тот же апостол Павел: По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия, «Иже воздаст коемуждо по делом его» (Рим. 2; 5, 6). О том ли радуемся сегодня, что собрали себе много гнева

Божия за год грехами своими? Нет! Об этом плакать надобно, а не радоваться. Господь принес на землю и проповедал лето Господне приятно; мы начинаем сие, приятное Господу лето, тогда, когда начинаем жить для Господа; а начать такую жизнь для Господа нельзя, если прежде не умрешь для греха!

Об этом новом лете и говорит апостол Павел, когда увещавает нас отложить... по первому житию, ветхого человека, тлеющего в похотех прелестных: «Обновлятися же духом ума вашего, И облещися в нового человека, созданного по Богу в правде и преподобии истины» (Еф. 4; 22-24), когда Он заповедует: «преобразуйтесь обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная» (Рим. 12; 2). Очистите убо ветхий квас, да будете ново смешение (1 Кор. 5; 7). Поистине, начинают новый год те, которые прежде много о себе мечтали, а ближнего ни во что ставили, теперь же видят свою скудость духовную и смиряются под крепкую руку Божию. Начинают новый год те, которые доселе дышали ненавистью против ближнего, а теперь ищут с ним примирения и любви. Начинают новый год те, которые прежде всячески поносили ближнего, а теперь стараются, сколько можно, возратить ему честь и доброе имя. Начинают новый год те, которые доселе завистливым оком смотрели на счастье ближнего, а теперь славят Бога за его благополучие. Начинают новый год те, которые прежде обижали ближнего, а теперь поняли, что этот грех не загладишь ни потоками слез, ни тысячами земных поклонов, ни строгим постом, если не возвратишь обиженному то, что отнял у него, если не загладишь этого греха милостынями, призрением сирот и другими добрыми делами, и стараются всеми мерами делать это. Начинают новый год те, которые, подобно Евангельскому блудному сыну, приходят в себя и возвращаются к Отцу Небесному, взывая из глубины сердца: «Отче, согреших бо на небо и пред Тобою» (Лк. 15; 18), и, «очистив себе от всякие скверны плоти и духа, творят святыню в страхе Божии» (2 Кор. 7; 1). Начинают новый год те, которые доселе хулили Церковь Божию и ее святые догматы, а теперь не мудрствуют паче, еже подобает мудрствовати в то, во что Церковь верует, отвергают то, что она отвергает.

Одним словом, мы тогда начинаем новый год, когда к Богу возвращаемся, когда все чувства наши, все мысли и желания к Нему единому устремляем. Все ли так поступают — пусть каждый спросит у своей совести! Ах, как мало таких, которые в этом зеркале увидят свое обновление! Почему же мало? Ведь Господь всех, в многмятежном мире сем труждающихся, к Себе призывает; всем без исключения, грехами обремененным, обещает покой, только бы мы сами шли к Нему непритворным покаянием. Значит, наше небрежение, наше нечувствие, наше ожесточение повинно в том, что не все мы начинаем лето Господу приятно. Только наша же грехом расслабленная воля виновна в том, что хотя мы и дожили до первого января, однако не все вступаем в Новый год, потому что не все лето Господу приятно начинаем, не все обновляемся духом; а без этого духовного обновления нет

для нас и нового лета, напрасна и радость наша сегодня, бесполезно торжество, неуместно и всякое веселье...

Молим Тебя, Премилосердый Творче наш и Владыко Господи! Не предаждь нас до конца ожесточению нашему; даждь нам сердце новое и дух новый; сокруши окаменение наше; понуди нас, имиже веси судьбами, больше всего заботиться о нашем спасении, и, аще инако невозможно, то и накажи! Аще невозможно нам спастися здравием, понуди болезнями; аще невозможно изобилием, понуди лишением; аще невозможно благополучием, понуди скорбьми и напастями. Только не отрини нас вовсе от лица Твоего; не погуби нас с беззакониями нашими, отвори нас от нас самих и обрати нас к Тебе; даруй нам лето Тебе благоприятное и нам душеспасительное хотя отселе начати; даруй нам остаток сей кратковременной бедной жизни нашей пожить так, чтобы мы не лишились блаженной оной вечности, для которой созданы и о которой день и ночь воздыхает душа наша. Аминь!

(Из слова на Новый год Стефана, епископа Псковского)

Ежедневная молитва святителя Филарета, митрополита Московского
Господи, не знаю, чего мне просить у Тебя. Ты один ведаешь, что мне нужно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить Тебя. Отче, даждь рабу Твоему, чего сам я просить не умею. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения; только предстою пред Тобою. Сердце мое Тебе отверсто; Ты зришь нужды, которых я не знаю. Зри и сотвори по милости Твоей; порази и исцели, низложи и подыми меня. Благоговею и безмолвствую пред Твоею святою волею и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе, предаюсь Тебе; нет у меня желанья, кроме желанья исполнять волю Твою; научи меня молиться, Сам во мне молись! Аминь.

701. Икона Богоматери "Трех Радостей"

Радуйся, Радосте Ангелов! Радуйся, Радосте наша: Радуйся, Радость миру Родившая!..

Так, в сердечном восторге, взывает Святая Церковь к Матери Божией. В Ней она видит свою радость, видит надежду для немощных чад своих, к Ней учит прибегать и нас, грешных, и в горе, и в радости. И прибегают чада Православной Церкви к Царице Небесной, как дети к своей любящей Матери, и поведают (объявляют) Ей в простоте сердца все скорби и печали свои, жалуются Ей на свои немощи, и Она, премилосердая Заступница рода христианского, с любовью материнской внемлет их мольбам и посыпает им от Сына и Бога Своего благодатное утешение и от всех бед избавление. Вот почему и святые иконы Ее нередко носят такие утешительные наименования, как: "Всех скорбящих Радость", "В скорбех и печалех Утешение", "Утоли моя печали", "Трех радостей" и подобные. Предлагаем нашим читателям повествование об иконе Пресвятой Богородицы, именуемой "Трех радостей", о которой сохранилось такое предание.

В начале прошлого столетия один благочестивый живописец привез из Италии копию с иконы "Святого Семейства" и оставил ее в Москве, у своего родственника — священника Троицкой, на Грязях, церкви (что на Покровке), а сам вскоре отправился опять за границу, где умер. Священник, получив известие о смерти его, пожертвовал эту икону в свою церковь и поместил ее в паперти, над входом в церковь. Прошло лет сорок после того. Одна знатная женщина в короткий промежуток времени понесла тяжкие утраты, одну за другой: ее муж был в чем-то оклеветан и отправлен в ссылку, имение было отобрано в казну, а единственный сын — утешение матери — попал в плен во время войны.

Несчастливая искала утешения в молитве и просила Царицу Небесную быть заступницей пред Божиим милосердием за невинных страдальцев. И вот однажды она слышит во сне голос, повелевающий ей отыскать икону Святого Семейства и помолиться пред нею. Долго скорбящая женщина искала по московским церквям желанную икону, пока, наконец, нашла ее на паперти Троицкой церкви на Покровке. Усердно помолилась она перед этой иконой и вскоре получила три радостные вести: муж ее был оправдан и возвращен из ссылки, сын освобожден из тяжкого плена, имение возвращено им из казны. Вот почему и эта святая икона получила наименование "Трех радостей" (См. Историческое обозрение святых Московской Епархии. Московские Епархиальные Ведомости, 1869, № 11).

Икона хорошей живописи, Богомладенец на коленях Владычицы изображен с белым цветом, справа стоит старец Иосиф Обручник, а слева — Предтеча Господень Иоанн; оба они с любовью взирают на Божественного Младенца — Радость Матери Девы и их обоих, а лучше сказать — Радость всего мира...

Праздник в честь этой иконы совершается в Троицкой церкви 26 декабря (8 января), в день Собора в честь Пресвятой Богородицы.

Матерь Божия — наша Радость

«Тобою бо дадеся радость, Богородице, зовущим: благословенна Ты в женах еси, Всенепорочная Владычице!» (Часы Святой Пасхи)

Не ищет душа моя в мире этом утешения, потому что всякая радость мира сего есть печаль. Нет здесь радости, которая не растворялась бы печалью, нет утехи, которая не соединялась бы со скорбью; нет веселья, за которым не следовало бы сетование, нет смеха, после которого не было бы плача и воздыханий. Где же мне искать истинной, постоянной, неотъемлемой радости? Говорят, что только в раю нет болезни, нет печали и воздыхания: там всегда глас радости и спасения «в селениях праведных» (Пс. 117; 15). Но я, нечистый и скверный, как посмею войти туда, куда «не имать... внити всяко скверно» (Откр. 21; 27). Оттуда подобных мне грешников гонят с позором: «вне... пси и чародее, и любодее и убийцы, и идолослужителие и всяк

любяй и творяй лжу!» (Откр. 22; 15). А если так, то куда пойти мне, грешному, чтобы найти утешение скорбной душе моей? Пойду ко Пресвятой Богородице: Она — рай словесный, всякой утехи и радости преисполненный, рай, к которому не только для святых, но и для грешных открыт всегда путь свободный и невозбранный! В этом раю, то есть у Матери Божией, я найду утешение, как только воззову к Ней с поющими: "подаждь утешение рабом Твоим, Всенепорочная, утоляющи лютая на ны востания, всякия скорби нас изменяющи!" Рай утешает только тех, которые перешли из сей юдоли плачевной в радостную жизнь, а Дева Мария утешает и тех, которые еще находятся в этой юдоли плача и оплакивают беду свою. "О Раю краснейший! Утешения Твоя да возвеселят душу мою!.."

Молитва ко Пресвятой Богородице

К кому возопию, Владычице, к кому прибегну в горести моей, аще не к Тебе, Царице Небесная? Кто плач мой и воздыхание мое примет, аще не Ты, Пренепорочная, надеждо христиан и прибежище нам грешным? Кто паче Тебе в несчастиях защитит? Услыши стенание мое и приклони ухо Твое к молению моему! Владычице, Мати Бога моего, не презри требующаго Твоея помощи и не отрини мене грешнаго, вразуми и научи мя, Царице Небесная; не отступи от мене, раба Твоего, Владычице, за роптание мое: буди мне Мать и покровительница! Вручаю себе милостивому покрову Твоему, аще токмо восхощеши устроить о мне; приведи мя грешнаго к тихой и безмятежной жизни, да плачуся о грехах моих... Увы мне! К кому прибегну повинный аз, аще не к Тебе, упованию и прибежищу грешных, в надежде на неизреченную милость и щедроты Твоя? Кое ли слово за преступление мое изрещи возмогу к величеству славы Твоея? О Владычице, Царице Небесная! Ты мне Мати и надежда, Ты мне упование и прибежище, покров, заступление и помощь! Царице моя преблагая и скорая заступнице! Покрый Своим ходатайством мое преступление заповедей Сына и Бога Твоего, защити мене от враг видимых и невидимых, умягчи сердца злых человек, востающих на мя. О Мати Господа и Творца моего! Ты еси корень девства и неувядаемый цвет чистоты! О Богородительнице! Ты подаждь ми помощь немощствующему плотскими страстьми и болезнующему сердцем: едино бо Твое и с Тобою Твоего Сына и Бога нашего имею заступление, и Твоим пречудным заступлением да оправдан буду и избавлюся от всякия беды и напасти, всесильными Твоими молитвами, всечистая, непорочная и преславная Мария, Мати Божия! Радуйся, Благодатная, радуйся, обрadowанная, радуйся, преблагословенная, Господь с Тобою!

Из песнопений в честь и славу Матери Божией

Утоли болезни многовоздыхающая души моя, утолившая всякую слезу от лица земли: Ты бо человек болезни отгонявши и грешных скорби разрешавши, Тебе бо вси стяжанием надежду и утверждение, Пресвятая Мати Дево!

Всем предстательствуеши, Благая, прибегающим с верою в державный Твой покров: иного бо не имамы грешнии к Богу в бедах и скорбех присно избавления, обременени грехи многими, Мати Бога Вышняго! Темже Ти припадаем: избави от всякаго обстояния рабы Твоя!

Никтоже притекаяй к Тебе посрамлен от Тебе исходит, пречистая Богородице Дево: но просит благодати и приемлет дарование к полезному прошению.

Исполни, Чистая, веселия сердце мое, Твою нетленную даючи радость, веселия Рождшая Виновнаго!

Радости мое сердце исполни, Дево, яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляющи!

От души советуем нашим читателям чаще повторять, а кто может — и петь эти умиленные песнопения, особенно в часы скорбей и томления душевного. Матерь Божия — радость всего мира: Она не оставит таких певцов Своих без благодатного утешения.

(Из "Руна Орошенного")

702. У купели младенца

Лишь только мы явились на свет, как над нами совершено было самое первое Таинство церковное — Святое Крещение, и вместе с тем святое миропомазание. Не сознавали мы тогда, что с нами совершалось, но знаем теперь, что тогда нас принесли в церковь, что здесь мы отреклись темного царства диавола, и обещали служить Господу Иисусу Христу. Нас погрузили тогда в священную воду, помазали миром святым и дали нам белую одежду невинности и горящую свечу в знак того, что мы будем жить разумно и праведно. Тогда записали нас в число членов Церкви Христовой.

Таинство Крещения не может над нами повторяться; но мы часто имеем случай воспринимать новорожденных младенцев от купели Святого Крещения, и не должны пропускать такой прекрасный случай получить пользу для своей души. Благочестивый христианин идет в кумовья или в восприемники при крещении младенца со святыми христианскими мыслями: он считает своей святой обязанностью послужить новорожденному человеку — ближнему своему в таком великом и святом деле, чтобы ввести его в члены Церкви Христовой, как наследника вечного Царства Небесного. А темный, неразумный человек идет в кумовья и сам не знает: зачем он идет? И больно подумать, как много бывало и бывает у нас таких восприемников, которые под крестинами разумеют только хорошее угощение, часто соединенное даже с пьянством и невоздержанием! Что сказать о таких

христианах, оскорбляющих святость совершаемых Таинств церковных пьянством, как бы умышленно помрачающих свой рассудок, чтобы ничего не понимать при совершении таких прекрасных, священных, поучительных обрядов? Несчастные! Они и понятия не имеют о том, зачем их позвали и какие обязанности они на себя принимают! Разве не бывает, что отец новорожденного приходит к священнику известить его, что у него родилось дитя, а потом, когда священник является в церковь или в дом, чтобы крестить этого ребенка, отца уже не видит: тот лежит где-нибудь пьяный — с радости!.. Разве не случается, что кум подходит к святой купели, шатаясь от водки, и едва бывает в состоянии ответить на вопрос священника: "отрицаешься ли сатаны?" одним словом: "отрицаюсь..." И это слово исходит из уст, смердящих водкой... Это ли отрицание сатаны и всех дел его?

Но оставим этих несчастных оскорбителей Таинства святого; представим себе: какие размышления занимают, при совершении Таинства Крещения, человека благочестивого и разумного, которого попросили быть восприемником?

Всякий человек, конечно, родится человеком, а не Ангелом; он рождается, является на свет Божий, но много лет пройдет, прежде чем человек познает себя и весь мир Божий, его окружающий. А все же, хотя бы он был только однодневным младенцем, в нем сокрыта искра Божия, дух обитает бессмертный, — он назначен не для земной только, но и для вечной, небесной жизни. И вот, принесли это невинное дитя в церковь; оно и не знает о том, что с ним делают, оно спит себе невинным сном. Но мы, смотря на него, не можем не вспомнить слов Спасителя, что если мы сами не будем подобны невинным детям, то не войдем в Царство Небесное (Мф. 18; 3). О, если бы ты, чистый младенец, рос в твоей нынешней невинности, если бы во всю жизнь свою твоя душа сохраняла себя чистой от греха, если бы эта твоя одежда чистоты оставалась незапятнанной пороком! Если бы ты, когда перестанут тебя носить в церковь на руках, когда сам ты, дитя, будешь ходить сюда, не забывал, что обещал ты отречься от диавола и служить Христу; если бы никогда твое личико не краснело от стыда, твое сердце никогда не трепетало бы от страха и упреков совести, что ты изменил Христу, преступая Его святые заповеди! И еще придет час, когда ты, теперешний малютка, опять не в состоянии будешь сам прийти в церковь, когда добрые люди поднимут твое тело на носилках и принесут сюда уже в последний раз... О, если бы сказали о тебе тогда: умер праведный человек, благочестивый христианин, который оставил по себе не одно доброе дело, не один прекрасный памятник!

Вот какие размышления волнуют сердце благочестивого восприемника; при этом он оглядывается и на самого себя, и думает о себе: что я? Для чего я живу на свете? Как живу? Ведь я — человек, я — христианин, я живу для вечности; и я когда-то обещался служить единому Христу. И меня погрузили во святую купель, и омыли водой крещения, и меня помазали святым миром, запечатлели печатью Христовой, и для меня пели: "елицы во Христа

креститесь, во Христа облекостесь..." А сохранил ли я все это, живу ли я честно, разумно и праведно, не оскверняя белую, чистую ризу Христову грешными делами?.. Достоин ли я быть восприемником этому дитяти, то есть быть его поручителем перед Христом? Не скажет ли мне Христос: человеке, ты других вводишь в христианство, а сам не живешь по-христиански; других вводишь в союз со Мною, а сам отрекаешься Меня твоими темными, неразумными, грешными и преступными делами!..

Каждый раз, как мы идем в восприемники, мы имеем прекрасный случай, как при великопостной исповеди, заглянуть в свою душу. Мы, восприемники или кумовья, делаемся свидетелями, что между крещаемым и Христом Спасителем заключается вечный союз; мы ручаемся, что крещаемый исполнит все свои христианские обязанности, мы сами при этом обязуемся помогать ему в исполнении этих обязанностей. В древние времена христианства смотрели на звание восприемника, как на дело великое; нынешний век все переменял к худшему. Тогда восприемник постоянно носил в своем сердце заботу о своем крестнике. Если его родители умирали или проводили жизнь грешную, соблазнительную, то крестный отец, крестная мать были для крестника вместо родителей: они помогали ему в средствах жизни, учили и воспитывали его духовно, старались сделать из него доброго и честного человека.

У нас есть прекрасный обычай никому не отказывать, если кто просит нас в кумовья. Ах, если бы этот обычай люди выполняли как должно, по-христиански, если бы при совершении великого Таинства не стояли бессмысленно и, что еще хуже, если бы потом, после совершения Таинства, не оскорбляли святость Таинства невоздержанием и пьянством, не подавали бы повода иудеям и неверующим смеяться над самой верой христианской! Да, это прекрасный обычай, когда богатый человек идет в кумовья к самому последнему бедняку, не отказывается, не стыдится бедноты его: при этом и самый богатый, самый знатный человек не может не вспомнить, что и он вот так же, как и всякий последний бедняк, нагим пришел на этот свет, что и теперь он равен бедному: ведь одинаково с бедным и он пойдет в землю, из которой Бог его создал... Повторяю: хороший это обычай, что люди знатные и богатые не отказываются идти в кумовья к беднякам. Этому обычая держатся даже и наши Цари благочестивейшие: умилительно читать, как Русский Самодержец или его августейшая супруга воспринимали от купели Святого Крещения у какого-нибудь простого своего подданного. Честь и вам, люди богатые, когда идете крестить у бедного человека; только помните, что вы навек обязаны любить своих крестников, быть для них отцом или матерью не на словах только, но и на самом деле.

Проникнувшись мыслью о святости Таинства Крещения, постараемся, братие, удалить от крестин все нечистое, все грешное, особенно этот нехристианский обычай напиваться на крестинах допьяна; если есть в деревне и богатый, но пьяный человек, не приглашайте его к себе в кумовья: пусть лучше будет кум бедный, но зато честный, трезвый и богобоязненный

человек. Вы, отцы и матери, встречайте своего новорожденного младенца не выпивкой, а чистой, усердной к Богу молитвой. Пусть радость ваша будет чиста и свята; радуйтесь, что родился новый человек в мир, что в вашем доме явился новый жилец, но пусть эта радость ваша будет во славу Божию, разделите ее со своими кумовьями и с родными по-христиански, без пьянства и всякого невоздержания. Показывайте свое духовное родство с восприемниками вашего малютки не излишним угощением и водкой, а добрым расположением и любовью. И благословит тогда Господь вас и малюток ваших, и пошлет Своих Ангелов охранять колыбельку его от всякого зла. Да будет так!

703. После Святков

Переходя постепенно от Вифлеема до Иордана, мы достигли, братие, и конца великих праздников Рождества и Крещения по плоти Господа нашего Иисуса Христа. Нынешним воскресным днем, который именуется в Церкви неделей по просвещению, заключается весь богосветлый круг праздников Господних. Поэтому ныне благовременно спросить нам самих себя: что полезного приобрели мы для души своей от воспоминания великих таинств, совершившихся в мимошедшие дни Господни? Что худого и нечистого изгнали из своего сердца — ради любви к своему Спасителю и Господу, в честь великого, беспримерного снисхождения Его к нам, грешным? Есть ли и для нас нынешний день воистину день по просвещению?

Мы торжествовали Рождество Господа нашего Иисуса Христа по плоти: вспомнили ли при этом о том новом, духовном рождении, которое совершилось в нас благодатью Святого Духа и должно совершаться постоянно в нашей жизни? Это духовное рождение совершается, по слову Апостола, совлечением ветхого человека с деяньями его и облечением в человека нового, созданного по Богу в правде и преподобии истины, — изгнанием из своего сердца греховных помышлений, нечистых чувствований и пожеланий и возвращением к себе плодов Духа Святого. Это происходит через подражание наше Христову самоотвержению и смирению, Его благодати и милосердию, Его кротости и долготерпению, Его чистоте и святости, Его произвольной нищете и нестяжанию, Его посту и бодрости в молитве. Итак, поклоняясь Рожденному в вертепе, смирившему Себя до уподобления рабу, умертвили ли мы в своем сердце всякую гордыню и кичение? Научились ли кротости, смирению и послушанию? Взирая на убогие ясли и пелены Богомладенца, убедились ли сердцем своим, что не сокровища земные делают нас богатыми, а довольство своим жребием, какой посылается нам от Господа в этой жизни, что не слава человеческая делает нас великими, а смирение и добродетели христианские? Видя Богомладенца, бегущего в Египет от лютости Ирода, научились ли непамятозлобию и святому искусству благословлять клянущих нас, добро творить ненавидящим

нас и молиться за творящих нам обиду? Воспомявая волхвов, пришедших из далеких стран поклониться родившемуся Царю Иудейскому, и принесших Ему дары, ощутили ли в сердце своем святую ревность и усердие спешно притекать в храм Божий, посвящать здесь ум и сердце свое смиренной и умиленной молитве, жертвовать от избытков своих Господу? Взвизывая на пастырей, по повелению Ангела пришедших в Вифлеем, чтобы обрести там Божественное Отроча, научились ли совершенному послушанию воле Божией во всех обстоятельствах жизни? Убедились ли в сердце своем, что всякое звание, проходимое со страхом Божиим, приближает нас к Богу; что и стрегущие стражу ночную о стаде своем можно удостоиться откровений и видений божественных, что не место и звание делают нас угодными Богу, а вера и благочестие, преданность воле Божией и страх Божий?

Мы праздновали начало нового лета и Обрезание Господне по плоти. Итак, минувшего лета нет уже и не будет. Итак, и без того краткая жизнь наша сократилась еще на целый год, еще на шаг мы ближе ко гробу, который и без того недалек от нас. Что ж понес с собой в вечность минувший год нашей жизни? Что представит он о нас Отцу веков, Богу духов и всякой плоти? Что внесет он в книгу живота нашего к осуждению или к оправданию нашему на Страшном Суде Христовом? Все, что сделано нами доброго, вписано там и не изгладится никогда: всякая слеза умиления и покаяния, каждый вздох молитвенный, всякая чаша студеной воды, поданная во имя Христово, — все помянется на суде Христовом, за все щедродаровитый Мздовоздаятель воздаст сторицею. Но там же записаны, братие, неизгладимыми чертами и все эти самолюбивые, своекорыстные, горделивые помыслы, коими осквернялся ум наш; все эти нечистые похотения и пожелания, коими волновалось наше грешное сердце; все эти праздные, пересудливые и душевредные слова, кои в бесконечном множестве истекали из уст наших; все эти честолюбивые замыслы, корыстолюбивые предприятия, неправые действия, коими или самих себя обесчестили, или брату нашему досадили, — все это там вписано в книге живота нашего, все это сокрыто теперь до дня Страшного и славного суда Христова, все будет открыто тогда пред лицом Ангелов и человеков, за все получит тогда человек праведное воздаяние.

О, как бы хотелось теперь многое и многое изгладить или исправить в свитке минувшего года, или же сокрыть, если можно, от всеведения Божия! Но минувшего лета уже не будет, и написанного в нем не переменит никакая сила, и от всеведения Божия не сокроется ничто и нигде. Итак, есть ли средство изменить сей праведный суд, написанный на нас собственными делами нашими? Есть, и оно в наших руках. Это — истинное покаяние, скрепленное решительным отвращением от зла и непреложным желанием своего спасения. Это — живая вера и упование на милосердие Искупителя нашего, на всепримиряющую силу Его крестных страданий и смерти, на всеосвящающую силу Крови Его, омывающей грехи всего мира. Для этого именно милосердый Отец Небесный и даровал нам новое лето жизни — для

очищения себя покаянием. Быть может, секира гнева Божия давно уже лежит при самом корени бытия нашего; быть может, правда Божия давно уже осудила исторгнуть нас, как бесплодную смоковницу, и только беспредельное милосердие и всемогущее ходатайство Сына Божия умолило Отца Небесного оставить нам и еще одно лето. И это лето для многих из нас, без сомнения, есть последнее предсмертное время, данное милосердием Божиим на покаяние. Для кого именно из нас — мы не знаем: все мы, от самого рождения, обречены на смерть. «Блюдите убо, братие, како опасно ходите, не якоже немудры, но якоже премудры, искупующе время, яко дние лукавы суть» (Еф. 5; 15-16).

Мы торжествовали день Крещения Господа нашего Иисуса Христа, и ходили на Иордан, чтобы освятиться благодатью Духа Святого от вкушения освященных вод. Вспомнили ли мы при этом и о нашем крещении и о тех обетах, которые дали мы при крещении? Подумали ли о том, что каждый из нас отрекся тогда дьявола и всех дел его, и обещал всю жизнь служить единому Иисусу Христу, во всем исполнять Его святую волю, жить по Его Святому Евангелию? Что мы принадлежим уже не самим себе, а Господу Иисусу Христу, искупившему нас Своей честной Кровью: «песте свои, — говорит Апостол, — куплены бо есте ценою. Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия» (1 Кор. 6; 19-20). Возбудилась ли при этом воспоминании в нашем сердце святая ревность тщательно избегать самых случаев ко греху, понуждать себя к исполнению всего, чего требует от нас Святое Евангелие Христово? Пробудилось ли, по крайней мере, то чувство умиления и сокрушения сердечного, которое выразил святой Давид в своей покаянной молитве: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей... яко не оправдится пред Тобою всяк живой!» (Пс. 50; 3, 142; 2). Как прилична бы теперь каждому из нас смиренная молитва кающегося мытаря: Боже, милостив буди мне грешному!

Как благовременно каждому из нас стать теперь у порога церковного и воззвать: "Господи Иисусе Христе, Боже наш, сколько раз в жизни моей я нарушал священные обеты, данные мною при крещении моем пред Ангелами и человеками! Сколько раз сам, произвольно, если не словами, то делами моими, я отрекался от Тебя, безумно предавал себя во власть сатаны исполнением злой воли его! Сколько раз незаконными делами моими я бесчестил Кровь завета Твоего, которой освятился, и оскорблял Духа благодати Твоей! Но Ты, милостивый и щедрый Господи и Владыко живота моего, доселе щадил меня, недостойного, не погубил меня со грехами моими, еще ожидаешь милостиво обращения моего, еще даруешь мне время на покаяние, еще стоишь долготерпеливо у двери сердца моего и зовешь, — да услышу глас Твой и отверзу двери, и внидешь ко мне, и вечеряешь со мною! Слава непостижимому снисхождению Твоему, слава бесконечному человеколюбию Твоему, слава непобедимому всеми грехами мира милосердию Твоему!"

Братие мои, потщимся ознаменовать конец святых дней Господних святыми мыслями и святыми делами. Явился бо благодать Божия спасительная всем человеком, наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце, ждуще блаженного упования и явления славы великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Тит. 2; 11-13). Аминь.

(Из проповедей Димитрия, архиепископа Херсонского)

704. Искренно ли мы называем себя грешниками?

Господи, Господи, помилуй нас грешных! Эти слова молитвы покаяния нередко слышатся из наших уст. Блажен, у кого этот вздох тоскующей души исходит прямо из сердца сокрушенного и смиренного! И как грустно, как прискорбно, когда эти слова произносятся только по привычке, без всякого участия сердца! Когда их слышишь, то невольно в совести повторяются, как бы отголосок Божественной правды, слова Господни: «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное: но только творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех» (Мф. 7; 21).

Один новоначальный инок жаловался преподобному Варсонофию Великому на другого брата, и в то же время называл самого себя грешным и безумным. Вот что отвечал ему благодатный оный наставник: "Ты называешь себя грешным, а на деле не показываешь, что действительно сознаешь себя таким. Кто признает себя грешником и виновником многих зол, тот никому не противоречит, ни с кем не ссорится, ни на кого не гневается, всех считает лучшими и разумнейшими себя. Будь внимателен, брат, это неправда: мы еще не достигли того, чтобы считать себя грешными".

Приложи каждый эту мерочку к себе — и увидишь: искренно или лицемерно называешь ты себя грешником. "Если ты грешник, — продолжает святой старец, — то зачем укоряешь ближнего и обвиняешь его, будто через него приходит к тебе скорбь? Лучше помолись, чтобы вам принимать участие друг в друге, по страху Божию. Вот, ты назвал себя неразумным, скажу тебе: берегись, как бы не быть тебе обманутым; испытай себя — и найдешь, что на деле вовсе не считаешь себя неразумным. А если действительно так о себе думаешь, то ни на кого не гневайся; ведь ты не в состоянии рассудить, хорошо ли или худо исполнено дело; ведь безумный и несмысленный не имеет в себе соли мудрости, а кто не имеет в себе этой соли, тот как приправит и осолит других? Смотри, брат, как мы бываем поруганы: говорим только устами, а дела показывают иное" (преподобный Варсонофий Великий, отв. 17).

Другому болящему ученику старец пишет: "Любезнейший брат! Ты называешь себя грешным, а грешный есть злой раб; тебя постигла болезнь, а болезнь есть наказание. Итак, наказание послано злому рабу. Если тебе тяжело нести наказание, то перестань быть злым, если же ты зол, то прими

наказание. Когда же радуешься, будучи наказываем, то ты не зол, а кто не зол, того любит Бог. «Егоже любит Господь, наказует» (Евр. 12; 16).
 Рассмотрим же по истине, кто ты, и избери одно из сказанного" (преподобный Варсонофий Великий, отв. 77). В беззакониях зачатые, мы и жизнь свою проводим во грехах. Грехов так много, что еще царь Давид (Пс. 18; 13) со скорбью вопрошал: Грехопадения кто разумеет; от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего, Господи, — молился он. "Что ни ступил, то согрешил", — кается простой русский человек. И когда человек начинает внимать себе, следит за всеми движениями души своей, то он постоянно видит, на каждом шаге своем, только грехи и грехи. Один из учеников преподобного Варсонофия говорит святому старцу: "Помысл внушает мне: ты согрешаешь во всем и потому должен при каждом слове, деле и помышлении говорить: «Согрешил я». А если не скажешь: «Я согрешил», — то значит считаешь себя несогрешившим. Меня беспокоит то и другое: говорить это при каждом случае я не в состоянии, а если не скажу, то думается мне, что согрешаю". Старец отвечает: "Мы должны всегда иметь такую уверенность, что согрешаем во всем: и в слове, и в деле, и в помышлении, — а говорить при всяком случае: «Я согрешил», — не можем. Демоны хотят повергнуть нас в уныние и внушают нам, будто, если не говорим таким образом о каждом своем деле, то считаем себя несогрешившими. Но вспомним Екклесиаста, который говорит: «время глаголати и время молчати» (Еккл. 3; 7). И поутру, за прошедшую ночь, и ввечеру, за день, скажем в умилении в молитве нашей ко Владыке Богу (Пс. 40; 5): Владыко! Прости мне все имени ради Твоего святого и исцели душу мою, яко согреших Тебе!" (преподобный Варсонофий Великий, отв. 439).

Есть разница в состоянии грешников: одни произвольно имеют в себе зло, другие непроизвольно. Преподобный Варсонофий пишет (отв. 617): "Произвольно имеющие в себе зло суть те, которые свою свободу отдают злу, услаждаются злом, сдружаются с ним. Таковые имеют мир с сатаной и не ведут с ним брани в помыслах. А непроизвольно имеют в себе зло те, которые, по слову Апостола (Рим. 7; 23), ощущают противную силу в своих помыслах, но не соглашаются, не услаждаются грешными помыслами, не повинуются им, но противоречат, противостоят, сопротивляются, гневаются за них сами на себя. Сии последние пред Богом много лучше тех, которые добровольно услаждаются злом и предаются ему".

Но может ли диавол заставить человека насильно согрешить? На этот вопрос преподобный старец Иоанн пророк отвечает так: "Не думай, чтобы диавол имел власть над кем-нибудь; причина греха заключается в нашей свободной воле, а не в принуждении от диавола: человек как не принуждается ко спасению, так и ко греху. Властью ли своей диавол прельстил Еву ко греху или советом? Нигде не видно его власти, иначе никто не мог бы убежать, когда бы он имел власть. А мы подобны свободному человеку, который произвольно отдал себя в рабство другому, и по времени приходит в себя и раскаивается. Если он не будет искать помощи у

сильнейшего себя, то не может себя избавить: а когда будет искать, то мнимый господин его, зная, что он не есть его собственный раб, не смеет ничего ему сделать ради Всесильного. Итак, явно, что диавол не имеет власти над человеком; скажи и ты своему помыслу: точно, я должник, но прибегнул к Могущему меня избавить, Который призвал меня и говорит: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11; 28). Повергнем наше бессилие пред Богом, и Он упразднит козни вражии молитвами всех святых Своих (отв. 691).

"Считай себя самым грешным и последним из всех — и будешь иметь покой" (отв. 696).

"Говори себе всегда так: знаешь ли, душа моя, что мы грехами превзошли и бесов, а доброго никогда не сделали Бога ради, и горе нам, о унижившиеся, что мы сделаем в день судный?" (св. Нифонт, отв. 2).

Но что делать, когда у нас грехов так много, что нет возможности припомнить их все, чтобы принести в них покаяние? Вот что говорит на это преподобный Варсонофий (отв. 393): "Есть люди неграмотные, которые имеют добросовестных заимодавцев; будучи уверены, что эти заимодавцы с них ничего лишнего не возьмут, они, если и забудут, сколько должны, говорят заимодавцам: мы отдадим, сколько состоим должны, по вашему счету. Так и ты, какого еще заимодавца можешь найти вернее Бога, знающего и то, чего еще не было? Возложи на Него счет забытых тобою прегрешений и скажи Ему: Владыко, поелику и забыть свои согрешения есть грех, то я во всем согрешил Тебе, единому Сердцеведцу; Ты и прости мне все по Твоему человеколюбию; тем-то и проявляется великолепие славы Твоей, когда Ты не воздаешь грешникам по грехам их, ибо Ты препрославлен во веки, аминь".

Так кайся Богу каждый час; молись сам и проси молитв у святых Божиих, людей праведных. Хорошо говорит об этом великий Варсонофий (отв. 522 и 541): "Если человек сам не потрудится по силе своей, то никакой не получит пользы от того, что святые будут за него молиться. Когда они будут молиться и поститься за него, а он будет сластолюбствовать, то какую пользу принесет молитва о нем? Ибо здесь сбывается сказанное в Писании: «Един созидай, а другой разоряли, что успеет более, токмо труд?» (Сир. 34; 23). Если бы возможно было, чтобы тот, о котором молятся святые, спасался, нимало не внимая себе, то что препятствовало бы святым спасти таким образом и всех грешных людей мира сего? Но хотя грешный и потрудится несколько сам, он имеет нужду в молитве праведного, ибо Апостол говорит: «много бо может молитва праведного поспешествуема» (Иак. 5; 16), то есть когда святой и праведный молится за грешного, то и грешный, по силе своей, должен содействовать молению святых покаянием: сам он недостаточен к уплате долгов своих, и приносит малое, а молитвы святых — многое. Например: кому-нибудь надобно перенести десять мер пшеницы, а он не может понести и двух, но найдет богобоязненного человека, который понесет за него девять мер, а ему оставит только одну и таким образом даст ему возможность спастись".

Вот что значит молитва праведных. Проси же молитвы их, грешная душа, и Бог за их молитвы услышит и твою молитву и помилует тебя. Аминь.

705. От тьмы к свету

Многоразличны пути Промысла Божия в обращении грешников от заблуждений их. Бывает, что люди считают человека совсем погибшим. Он покинул Церковь Божию и не хочет слушать ее Богом поставленных пастырей, никакие увещания не вразумляют его, но если в его сердце еще не погасла последняя искра совести, и гордость еще не помрачила совсем его разума, то благодать Божия находит средство к спасению его заблудшей души, вразумляет его и обращает на путь истины. Так было всегда, так бывает и в наше время. Вот поучительный рассказ священника-миссионера Саратовской епархии, напечатанный в Саратовских Епархиальных Ведомостях за 1893 год.

Крестьянин села Юзовской Мазы, Вольского уезда, Алексей Кириллов Константинов был с детства православным до двадцати лет, а потом уклонился в раскол нетовской секты, в которой находился до семидесяти лет своей жизни. Через двадцать пять лет после уклонения в раскол у него заболела правая нога: опухоль, гниение и судороги в ноге лишили его свободного движения, он сидел и мог ходить только с помощью посторонних людей. Так продолжалось около двадцати лет. Болезнь смирила его сердце и он стал думать про себя: "Не за отступление ли от Православной Церкви Бог наказывает меня?" И стал он просить Господа Бога, чтобы открыл ему путь спасительный. И вот однажды он уснул, и во сне увидел православный и единоверческий храмы в ярком сиянии неизреченного божественного света, а молитвенный дом старообрядцев во тьме и мраке, и в то же время услышал тайный голос, который говорил ему: "Оставь тьму, иди к свету и спасешься". С этим он и проснулся. Долго думал Константинов о том, что значит это видение. Один из православных, Василий Тихонович Губин, услышав от него самого рассказ об этом видении, посоветовал ему немедленно присоединиться к Святой Церкви Православной. Но он не соглашался, говоря: "В прежние времена творились чудеса в Святой Церкви, а ныне их нет, следовательно, и благодати в ней нет. Если бы вот зажила у меня нога по ее молитве, я тотчас же присоединился бы к ней". "Веруй, — сказал ему Губин, — и по вере твоей будет тебе". Сильная болезнь ноги заставила Константинова от чистого сердца сказать: "Верую, Господи, во Святую Церковь Твою, помоги моему неверию!" И что же? С этой самой минуты болезнь затихла, нога стала подживать, а через месяц он стал совершенно здоровым и уже не чувствовал никакой боли в ноге. Но этим дело не кончилось. После исцеления Константинов не поспешил исполнить свое обещание, а явленную ему милость Божию приписал случайности. Укоренившиеся раскольнические мысли говорили ему: "Не по вере в

Церковь Православную исцелился я, а по молитве моих братьев старообрядцев". В этом убеждении укрепляли его и раскольники. Так способно бывает лукавить сердце человеческое, когда в нем укоренится худая привычка!

Проходит около трех лет, а он не только не думает присоединиться к Церкви Православной, но еще всячески поносит ее. И вот, в 1890 году, на сырной неделе, сделался с ним сильный удар, от которого он долго лежал без памяти, а когда пришел в сознание, тотчас встал перед иконами и с клятвой дал обещание присоединиться к Православной Церкви. Наступила первая неделя Великого поста. Каждый день он собирался идти в церковь, но никак не мог принудить себя к тому. Враг внушал ему: "Как это ты пойдешь в церковь? На тебя будут смотреть все старообрядцы как на врага и отступника, и будут смеяться в глаза!" Наконец, настал первый воскресный день Великого поста. Помолившись Богу, Константинов решился идти к литургии. Вышел он на улицу, остановился, долго смотрел на народ, идущий в православную церковь и в раскольническую моленную, и думал: "Не воротиться ли опять домой? Нет, — решил он, — пойду!" Подходя к церковной ограде, он вдруг почувствовал ужасный страх: тело его дрожало точно в лихорадке, мысли бродили в голове смутно и неопределенно. Собрав все свои силы, он вошел в сторожку и, помолвившись святым иконам, встал у задней двери, как вкопанный, не переставая дрожать. Народу в сторожке было много. Василий Тихонов Губин читал из Пролога: чтение приостановилось, все обратили внимание на вошедшего. "Подойди-ка сюда ближе, Алексей Кириллович, — сказал Губин, — послушай-ка, как святые отцы страдали за Церковь". Тот медленно подошел к столу и сел рядом с Губиным.

В эту минуту ударили в церковный большой колокол, и православные все перекрестились. Константинов, испугавшись, не знал, что ему делать. Он сидел как живой мертвец и сильно дрожал. Народ стал выходить из сторожки в церковь. Константинов идти в церковь не мог, ноги не повиновались ему, особенно правая: болезнь ее как бы отпрыгнула (вновь вернулась) и не давала ему покоя, сила воли ослабела, решимости не стало в нем, и он зарыдал, как малый младенец. "Желаешь ли присоединиться к Святой Церкви Православной?" — спросил его Губин. "Желаю", — отвечал он... Его взяли под руки и ввели в церковь.

По совершении проскомидии священник присоединил его к Святой Церкви, исповедал, и за литургией приобщил Святых Христовых Таин. Все это так отрадительно подействовало на старика Константинова, что он и сейчас не может говорить об этом без слез. Из закаленного раскольника он сделался истинным сыном Православной Церкви, благодарит Бога за исцеление его болезни телесной и душевной и оплакивает те времена, в которые по неведению грешил против Святой Церкви и хулил ее пастырей и Святые Таинства. Его примеру последовали его семья и его родственники. Старик теперь (в 1843 году) семьдесят лет, но он еще совсем бодрый и болезни

никакой в ноге не ощущает. Он неопустительно посещает храм Божий и каждый год трижды бывает у исповеди и Святого Причащения.

Братие, именующие себя старообрядцами! Вдумайтесь беспристрастно в этот рассказ. Вы все порицаете Церковь Православную за изменение якобы старых обрядов, за исправление книг и подобное. Но ведь вне Церкви нет спасения! Ваше самовольное общество не составляет Церкви спасающей. Хотите ли познать истину беспристрастно, какова бы она ни была? Просите Господа: "Скажи нам, Господи, путь, в онъже пойдем. Настави нас на истину Твою, да во свете лица Твоего пойдем, и о имени Твоем спасемся". И Господь услышит молитву вашу. Он готов даже чудесно содействовать вашему обращению и спасению, только бы вы искренно и всем сердцем пожелали найти путь, вводящий в жизнь вечную...

706. Рассказ сына о святой матери

Отраднo бывает на душе, когда читаешь жития святых Божиих; но особенно трoгает сердце житие, написанное человеком, который был близок к святому при жизни его. Жители города Мурoма свято чтут память праведной Юлиании, погребенной в селе Лазаревском, близ этого города. Родилась она при царе Иоанне Васильевиче Грозном, от благочестивых и благородных родителей, в детстве осиротела и воспитывалась сначала у своей бабушки, а потом у тетки, в страхе Божиим и во всяком благочестии. Послушаем, что рассказывает о жизни этой праведницы, боярыни, ее родной сын Каллистрат Осоргин.

Шестнадцати лет Юлиания была отдана замуж за богатого и благородного Георгия Осоргина. И был ее свекор богат и добродороден, и царю знаем, и свекровь ее тоже добродородна и смысленна. Видя сноху свою всякой добротой исполненной и разумной, радовались о ней, и хвалу Богу воздавали, и поручили ей править все домовое хозяйство.

Имела же блаженная с детства обычай всякий вечер довольно молиться Богу, и творить по сто поклонов до земли, и больше; также и восставая от сна своего довольно Богу молилась. И мужа своего наставила то же творить. И скорбела блаженная, что лучшей меры — девственного жития — не постигла. Но утешалась, слыша Апостола, вещающего: спасется жена чадородия ради, аще всякому делу благу последовала есть. И в другом месте сказано: "На два чина разделилось житие человеческое: на монашеское и на простое. Простым невозбранно жениться и мясо есть, но прочие заповеди Христовы — творить как и монахам. Можно и в миру Богу угодить, и не всяк постригаясь спасется, но только тот, кто сотворит достойное монахов; и кто в миру живет по закону, лучше пустычника, который не весь закон исполнил". Когда же муж ее находился в царских службах, иногда года по три, в то время она все ночи без сна проводила, много Богу молилась, и не угасал свещник ее всю ночь. Продавая работу свою, деньги раздавала нищим.

И это тайно от свекра и свекрови творила: только ведала одна малая рабыня, с которой она посылала милостыню нуждающимся. И все это делала по ночам, чтобы никто не узнал.

А днем домовое хозяйство без лености правила. О вдовах и сиротах как настоящая мать заботилась; своими руками кормила и поила, омывала и обшивала. Все в дому ее были одеты и накормлены, каждому дело по силе его давала, а гордости и величания не любила. Полуименем никого не называла и не требовала, чтобы ей кто на руки воды подал, а говорила: "Кто же я-то, убогая, чтобы служили мне такие же люди, создания Божии?"

Иные рабы ее были неразумные, ленивые, на словах перечливые. Но она все со смирением терпела, и на себя же вину возлагала и говорила: "Сама я пред Богом всегда согрешаю, а Бог меня терпит: что же мне на них взыскивать? Такие же люди ведь, как и я. Хоть и в рабство нам их Бог поручил, но души-то их больше наших цветут". И никого из провинившихся рабов она не обвиняла, за что много раз и от свекрови, и от мужа своего бывала бранима.

Постиг Русскую землю гнев Божий, наступил великий голод, от которого много людей поумирало. Она же многую милостыню творила тайно от всех. Брала у свекрови себе пищу, будто бы на утреннее и полуденное яденье, и отдавала нищим. А сама с утра до обеда и после обеда до ужина никогда не ела. Видя это, свекровь говорила ей: "Радуюсь я, невестушка, что ты чаще стала есть, но дивлюсь, как изменилась ты нравом! Когда хлеба было в изобилии, не могли мы тебя принудить к раннему ядению; теперь же в мире оскудение пищи, а ты берешь себе и завтрак и полудник". Она же, желая утаиться, отвечала: "Когда я еще не родила детей, не хотелось мне есть; а как начала родить, обессилела и не могу досыта наесться, и не только днем, но и ночью много раз мне хочется есть, и мне стыдно просить у тебя пищи".

Свекровь этому была очень рада и посылала ей пищи довольно и на день, и на ночь. У них в доме ни в чем не было оскудения: много скоплено было жита. Она же, принимая пищу от свекрови, сама не ела, а все раздавала нуждающимся.

Когда же из нищих кто умирал, нанимала она обмыть его и покупала погребальные ризы, и на погребение посылала деньги; и когда видела в селе своем мертвеца, знакомого или незнакомого, всегда долго молилась о душе его.

Было у нее десять сыновей и три дочери. Из них четыре сына и две дочери в младенчестве умерли; о них она говорила: "Господь даде, Господь отъят. Блаженных младенцев блаженное опочивание: о чем они могут дать ответ? Никакого искуса греховного они не сотворили. Причтены они с сынами Иова, и с избиенными от Ирода младенцами, славят Бога вместе с Ангелами, и о родителях своих Бога молят".

Просила она мужа отпустить ее в монастырь, но тот заклинал ее не оставлять его: сам он состарился, а дети малы. И читал он ей книги

Божественные, в коих сказано: "Не спасут нас ризы черные, если не по-монашески будем жить, и не погубят ризы белые, если богоугодное творим. Кто, не стерпя нищеты, отходит в монастырь, не думая пещись о детях, тот не труда ищет, и не любви Божией, но хочет только отдохнуть. А дети, осиротев, плачутся и клянут, говоря: «Зачем же родители наши, родив нас, оставили в такой бедности и нужде? Если и чужих сирот велено кормить, то тем боле не морить своих»".

Она же, послушав, оставила свое намерение, сказав: "Воля Господня да будет". И стала она поститься больше прежнего: по пятницам вовсе не вкушала, затворялась в уединенной комнате, и там молилась, по понедельникам же и средам однажды в день вкушала сухоядение без варева.

Спала только с вечера час или два. И ложилась на печи без постели; только дрова острой стороной к телу подстилала, дрова и под голову клала, а под ребра железные ключи. Она ложилась, пока не засыпали ее рабы, а потом вставала на молитву и всю ночь со слезами Богу молилась до утреннего благовеста. Потом шла к заутрене и литургии, а днем дом свой богоугодно устроила. Плакалась, когда видела человека в беде; с рабами же, как с родными детьми обходилась. Была для них истинная мать, а не госпожа. Провинившимся рабам и рабыням, вместо грозы, милование творила и от Божественных Писаний поучала, а не бранью и побоями. Иных же ее добрых дел невозможно ни пересказать, ни на письме передать. Где же говорящие, будто в миру нельзя спастись? Не место спасает, а ум и изволение к Богу. Адам и в раю, яко в великом отишии, утонул, а Лот в Содоме, как в морских волнах, спасся. Скажешь, что нельзя среди чад спастись? А вот блаженная Юлиания и с мужем пожила, и детей рождала, и рабами владела, а Богу угодила, и Бог прославил ее.

Когда преставился муж ее, тогда она еще больше пост к посту приложила, и молитву к молитве, и к слезам слезы, и милостыню паче меры показала. Случалось, что ни одной сребреницы в доме ее не оставалось, тогда она занимала, а нуждающимся подавала. Когда наступала зима, брала у детей своих денег на теплую одежду, но и это все нищим раздавала, а сама без теплой одежды оставалась. Сапоги на босые ноги обувала, а под подошвы, вместо стелек, ореховые скорлупы и острые черепки подкладывала, и так тело свое удручала. Знакомые говорили ей: "Что в старости тело свое томишь?" Она отвечала им: "Сколько усохнет тела моего, того уж не будут есть черви в оном веке".

Итак, пожила она во вдовстве десять лет, и дожила до Борисова царства, Годунова. И был в то время сильный голод по всей Русской земле, так что многие ели всякое скверное мясо и человечесю плоть. И множество народа перемерло от голода. Тогда в дому блаженной великое было оскудение пищи, кони ее и рогатый скот околели. Только молила она детей и рабов своих, чтобы ничего чужого не трогали, не воровали; а что осталось у нее от скота, а также одежду, сосуды — все распродала на хлеб, тем челядь свою кормила и милостыню довольную просящим подавала. И дошла она до последней

нищеты, так что в дому ее ни единого зерна жита не осталось: но и от этого она не смутилась, возлагала упование на Бога. Когда великая нищета умножилась в дому ее, она собрала своих рабов и сказала им: "Голод обдержит нас, видите сами. Если кто из вас хочет со мной терпеть, добро и приятно; а кто не хочет, пусть идет на свободу и не изнуруется меня ради". Благомыслящие из них обещали с ней терпеть, а другие отошли. С благословением и молитвой отпустила она их, не держала на них гнева. И велела оставшимся рабам собирать траву, называемую лебедой, и кору древесную, и из этого велела готовить хлебы, и тем сама питалась, и детей и рабов кормила. И молитвой ее был тот хлеб сладок, и никто в дому ее не изнемогал от голода. Тем же хлебом и нищих питала и, не накормив, никого из дому не отпускала, а нищих было в то время бесчисленное множество. Соседи говорили нищим: "Что к Юлиании в дом ходите? Она сама с голоду умирает". Нищие отвечали: "Много сел мы обходим, и чистые хлебы собираем, а так в сладость не наедаемся, как сладок хлеб у этой вдовы". И соседи для испытания посылали к ней за хлебом, ели его и дивились, говоря: "Горазды рабы ее печь хлебы", — а того не разумели, что молитвой ее хлеб был сладок. И терпела в той нищете два года; не опечалилась, не смутилась, не роптала, не изнемогала нищетой, но была еще веселее прежнего.

Когда приближалось честное ее преставление, разболелась она месяца декабря в 26 день, и была больна шесть дней. Но что была болезнь ее? Днем на постели лежала, а молитву творила непрестанно; ночью же сама вставала и молилась Богу, никем не поддерживаемая. А рабыни ее посмеивались, говоря: "Не взаправду хворает; днем лежит, а ночью встает и молится". Она же, уразумев, говорила им: "Что вы меня посмехаете? Разве не знаете, что и у больного истязует Бог молитвы духовные?"

И иное многое говорила от святых книг. 2 января 1605 года на рассвете призвала отца своего духовного Афанасия, и причастилась животворящих таин Тела и Крови Христа Бога нашего. Села на одре своем и призвала детей своих и рабов, и всех, живущих в селе том. И поучала их о любви, о молитве, о милостыне и о прочих добродетелях. И велела приготовить кадило и фимиам, и целовала всех, бывших при ней, и всем мир и прощение подавала. Потом легла; трижды перекрестилась, обвила четки около своей руки и сказала последнее слово: "Слава Богу всех ради! В руке Твои предаю дух мой! Аминь". И предала душу свою в руки Господа, Которого измлада возлюбила. И видели все в тот час на голове ее золотой венец и убрус белый. Омыли и положили ее в клетки. И в ту ночь видели там горящие свечи, а весь дом наполнился благоуханием. И в ту же ночь явилась она одной рабыне и повелела, чтобы положили ее в селе Лазаревском, у церкви святого Лазаря, где многотрудно подвизалась она. Так пожила блаженная Юлиания. Таковы ее подвиги и труды. А написал я вкратце. Вы же, братие и отцы, не зазрите мне, что написал, будучи груб и нечист. И не думайте, что это все ложно, ради родства материнского. Видит Всевидящее Око, Владыка Христос, Бог наш, что не лгу!

707. "Не прелюбы сотвори"

Стыдно писать и говорить о грехах блуда и прелюбодеяния, — однако же это необходимо. Усиливающуюся болезнь надобно лечить, а не пренебрегать ею. Святитель Иоанн Златоуст был чистый сердцем муж и целомудренный: он стыдился говорить и писать о делах постыдных, гнилое слово не исходило из уст его; однако же и он, когда поставлен был учить и врачевать людские душевные язвы, против собственного желания и писал и говорил, не стыдясь, о том, чего привык стыдиться. Вот что говорит он блудникам и прелюбодеями: "Послушайте меня, хотя я буду говорить нечто нечистое, и не буду стыдиться, не буду краснеть, потому что не по своему желанию делаю это, но ради пользы тех, которые не стыдятся постыдное делать. И врач, когда хочет очистить рану от гноя, не может этого сделать, если сначала, касаясь раны, не осквернит гноем свои руки. Так и я не могу исцелить ваших болящих душ, если не произнесу своими устами потребных для того слов". Последуем отчасти и мы этому великому учителю, чтобы показать, как тяжек грех прелюбодеяния. Прелюбодеяние есть блудное грехопадение мужа, имеющего законную жену, с другой женщиной, или наоборот, падение замужней женщины с чужим мужчиной, нарушение супружеской верности и любви. Тяжек грех блудный, оскверняющий душу и тело, оскорбляющий и удаляющий от человека Духа Святого, лишаящий его Царства Небесного, по слову Апостола: «всяк блудник, или нечист... не имать достояния в Царствии Христа и Бога» (Еф. 5; 5). Еще более тяжек грех этот, когда сквернятся им люди, живущие в законном супружестве. Апостол говорит, что «ни муж, ни жена над своим телом не имеют власти» (1 Кор. 7; 4), поэтому прелюбодеяние не только сквернит человека блудом, но и разрушает законный брак и оскорбляет Творца и Законоположника Бога. Бог изначала сотворил мужской пол и женский и сказал: «сего ради оставит человек отца (своего) и мать и прилепится к жене своей, и будета оба в плоть едину, якоже ктому песта два, — говорит Христос Спаситель, — но плоть едина: еже убо Бог сочета, человек да не разлучает» (Мф. 19; 5-6). А прелюбодей именно разлучает то, что сочетал Бог, рассекает надвое единую плоть и оскорбляет святость Таинства брака, изображающего соединение Христа с Церковью. Прелюбодеяние касается четырех лиц: два оскверняют себя, а два терпят обиду — это законный муж и законная жена прелюбодействующих. Вот почему святитель Василий Великий налагает на прелюбодея сугубую епитимию: блудника отлучает от Святого Причащения на семь лет, а прелюбодея — на пятнадцать.

Прелюбодеяние подобно краже. Так говорит о прелюбодеи праведный Иов: «в нощи будет яко тать. И око прелюбодея сохрани тму, глаголя: не узрит мя око: и покрывало лицу наложи» (Иов. 24; 14-15). Но вина прелюбодея несравненно больше вины вора: вор крадет вещи бездушные:

злато, серебро и прочее, а прелюбодей крадет жену ближнего, крадет любовь и чистоту супружескую, дражайшую паче тысяч злата и серебра. Вор может еще нечто сказать себе в защиту: «Не дивно, — говорит Святое Писание, — аще кто ят будет крадый: крадет бо, да насытит Оушу свою алчущую» (Притч. 6; 30). А имеющий свою законную жену и прелюбодействующий с чужой не может иметь и такого оправдания и потому за скудость ума погибель души своей содевает (Притч. 6; 32). И поистине скуден ум у прелюбодей: имея свой хлеб, он ищет чужого; мог бы жить без греха со своей законной женой, а хочет владеть чужой, с душепагубным грехом, с поношением и осуждением от всех. «Тать не приходит, по слову Христову, разве да украдет и убьет и погубит» (Ин. 10; 10); и прелюбодей крадет чужой брак, готов и на убийство, если его застанут в греховном деле, что и бывает иногда.

Губит прелюбодей и свою душу, и душу той, с которой грешит: оба идут в гибель вечную. А святой Златоуст рассуждает, что прелюбодействие хуже разбоя, потому что не так обидно человеку лишение имущества, как лишение чести супружеской. Прелюбодействие — вражда против Бога Самого, как говорит Апостол (Иак. 4; 4): «Прелюбодее и прелюбодейцы, не весте ли, яко любви мира сего вражда Богу есть?» Какая это любовь мира? Та, которую вы имеете между собой: любит мир и почести, и богатство, но больше всего она погружена в похоть плотскую; вот эта-то любовь и есть вражда против Бога, она противится закону Божию, нарушает Его уставы, преступает положенные от Него пределы и ставит как бы ни во что Самого Бога Законодателя, Который установил для людей жизнь супружескую. Видите, какой тяжкий грех — прелюбодействие! Прелюбодей недостоин помилования. Послушайте, что говорит святой Златоуст: "Как кормчий, потопивший свой корабль в пристани, не заслуживает помилования, так и человек, вступивший в брак и оскверняющий чужое ложе, или даже только взирающий на чужую жену с греховным вожделением, безответен и пред Богом, и пред людьми". Кто не может вынести борьбы с похотью плотской, тот женись, как и Апостол советует: «во избежание блудодейания кийждо свою жену да имать, и каяждо (жена) своего мужа да имать» (1 Кор. 7; 2).

Прелюбодейам и в Ветхом Завете не было помилования и прощения: за этот грех не было очистительной жертвы, а прямо была назначена смертная казнь: «Человек, — сказано было в законе Моисеевом, — иже аще прелюбы содеет с мужнею женою... смертию да умрут прелюбодей и прелюбодейца» (Лев. 20; 10). А если в Новом Завете и назначается прелюбодейам церковное покаяние, то это делается только по неизреченному благоутробию Божию, никакими грехами человеческими не побеждаемому.

А сколько бед влечет за собой этот грех! Пусть люди не узнали о нем, но совесть, как червь неусыпающий, будет угрызать душу, постоянно обличать, приводить в отчаяние! Прелюбодей всех боится: ему кажется, что все знают о его грехе, все о нем шепчутся между собой, все его осуждают. Правду говорит святой Златоуст: "Прелюбодей, хотя и нет у него обличителя,

постоянно чувствует в самом себе обличение, теней боится, рабов своих страшится, лежит ли на своей постели, сидит ли за столом, находится ли на торжище: и днем, и ночью, и наяву, и во сне проводит жизнь Каинову, который ходил стений и трясыйся на земли..." И это еще говорим о тайном прелюбодеянии, а что сказать о том, которое стало известно людям? Какой стыд, какой позор и бесчестие! Что бесчестнее, когда человека застали в этом грехе и влекут на суд, а все на него смотрят и смеются над ним? Пусть даже его не обличили, к суду не призывают, но его грех стал известен, и все о нем говорят, все его осуждают... Тайно согрешил царь Давид, только один пророк Нафан обличил его наедине, однако же Давид стыдился всего Иерусалима и говорил: «Весь день срам мой предо мною есть, и студ лица моего покры мя» (Пс. 43; 16). Но сколько бывает срама, когда грех пред всеми обличается! Стыдятся люди слова гнилого, стыдятся обмана, обнажения тела, но не думаю, чтобы был стыд больше того, какой бывает, когда человека обличают в грехе блудном: лучше бы такому человеку не родиться на свет, чем терпеть это бесчестие! А каково бывает озлобление оскорбленного мужа, который готов бывает, если бы можно было, сам растерзать на части своего оскорбителя! «Исполнена бо ревности ярость мужа ея: не пощадит он прелюбодея в день суда» (Притч. 6; 34). И бывает тогда прелюбодей несчастнее пойманного вора: «сей, сказано, аще же ят будет, воздаст седмерицею, и вся имения своя дав, избавит себе, а прелюбодей ничем не может утолить гнев оскорбленного мужа, ниже разрешится, сказано, многими дарми» (Притч. 6; 31, 35). Разве может он чем-нибудь отплатить мужу за то, что соблазнил его жену? А что бывает с законной женой, когда она узнает, что муж изменил ей? Она плачет, рыдает, попрекает мужа в лицо, терзается от ревности и случается иногда, что сама вдается в тот же грех прелюбодеяния или же убивает мужа... Сколько тому бывало примеров в истории! Поэтому и сказано в Писании: «Ввяжет ли кто огонь в недра, риз же (своих) не сожжет ли? Или ходити кто будет на углиех огненных, ног же не сожжет ли? Тако вшедый к жене мужатей не без вины будет...» (Притч. 6; 27-29). Прелюбодеи издревле были наказываемы смертью: закон Моисеев, повелевал их побивать камнями, а у древних народов их предавали сожжению, рубили им головы, заставляли самих вешать себя, а если оставляли в живых, то резали им носы и уши, наказывали тысячами ударов, продавали в рабство... И между нами, христианами, немало таких грешников, но нет для них казни смертной, разве Сам Праведный Судия казнит их в жизни будущей. Но не казнит ли часто и в настоящей? Столько разных бедствий повсюду — отчего они? За грехи наши наказывает нас Бог, а мы не хотим познать вины своей и покаяться!..

(Из "Летописи" святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

708. Вопли покаяния

Господи, да не яростию Твоею обличиши мене! Владыко, я знаю, что все страшное и ужасное ожидает меня. Когда ты поставишь судилище пред лицом Ангелов, Архангелов и всей твари, тогда сядешь для суда на престоле страшном и превознесенном, и сотворишь то, что обнаружатся и откроются все содеянные наши согрешения; посему и не смею и не дерзаю испрашивать у Тебя совершенного прощения многих моих грехов: они слишком велики. Господи! Я согрешил пред Тобою более всякого человека, проводил жизнь хуже блудного сына; враг обокрал меня безжалостно паче мытаря, исконный убийца-губитель злобно умертвил меня паче разбойника; предавался я любодеянию паче блудницы; я грешил без покаяния несравненно более, нежели Ниневитяне; «беззакония моя превзыдоша главу мою паче Манассии и Хананеянки, яко бремя тяжкое отяготеша на мне... Пострадах и слякохся до конца...» (Пс. 37; 5,7). Прогневал я святое Твое имя; оскорбил Духа Твоего Святаго; преступил Твои заповеди; расточил Твое богатство на злые дела; осквернил Твой храм — мое тело; душу мою, созданную по Твоему образу, осквернив, соделал непотребной; с Твоими врагами я провел и убил время жизни, которое Ты дал мне; одежду, которой Ты меня облек, я запятнал и осквернил; светильник, который Ты даровал мне, я, воздремав, угасил; лице мое, которое Ты просветил, я помрачил срамом грехов; очи мои, которые Ты соделал светлыми, я опять ослепил злыми делами; уста мои, которые Ты освятил, опять я осквернил. И знаю, что все сделанное мною, Ты раскроешь и обличишь, и никак не могу этого я избежать. Поэтому сам произношу над собой слово обличения: Господи, да не яростию Твоею обличиши мене! Я прошу у Тебя, Человеколюбца, хотя бы этой одной милости. Ты Сам точно знаешь все мои тайные согрешения, но не обличай меня, не открывай моих согрешений пред всеми Ангелами и людьми к моему стыду и поношению; Господи, да не яростию Твоею обличиши мене! Если не стерпим гнев тленного царя, то кольми паче гнев Божий невыносим для всякой твари.

Ниже гневом Твоим накажеша мене. Я достоин всякого наказания, но, наказуя меня, не гневом Твоим накажеша мене. Знаю я, что разбойник, блудница и мытарь воздохнули к Тебе из глубины сокрушенного сердца и были оправданы. Но я не таков, как они: не имею слез умиления, нет в глубине души моей сердечного стенания, нет во мне сердечной чистоты, нет и искреннего поста, нет любви к брату, нет духовной нищеты, нет молитвы непрестанной, нет сострадания, чтобы получить помилование, нет целомудрия и чистоты помыслов, нет богоугодного произволения. После этого с каким лицом я предстану пред Тобою? Откуда возьму дерзновение испрашивать прощение? Владыко, многократно я обещал принести истинное покаяние пред Тобою, и оказывался лживым в своих обетах. Сколько раз припадал к Тебе в церкви и, выходя из нее, тотчас утопал в беззаконии! Много раз Ты миловал меня, и я устремлялся на всякое зло. Сколько раз Ты меня, грешного, увещавал, поднимал как благоутробный, лобызал меня как сына, беседовал со мной как с чадом Своим, вразумлял меня как младенца, простирал ко мне объятия, поддерживал меня падшего, и говорил мне: "Не

бойся, поднимись, опять встань, опять иди, опять не бойся. Я не буду отгонять тебя, не буду отвращаться от тебя, не буду поносить тебя. Я не гнушаюсь тобой — Моим созданием, не ожесточаю сердца к Моему сыну. Я не могу ненавидеть человека, которого создал Своими руками, за которого излил Свою Кровь. Как не принять Мне обращающегося и припадающего ко Мне?"

Поэтому, Владыко, и еще покажи на мне Свое долготерпение, не спеши посекать меня, как бесплодную смоковницу. Но Ты, Владыко, как благий и Человеколюбивый, не исторгай меня из жизни еще неготового, не бери меня, еще не имеющего брачной одежды, не представляй к Своему судилищу, на позор, обнаженную мою душу; подожди, окажи человеколюбие, имей сострадание ко мне, бедному, обнаженному, малодушному, нерадивому, окаянному, немощному, блудному, скверному, распутному, злонравному, жестокому, немилостивому и осужденному, не имеющему оправдания, достойному всякой казни, геенны и муки. Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь! Немощен телом, немощен душой, немощен намерением, немощен помыслом. Истошилась моя крепость, оскудели дни мои и прошли в суете, и я вижу, что конец приближается. Но, Господи, не затвори для меня двери милосердия Твоего; отверзи мне дверь и прости руку мне. Если Ты затворишь, кто отверзет? Даруй и мне еще хотя немного времени, и сотвори мне образ спасения. Ибо все, что я ни сделаю без Тебя, все будет бесполезно и невыполнимо. Ты Сам сказал: «без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15; 5). Посему помилуй мя, Господи, яко немощен есмь! Враг обессилил меня, сделал немощным и сокрушенным, а немощной и сокрушенный не может оказать сам себе милости, расслабленный не может сам себе помочь, не может вылечить себя. Сего ради помилуй мя, Господи, яко немощен есмь, а немощной не может действовать. Исцели мя, Господи, яко смятошася кости моя! Кости душевные у меня сокрушены, а у кого кости сокрушены, тот не может встать и поискать врача, не может побежать и избавиться от врага. Поэтому-то Ты, Владыко, пришедший взыскать и спасти погибшее, Ты взыщи меня. Ты опять приди и поспеши на помощь ко мне, впадшему в разбойники: они сделали меня не полумертвым, а совсем мертвым. Посему исцели меня, Господи, и исцелюся; спаси меня, Господи, и спасуся. Исцели мя, Господи, яко смятошася кости моя, и душа моя смятется зело. Владыко, я предал себя с душою в рабство страстям, а чрез это и душу и тело соделал посмешищем. Я вижу, что час разлучения моей души пришел, лета жизни протекли, конец приблизился, жнец мой поспешает, показывает серп, и душа моя от страха смутилась зело. Я вижу, что Ты приближаешься ко мне, хочешь исторгнуть меня из сей жизни, и душа моя смутится. Вижу, что я не только не исправился, но ежедневно преуспеваю в худших делах, и душа моя смутится зело. Созерцаю свой исход из сей жизни к будущей, но не имею у себя необходимого для пути, и душа моя сильно возмутилась. Вижу, что заимодавец приступает ко мне и требует своего долга, а я не имею, чем уплатить его. Зрю, как приставник мой начинает уже развертывать

рукописание моих грехов, как отовсюду начинают окружать меня духи злобы со скрежетанием. Вижу многих досадителей, и не вижу ни одного сострадающего мне, и душа моя объемлется величайшим смущением. Я страшусь и содрогаюсь, ужасаюсь и трепещу, и не знаю, что делать. Если испрошу себе продолжения жизни, то боюсь, чтобы чрез это не умножить еще больше согрешений. Каким же образом буду взирать я на Судию? Недоумеваю... И Ты, Господи, доколе? Вот, Владыко, Ты Сам видишь, что я безмерно исполнен зла, немощен и непотребен. Вот, Ты, Господи, зришь, как враги окружили меня и ратуют против меня, как лета жизни быстро протекли, и силы мои ослабели. Посему, Господи, доколе Ты не умилосердишься надо мною? Сколь долго будешь терпеть? Доколе не наказываешь врагов моих, доколе не помилуешь и не избавишь меня? Обратися, Господи, избави душу мою: спаси мя ради милости Твоя! Обратися, как пастырь, как наставник, избавь меня, как крепкий, спаси мя ради милости Твоей, а не ради моих дел: ибо дела мои лукавы, но спаси мя ради милости Твоя! Владыко, если Ты захочешь судиться со мною, то сам произношу над собой суд и признаю себя достойным смерти, но прибегаю к Твоей милости. Я ничего не имею, прошу у Тебя одной только милости. Но не спрашивай с меня уплаты за оную. Никто никогда не покупает милость, но приемлет оную как дар: спаси же меня милостью Твоею! Вспомни, Владыко, Свое слово, которое Ты изрек в Святом Писании: «...прилежит помышление человеку... на злая от юности его» (Быт. 8; 21). Вспомни, Владыко, «яко персть есмь» (Пс. 102; 14). Помяни, «яко человек сует уподобися...» (Пс. 143; 4). Помяни... «яко не оправдится пред Тобою всяк живой» (Пс. 142; 2). Вспомни... «аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит?» (Пс. 129; 3). Вспомни... «кто бо чист будет от скверны? Никтоже, аще и един день житие его на земли» (Иов. 14; 4-5). «Помяни, яко... в беззаконных зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя» (Пс. 50; 7). Помяни, что и самое небо не чисто пред Тобою (Иов. 15; 5); даже самый чин Ангельский не беспорочен пред Тобою, потому что некоторые из них свержены были с небес за свое согрешение. Посему и спаси меня, испрашивающего у Тебя милости, ради милости Твоя!

Если Ты спасешь достойного, то в этом нет ничего удивительного. Если Ты помилуешь праведника, то в этом не будет ничего особенного, ибо он достоин Твоего помилования. Если Ты прославишь усердного на доброе, то и здесь ничего не будет великого: ибо Ты правосуден. Но паче на мне яви дивную Твою милость, чтобы и я прославлял Твое человеколюбие!

Как Создатель, Ты знаешь немощь нашего естества, и знаешь оную еще потому, что Ты Сам облекся в наше естество. Сего ради ныне спаси мя ради Твоей милости, да не победит моя злоба Твоего милосердия. И если Ты захочешь с нами судиться, то у всех уста заградятся, не имея возможности, что и как отвечать. Сего ради... «не вниди в суд с рабом Твоим» (Пс. 142; 2); соделай то, чтобы милость Твоя перевесила бремя грехов моих. Спаси меня

верою, а не делами, дабы и ко мне, Человеколюбие, Ты изрек сии слова: «...вера твоя спасе тя: иди в мире» (Лк. 7; 50).

Владыко! Ты ни одному не сказал из тех, которым даровал прощение: «твои дела спасли тебя, потому что вся наша правда пред Тобою якоже рубище нечистое» (Ис. 64; 6). Сего ради опять повторяю сии слова: «спаси мя ради милости Твоея! ...милость Твоя поженет мя вся дни живота моего...» (Пс. 22; 6). Некогда блудный умолял Тебя принять его, яко единого от наемник Твоих; Ты же принял его как сына. Разбойник просил Тебя только вспомнить о нем во Царствии Твоем, а Ты даровал ему весь рай. Блудница ничего не просила, а только проливала слезы, и получила несравненно более, нежели сколько надеялась. Заплакал Петр о своем грехе, и Ты не только простил его, но и вручил ему ключи Своей Церкви и Царства Небесного. Спаси же и меня, ради милости Твоея! Яко несть в смерти поминали Тебе, во аде же кто исповестся Тебе? Вот почему я содрогаюсь и смущаюсь: я совершенно знаю, что когда наступит конец моей жизни, тогда во аде невозможно будет принести раскаяние пред Богом, там нет покаяния, нет по смерти прощения. Утрудились воздыханием моим, измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу. Я знаю, что бросающие семена в землю с плачем, в день воскресения с радостью будут собирать свои снопы. Смятятся от ярости око мое, обетшах во всех вразех моих, я состарелся во грехах. Отступите от мене, вси делающии беззаконие, перестаньте, устыдитесь, отступите. Яко услыша Господь глас плача моего, услыша Господь моление мое, Господь молитву мою прият. Да постыдятся и смятутся вси врази мои, да возвратятся и устыдятся зело вскоре!

(Изложение псалма 6 по святому Анастасию Синаиту)

709. Искра Божия в грешной душе

Кто смеет полагать пределы Божию милосердию? Кто осмелится сказать о самом великом грешнике: "Это совсем погибший человек: нет для него спасения?" — «Ты кто еси судья чуждому рабу?» (Рим. 14; 4). Почему ты знаешь, что для этого несчастного грешника, который, по-видимому, весь отдался своим страстям, всей душой поработился греху, милосердие Божие не найдет средств к обращению, не откроет пути к покаянию? А может быть, этот блудник, этот прелюбодей и злодей предварит (опередит) нас с тобою в Царстве Небесном? Может быть, в его несчастной душе еще таится искра Божия, может быть, его душа и среди обуревающих его искушений порока тоскует по разлуке с Богом, томится жаждой помилования, но никто не видит, кроме всевидящего ока Божия, этой тоски, этого томления?.. И вот, настает час, когда милосердие Божие смилуется над этой душой-страдалицей, — и совершится тогда чудо Божие: благодать Божия коснется сердца грешного, и заплачет грешник такими сладкими слезами покаяния, какими никогда мы с тобой, читатель мой, не плакали... Ведь смиренный,

кающийся грешник в очах Божиих несравненно выше праведника, который много думает о своей праведности; смирение, по слову святого Иоанна Лествичника, может и из бесов сделать Ангелов (Сл. 25; 63). Из тысячи примеров такого обращения погибших грешников на сей раз приведем одну поучительную и трогательную повесть, сохранившуюся от времен царя Иоанна Васильевича Грозного и святителя Христова митрополита Филиппа.

Был тогда во Владимире молодой священник, по имени Тимофей. По действию вражью впал он в такой тяжкий грех, за который, по тогдашним законам, его следовало казнить смертью. В ужасе от собственного злодеяния он скрылся от жены и детей, переделся воином, сел на коня и бежал в землю татарскую, в тогдашнюю столицу их — город Казань. Там, в отчаянии, он отрекся от Христа, принял веру басурманскую и взял себе двух жен-татарок. И вот, бывший служитель алтаря Божия стал скверным татаринном, бывший православный Русский человек, стал лютым врагом своей родины: царь Казанский сделал его своим воеводой и часто посылал делать набеги на землю Русскую. Тридцать лет прожил в Казани Тимофей и стал богатым и знатным татарским вельможей. Но не мог он заглушить в душе своей голоса совести: куда бы он ни пошел, что бы он ни делал, она томила его тоской безысходной; ничто не утешало его, ни в чем не находил он себе отрады. "Отступник, изменник, лучше бы тебе было понести казнь за грех твой, чем отречься от Христа", — так звучал голос совести в его несчастной душе. И кто знает? Может быть, он и плакал горько, как апостол Петр после отречения от Господа, когда оставался наедине с самим собой, может быть, и вздыхал с покаянием, робко возводя взоры душевные к милосердию Отца Небесного... И Отец Небесный смиловался над этим несчастным грешником. Раз возвращался он в Казань после удачного набега на Русскую землю. Отпустив войско свое вперед, ехал он один на своем коне. Вспомнился ему тяжкий грех его, жаль стало родной страны, и грусть сдавила его сердце. Не видя около себя никого, он запел с сердечным умилением свой, когда-то любимый стих: "О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь..." Вдруг ему навстречу выбегает из соседней рощицы русский юноша. Вздрыгнул от такой неожиданности Тимофей и по привычке схватился за меч, но юноша с горькими слезами упал пред ним на землю и просил пощады.

"Кто ты такой?" — спросил его Тимофей. "Я русский пленник, бегу из Казани на Русь; я тут укрывался, пока пройдут воины, а когда ты запел, то подумал, что ты — тоже русский: ведь этот стих у нас на Руси любимый, у нас все его поют, славят нашу Заступницу Богородицу. Вот я и вышел к тебе, думая, что ты — русский человек"...

Тронулось тут жестокое сердце отступника: он горько заплакал, сошел с коня и стал неутешно рыдать, бросившись на землю. С удивлением и жалостью смотрел на него юноша. Уже стало вечереть, когда Тимофей пришел в себя; тогда юноша спросил его, о чем он так горько плачет? И кающийся грешник, облегчив страждущее сердце слезами покаяния, рассказал юноше, кто он и как стал изменником своей вере и родной земле.

Юноша был грамотный, начитанный: он утешал его, как мог, надеждой на бесконечное милосердие Божие, никакого кающегося грешника не отвергающее. Тимофей сказал ему: "Заклинаю тебя Богом вышним, Иисусом Христом, Который пришел в мир грешников спасти: сотвори любовь, иди скорее в Москву, расскажи все, что знаешь о мне, грешном, митрополиту Филиппу и спроси его, есть ли для таких грешников прощение? Пусть он будет за меня печальником и пред великим князем, дабы простил мне князь все зло, какое я делал Русской земле, опустошая ее столько лет. И пусть бы оба они прислали мне с тобой на это самое место прощальную грамоту за двумя печатями: митрополичьей и великокняжеской; я буду ждать тебя здесь через три месяца. Потрудись же для меня, братец мой, ради Господа: тогда я с радостью вернусь в Москву и поселюсь в какой-нибудь обители, чтобы оплакивать тяжкие грехи мои. А тебя Бог не оставит за это Своей милостью". Юноша обещал все исполнить. Они переночевали на том месте и рано утром расстались. Тимофей отправился в Казань, а юноша — в Москву. Здесь он явился к митрополиту Филиппу и все рассказал ему о Тимофее. Святитель Христов обо всем доложил великому князю Иоанну Васильевичу, который пожелал выслушать рассказ от самого юноши, возвратившегося из плена. Юноша повторил и великому князю историю отступника Тимофея. Помня слово Христово: «грядущаго ко Мне не изжену вон» (Ин. 6; 37), митрополит и великий князь написали прощальную грамоту, запечатали двумя печатями и послали с юношей к Тимофею. Юноша поспел к сроку на условленное место. Два дня ждал он тут Тимофея; на третий влез на высокое дерево, чтобы лучше видеть, не едет ли он из Казани? И вот он видит: быстро скачет к нему по полю от Казани человек на двух конях. Юноша узнал в этом всаднике Тимофея; но, желая узнать, к нему ли он выехал навстречу, спрятался в кустарнике. Прискакав на место, Тимофей осмотрелся кругом; не видя юноши, он спрыгнул с коня и стал горько плакать. Тогда юноша показался из кустов; увидев его, Тимофей издали узнал его, бросился к нему навстречу, стал обнимать и целовать его, говоря: "О милый мой, дорогой мой друже! Чем я отплачу тебе, верный мой, за великие труды твои, за то, что ты оказал такую, истинно христианскую любовь мне, басурманину?"

Тут юноша подал ему грамоту за двумя печатями. Басурманин Тимофей быстро сорвал печати и стал читать грамоту. Слезы радости текли по его лицу; он прерывал чтение глубокими вздохами и молитвенными восклицаниями: "Боже, милостив буди мне, грешнику! Боже, очисти грехи мои и помилуй меня!" Окончив чтение, он упал на землю и сказал: "Благодарю Тебя, Боже всещедрый и милосердый, благодарю Тебя, Человеколюбец, милостивый к грешникам, что сподобил Ты меня, окаянного, получить прощение в грехах моих тяжких от самого Первосвятителя Русского!" И с этими словами кающийся грешник испустил дух... Долго стоял юноша в ужасе над бездыханным телом Тимофея; ему не верилось, чтобы тот мог так скоро умереть. Однако же ему пришлось копать

могилу и хоронить своего друга. Усталый, он лег ночевать около свежей могилы. И вот, он видит во сне усопшего Тимофея, который благодарит его за все его услуги и говорит ему: "Ради тебя Бог помиловал меня. Возьми себе коней моих и все, что осталось после меня, ступай с Богом домой; поминай меня, пока ты жив, милостыней и приношением в Церкви Божии".

Встал наутро юноша, помолился у гроба своего недавнего друга, взял коней его, на которых оказалось много золота и дорогих камней, — видно, Тимофей совсем собрался было в путь, чтобы возвратиться на родную землю, — и отправился юноша в Москву. Тут он подробно рассказал митрополиту и великому князю все, что случилось. Он показал им все, что привез из имущества Тимофеева. И прославили Бога великий князь и митрополит, и рассудили, что, видно, принял Господь покаяние грешника, и спасена душа его от муки вечной слезным покаянием его. И записано было сказание о сем на пользу читающих, чтоб никто из самых отчаянных грешников не отчаивался в милости Божией, приемлющей кающихся истинным покаянием...

710. Чудо в Хонех

В Колоссах Фригийских, близ Иераполя, в храме святого Архистратига Михаила над источником воды чудотворным, от неже многие исцеления боляшии почерпаху, более неже от купели Силоамской. К той церкви прииде от Иераполя отрок мал, имый десять лет от рождения своего, именем Архипп, от христианских родителей рожден и благочестно воспитан, и нача жити при церкви, пономарское творя служение. И отнележе (с тех пор как) нача жити тамо, работая Богу, не вкуси ничтоже от мирских снедей и питий, ни мяса, ни вина, ниже хлеба ядаше, но точию зелие пустынное, еже собирающии и варящи единою в седмице вкушаше, и то без соли, питье же его бе мала мера воды. И тако даже до старости непременно пребысть, весь соединялся с Богом. Одежда же его бе не многоценна, но точию два вретича: едино убо вретиче ношаше на теле, другим же покрываше одр свой, иже бе острым камением постлан; покрываше же вретичем того ради, да от входящих в храмину его не видена будет каменная острота (камни, суживающияся кверху). Возглавие же его бе вретиче мало, наполнено тернием; такова бе постеля блаженного того подвижника. И не имея покоя день и ночь, умерщвляя тело свое, и прилежно Богу собеседуя молитвою, бысть яко Ангел Божий на земли. Не точию же о своем спасении печешесе, но и о многих; неверныя бо обраща к Христу крещаше, еже видяще безбожнии еллини (язычники) подвигошася на зависть, не терпяще зрети преславных чудес, бывающих святою водою, и святого мужа оногo, тамо живущего, ненавидяху, на негоже часто нападающе досаждаху, за власы и браду терзающе, и на землю пометающе влачаху, ногами попираху, и различно его мучаше оттуда изгоняху. Крепкий же душею блаженный

Архипп вся сия от идолопоклонников терпяще доблественно, и не отступи от храма святого, служа Богу в незлобии сердца своего, и пекийся о спасении душ человеческих.

Единою же собравшеся нечестивии реша к себе: "Аще не засыплем землю воды тоя, и вретищника того аще не убием, то вси бози наши до конца уничижени будут от исцеляющихся тамо". И идоша во множестве, еже засыпати землю чудотворную воду, и неповинного Архиппа убити. Едини убо устремишася к церкви и ко источнику, друзии же потщашася к храмину Божия раба, яко да убьют его, но Господь сохрани раба Своего от тех убийц, внезапно бо омертвеша им руце, и не можаху воздвигнута их на преподобного. Показа же и от воды странное чудо, ибо внегда нечестивии приближишася ко источнику, абие (тотчас) изыде от воды пламень огненный и, устремившись на них, прогна я от себе далече, и тако беззаконнии от источника чудотворного и от преподобного Архиппа отбегоша со студом. Не престаша же хвалящася погубити источник той и церковь, и служителя церковного.

Быша же тамо две реки, приближающиеся к месту оному святому расстоянием яко трех стадий. Сии обе реки, приразившеся (встретившись) к краю горы великия, совокупишася во едино. Вселукавый же диавол вложи злым человеком в сердца таков совет: да обе реки оныя на чудотворное то место пустят, яко да разорят храм святого Архистратига Михаила, и покроют водами святой источник, и да потопят преподобного Архиппа. Бе бо место удобно ко устремлению водному тамо, яко с высоты великия реки тыя схождаху долу, а церковь на нижайшем бе месте. И согласившеся нечестивии, приидоша множество бесчисленное, и поидоша к церкви. Близ же алтаря церковного бе камень, имеяй широту и высоту безмерну, глубину же в земли бесконечну, от того убо камене наченше копаша ров глубок и широк даже до горы тоя, под неюже реки совокупишася. Копавше же с великим трудом, и путь, имже бы пустити воды на церковь, уготовльше, преградиша реки тыя, яко до соберется вода многа, и трудишася в том суетном деле своем десять дней. Преподобный Архипп, видя таковое их дело, паде на землю в церкви, моляся Богу со слезами, и призывая в помощь теплого предстателя святого Михаила Архистратига, да сохранит место свое от потопа водного, и глаголаше: "Не отбегну от святого места сего, ниже изыду из церкви, но zde да умру и аз, аще попустит Господь потоплену быти месту сему". Егда же скончашася десять дней, и воды умножишася зело, раскопаша нечестивии еллини то самое место, имже бы устремитися водам во уготованный путь, и пустиша реки на святой храм Ангельский в первый час ноши; сами же, текше, сташа высоко от левой стороны, видети хотяще потопление святого места. И возшумеша воды яко гром, бежаще великим устремлением. Преподобный же Архипп, сый в церкви на молитве, услышавши водное гремяние, возопи прилежнее к Богу и к святому Архистратигу Михаилу, милости и помощи прося, да не потоплено будет святое место и да посрамятся нечестивии, да прославится же имя Господне, и да возвеличится Ангельская сила и заступление. Воспе же Давидов псалом:

"Воздвигоша реки, Господи, воздвигоша реки гласи своя. Возмут реки сотрениа своя, от гласов вод многих. Дивны высоты морския: дивен в высоких Господь... дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дней (Пс. 92; 3-5). И егда сия блаженный Архипп глаголаше, услыша глас, повелевающ ему из церкви изыти. Изшед же святыи из церкви, узре хранителя рода христианского и теплого предстателя святого Архистратига Михаила во образе человечестем, зело пречудна и пресветла, на негоже не могущи зрети, паде от страха на землю. Он же рече к нему: "Дерзай и не бойся, востани и прииди ко мне семо, и узриши Божию силу в водах тех". Востав же, блаженный Архипп приступи со страхом к воеводе Сил Небесных, и ста ошуюю, по повелению его, и виде столп огнен от земли даже до небес. Егда же воды приближишася, воздвиже Архистратиг десницу свою, и знамена крестным знамением лице водное, глаголя: "Станите тамо!" И абие воспятишася воды, яко сбытися глаголу пророческому: ...видеша Тя воды, и убояшася (Пс. 76; 17). Сташа реки яко стена каменна, и вознесошася в высоту якоже гора превысока. И обращя Архистратиг к великому оному камению, иже бе близ алтаря, удари в него жезлом, егоже име в руке своей, начертавая на нем знамение крестное: и абие бысть гром велик, и потрясеся земля, и камень той распадеся на двое, и сотворися в камени пропасть велика. И рече святыи Михаил: zde да сотрется всякая противная сила! Сия рекши повеле блаженному Архиппу прейти на десную сторону; ставшу же преподобному на стороне десной, святыи Михаил велегласно рече к водам: "Внидите в тесноту сию!" И абие потекоша воды в расселину каменную шумяще, и оттоле всегда сотворися рекам тем путь в той камень. А врази, от левыя страны стоящии и потопление храма святого видети хотящии, от страха окаменеша. Святыи же Архистратиг Михаил, тако храм свой и преподобного Архиппа от потопа водного сохранивши целы, взыде на небо. А блаженный Архипп Богу благодарение возсылаше о чудеси том преславном, и величаше заступление хранителя великого. И от того времени уставиша вернии праздновати день он, 6 сентября, в онъже преславное то сотворися Ангельским явлением чудо. Поживе же преподобный Архипп на том месте, прилежнее работая Богу, лета довольна, и с миром преставися к Богу, имый седьдесят лет от рождения своего; и погребен бысть верными на том же месте святом, еже от сего чудесе наречено бысть ХОНН, си есть: погружение, яко тамо погрязнуша воды в камень.

(Из "Четии Минеи")

711. Первые грешники на земле

Грустно изгнаннику вдали от родины, тяжело пленнику на чужой стороне. А ведь все мы, братие. изгнанники, все мы пленники несчастные; ведь наша родина — пресветлый Рай, а мы томимся в этой юдоли плачевной земной... Не потому ли тоскует наше бедное сердце, не потому ли оно ни в

чем никогда не может найти себе полного блаженства и счастья на земле? Не оттого ли так болит душа, когда вспоминаешь, как были изгнаны из Рая сладости наши праотцы, как будто сам вместе с ними покидаешь пресветлое жилище райское?.. О Раю всечестный, краснейшая добрито, богозданное селение, нескончаемое веселие и наслаждение! Шумам листьев твоих Содетеля всех умоли паки отверсти мне врата твои затворенные!

Припомним еще раз эту скорбную историю, всем с детства знакомую. Как счастливы были наши прародители в прекрасном Божьем Раю! Не было у них заботы о пище, как мы бедные ныне заботимся: в Раю для них все было готово не только для пищи, но и для наслаждения. Не нужна была им и одежда: они были наги и не стыдились, были чисты и невинны как дети, а в Раю всегда было светло и тепло, никаких бурь и непогод, никакого холода там никогда не было. Не знали они, что такое болезни и смерть, не ведали, что такое грех и угрызения грешной совести. Все твари земные им были совершенно подчинены, весь Рай был их светлым жилищем. Сам Творец являлся им, как любящий Отец, беседовал с ними, как с детьми, и открывал им дивные тайны Свои. Посреди Рая Божия красовалось древо жизни: питаясь плодами его, Адам и Ева могли бы жить вечно, быть бессмертными. Сотворенные по образу и подобию Божию, они получили от Бога неоцененный дар — разум и свободную волю, и в благодарность к Творцу, как любящему их Отцу, должны были, ради собственного же блаженства, направить эту свободную свою волю во всем согласно с волей Божией, дабы таким образом восходить от блаженства к блаженству без конца. А премудрый Творец дал и средство к тому, чтобы они без труда могли показать свое послушание воле Его святой: рядом с деревом жизни стояло древо познания добра и зла; и дал Господь заповедь им, чтобы они не вкушали плодов с этого дерева. Заповедь не трудная, да притом же Господь облегчил ее исполнение угрозой смерти: "Как только вкусишь от плодов сего дерева, неизбежно умрешь", — сказал Господь первому человеку.

Но, увы! — и страх смерти не оградил человека от падения! Блаженство первых людей терзало завистью духа злобы — диавола. Он решился лишить их Рая и любви Творца, как сам лишен был неба и отвержен от Бога. Раз жена остановилась одна пред запрещенным деревом. С любопытством смотрела она на его прекрасные плоды. Тогда падший дух вошел в змея, хитрейшее живое существо на земле, и сказал жене: "Точно ли Бог запретил есть плоды с деревьев в саду?" — Жена отвечала: "Мы едим плоды с деревьев в саду, только насчет плодов с этого дерева, которое посреди сада, сказал Бог: "Не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы не умереть". Этим она высказала все, что было у нее на сердце. Дьявол видел, что она не дорожит больше послушанием Богу, Творцу своему, а боится одной смерти. И вот он говорит жене: "Вовсе не умрете: напротив, знает Бог, что как только вы вкусите плодов с него, откроются у вас глаза, и вы будете сами, как настоящие боги, знать добро и зло".

И несчастная праматерь наша поверила этой дерзкой клевете на Бога; теперь ей больше прежнего показалось, что запрещенное дерево доставит самую вкусную пищу, что и по виду своему оно прекраснее всех, к тому же оно обещает знание, и она не устояла против желания отведать его плодов... И она взяла плод с запрещенного древа и ела, принесла и мужу своему, ел и он. И действительно: у них обоих открылись глаза, но они не нашли себя преобразившимися в богов, а увидели, что они — наги... Они стали жалки и нечисты в собственных глазах. Им стыдно было друг друга, и они сшили смоковничные листья, и сделали себе опоясания.

И вот, с наступлением вечерней прохлады дня, услышали они — в саду ходит Господь Бог. Будь они в прежнем невинном состоянии, — они устремились бы в сретение своему Отцу. Но теперь страх и смущение овладели ими: они поспешили скрыться между деревьями сада. У них уже затмилось понятие о том, что Бог всеведущ. Чтобы не смутить еще более несчастных, Бог воззвал к Адаму: "Адаме, где ты?" Адам отозвался: "Я услышал — Ты ходишь в Раю, и испугался; я наг и потому скрылся".

Чтобы расположить человека к искреннему признанию, Бог, как бы не знающий о совершившемся грехе, продолжал спрашивать его: "Кто же указал тебе на то, что ты наг? Уж не вкусил ли ты плодов с дерева, от которого Я запретил тебе есть?"

Вместо того, чтобы сознаться и умолять о прощении, Адам стал оправдываться: "Жена, — отвечал он, — которую Ты же мне дал, она принесла мне плодов с дерева, и я ел". Бог сказал жене: "Ты что это сделала?" И жена сослалась: "Меня обольстил змей, и я ела".

Тогда Бог произнес Свой праведный суд на змея-обольстителя, на жену и на мужа. Он проклял змея, осудил жену в тяжких болезнях рожать детей и быть в повиновении у мужа, а мужу сказал: "За то, что ты послушал слов жены твоей, и ел от дерева, с которого Я запретил тебе есть, проклята земля из-за тебя. Со скорбью будешь питаться от нее всю жизнь свою. Терн и волчец она будет произращать тебе, в скудости ты будешь принужден питаться полевой травой. В поте лица твоего ты будешь добывать себе хлеб, пока не возвратишься в землю, потому что ты из нее взят. Ты — персть, и в персть возвратишься".

После этого могли ли наши праотцы оставаться в Раю? Была опасность, чтобы они не вкусили плодов с древа жизни: тогда они остались бы жить вечно. А жизнь без конца, с совестью, которая потрясена, со страстями, которые безпрестанно возникают и никогда не удовлетворяются, со скорбью, которая, как неусыпающий червь, точит сердце, — такая жизнь сама по себе была бы страшной казнью, вечным мучением. Потому Бог выслал их из Рая, а дабы изгнанники опять не проложили себе пути к древу жизни, Бог поставил у входа в Рай Херувима, и пламенный обращающийся меч преграждал все входы в первое блаженное жилище... Так, в самом наказании Бога-Судии уже оказано грешникам милосердие. Смерть для них являлась желанным упокоением от бед и скорбей этой многоплачевной жизни. А

впереди светилась надежда на Великого Потомка жены, Христа Спасителя, Который, по обетованию Божию, должен был поправить главу змия-искусителя.

И вот, это грехопадение, это изгнание из Рая сладости наших прародителей Святая Церковь воспоминает в последний день перед Великим постом. И как прекрасно изображает она великую скорбь Адама в своих неподражаемых песнопениях! Вот он, несчастный наш праотец, сидит против затворенных для него райских врат и горько-горько оплакивает свою печальную участь. Седе Адам прямо Рая, и свою наготу рыдая плакаше: увы мне, душе моя окаянная, вскую преступила еси закон Божий? како не познала еси прелести, как это ты поддалась обману вражию?.. Милостиве, помилуй мя падшаго! Видев Адам Ангела, который изгнал его из Рая и заключил двери божественного сада, воздохнув вельми и глаголаше: увы мне, что пострадах, окаянный аз? Едину заповедь преступих, и благих всяческих лишихся... Луже блаженный, садове богонасажденнии, Рая красото, ныне о мне слезы проливайте, от листов, якоже от очию, обнаженным и страннем — отчужденном славы Божия... О Раю, я уже больше не буду наслаждаться твоей сладостью, больше не увижу я Господа и Бога моего и Создателя, в землю бо пойду, от неяже и взят бых. Милостиве, Щедрый, помилуй мя падшаго! Раю святейший, мене ради насажденный и Евы ради затворенный, моли тебе Сотворшаго и мене Создавшаго, — ведь один Он наш общий Создатель — яко да твоих цветов исполнюся. О, кто не будет оплакивать меня, несчастного, от Бога отвергнутого и променявшего Рай на ад! Милостиве, помилуй мя падшаго!

Кого не тронут эти покаянные слезы первого грешника на земле, эти вопли истерзанного сердца? И как благовременно прислушаться к ним именно теперь, накануне Великого поста! Ведь пост — это путь в Рай, в нашу родину небесную, о которой тоскует и наше сердце, грехом истомленное. Возьмите же, читатель, Триодь Постную, перечитайте там службу на Прощеное воскресенье, и ваше сердце исполнится умилением, и вы сами заплачете сладкими слезами покаяния и будете повторять с плачущим праотцем: Милостиве, помилуй нас, падших!

712. Перед исповедью об исповеди

1.

Какое дивное у нас, слушатель, Таинство — исповедь! Откроешь перед духовником, в чем ты грешен; духовник скажет, обращаясь к тебе: "Прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святаго Духа", и в это время, тотчас, грехи твои простятся, и ты новым, бодрым и покойным делаешься, как будто ты никогда ни в чем не грешил, будто бы был всегда чист и прав пред Богом. Когда бумагу раздерешь, уничтожится все, что было написано в ней; и когда духовник скажет: "прощаю и разрешаю", прощаются

все грехи, какие были на нас, раздирается рукописание грехов. Как водой омывается от нечистот наше тело, и чрез то оживляется и укрепляется в силах: так покаянием омывается от грехов наша душа, и чрез это омовение делается тверже, крепче против греховных искушений, сильнее, готовее на дела добрые. Какую силу имеет Святое Крещение, очищающее все грехи крещаемого, точно ту же силу имеет разрешение духовника, которым прощаются все грехи кающемуся. И потому-то покаяние называется вторым крещением. Но как же духовник имеет такую власть, когда прощать грехи может только один всеведущий, всемогущий Бог? Власть эта Божеская духовнику дается от Самого Бога, Господа Иисуса Христа: Он вначале дал Своим ученикам и Апостолам эту Свою Божескую власть, а от тех она преемственно переходит ко всем пастырям Церкви Христовой, ко всем духовникам.

Да, духовник прощает грехи кающемуся не по своей власти, но властью Иисуса Христа, и потому, когда он прощает, это все равно, что Сам Иисус Христос прощает. Духовник на исповеди представляет (изображает) Иисуса Христа. "Чем же мы заслуживаем это прощение?" — спросите вы. А чем мы заслужили то, что Иисус Христос для нашего спасения с неба сошел, и за наши грехи пострадал, умер? Конечно, ничем. Иисус Христос все сделал для нас по тому только одному, что Он людей любит и желает им спасения. Вот поэтому же Иисус Христос и на исповеди прощает нам наши грехи, прощает потому, что мы — человеки, Его создания. Иди же на исповедь, брат христианин, с полной уверенностью, что грехи твои там простятся тебе, потому что на исповеди через духовника прощает Иисус Христос, пострадавший и умерший за твои грехи. Бывай чаще на исповеди. Чаще исповедоваться будешь — скорее спасешься, исправишься, будешь способнее хранить себя от грехов. Аминь.

2.

Когда вы, братие мои, пойдете на исповедь к вашему духовнику, то имейте твердое, решительное намерение рассказать ему все, что знаете за собой худого, и рассказать чистосердечно, без всякого извинения и оправдания. Вы хотите, чтобы духовник от лица Божия простил вам грехи; но как же он вам простит грехи, когда вы не вполне их ему откроете? Вы хотите излечиться от греховной болезни, но как же духовный врач вылечит вас, когда вы не скажете ему ясно и прямо, чем вы больны?

Стыдно как-то бывает открывать все духовнику? Стыдись грешить, а сознаваться во грехе нечего стыдиться.

Тяжело это для тебя? Что ж делать? Грех тогда только и прощается, когда грешник восчувствует и, так сказать, изведает всю его тяжесть. Чем тебе тягостнее и стыднее на исповеди, тем легче будет после исповеди. Лучше какой-нибудь час помучиться, чем мучиться всю жизнь, а может быть, и всю вечность. Грех, как змея, не перестанет шипеть и язвить тебя, доколе не выбросишь его вон из души, то есть доколе не исповедуешься в нем. Когда я молчал, — поет святой Давид, — обветшали кости мои от

вседневного стенания моего... Открыл я грех мой Тебе, и вины моей не утаил; я сказал: "исповедаю Господу преступления мои", и Ты снял с меня вину греха моего (Пс. 31; 3, 5).

Ты боишься, чтобы духовник не переменил о тебе хорошего мнения, чтобы не стал о тебе думать худо, когда ты признаешься ему во всех своих слабостях и пороках? Не бойся, этого никогда не будет.

Духовник сам человек и, может быть, грешен не менее тебя; он и по себе знает, к чему способны люди. Чем более ты откроешь ему грехов, тем усерднее он будет о тебе молиться Богу; чем откровеннее ты ему признаешься в слабостях, тем лучше он будет о тебе иметь мнение за твое сознание и откровенность.

Но положим, от духовника ты скроешь грех, а ведь от Бога не скроешь. Бог давно все твои грехи знает, знает самые потаеннейшие твои намерения греховные. Что же? Перед духовником ты покаешься, чист, прав; но пред Богом будешь мерзок, осужден, сугубо осужден; ты будешь осужден и отвержен Богом и Ангелами Его за то, что постыдился одного человека — своего духовника. Да, тяжело грешит тот, кто на исповеди утаивает грехи. Он обманывает духовника. И перед обыкновенным человеком лгать грешно, но он обманывает и Бога, а пред Богом лгать вовсе безумно; таковой прикрывает свои грехи новым грехом, ибо почему ты не все сказываешь духовнику? По гордости. Не иное что, как гордость, запрещает тебе признаться, что ты обременен тяжкими, гнусными, низкими пороками. Тебе не хочется, стыдно кажется во всем открыться, сознаться перед духовником? А что как грехи твои будут открыты, объявлены на Страшном Суде перед миллионами людей и Ангелов?... Вот тогда уж подлинно стыдно будет, так стыдно, что станешь просить горы и холмы, чтобы они скрыли тебя от стыда за неисповеданные грехи.

Итак, братие, исповедуйтесь со всей откровенностью; открывайте все, что знаете за собой худого; показывайте себя такими, каковы вы на самом деле; ничем себя сами не извиняйте и никак не оправдывайте. Аминь.

3.

Кому ты исповедуешься, кому на исповеди открываешь грехи свои? Ведь не духовнику, который стоит при тебе там, но Самому Иисусу Христу.

Что тебе говорит духовник, когда приходишь к нему на исповедь? "Се, чадо, Христос невидимо стоит приемляй исповедание твое, аз же точию свидетель есмь". И потому стой на исповеди со страхом, с благоговением: Иисус Христос пред тобою; Иисусу Христу ты исповедуешься, и Он тебя слушает. Но, стоя со страхом, с благоговением на исповеди, не бойся, не стыдись духовника; ничего не скрывай от него, говори все, что сделал худого; так исповедуйся, как будто духовника вовсе И нет на исповеди, как будто ты один перед Иисусом Христом.

Духовник на исповеди как бы видимая тень, отражение Иисуса Христа, невидимо там стоящего. Бойся, стыдись Иисуса Христа: ты перед Ним виноват, ты к Нему и пришел. Но не скрывай ничего от Него, говори все

перед Ним; все говори на исповеди так, как ты все говоришь на молитве. Что тебе стыдиться все сказывать Иисусу Христу? Он грехи твои знает и хочет от тебя только твоего сознания в них, как отец чадолюбивый у провинившегося сына. На исповеди ли стыдиться сознаваться во грехах? Тут все прощается, следовательно, стыдиться нечего. Что тебе говорит духовник твой, когда ты приходишь? "Не устрамися, ниже убойся, и да не скрыеши что от мене, но не обинуяся рцы вся, елика соделал еси, да приимеши оставление от Господа нашего Иисуса Христа". Итак, вот для чего исповедуешься: чтобы принять от Иисуса Христа прощение и оставление грехов.

Наедине, когда молишься о грехах, ты не стыдишься сознаваться в своих грехах, вспоминать, перечислять их; так и при духовнике — что тебе стыдиться вспоминать, перечислять их, сознаваться в них? Иисус Христос все тебе простит, если исповедуешься; так простит, что ни в сей, ни в будущей жизни не вспомнит твоих грехов, не накажет за них, как будто ты никогда ни в чем и не грешил. Итак, идя на исповедь к духовнику, помни, что ты идешь к Иисусу Христу принять полное в грехах своих прощение, услышать от Него через духовника: "прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих". Если будешь это помнить, то со страхом Божиим будешь стоять на исповеди и не будешь от страха перед духовником утаивать грехов. Аминь.

(Из Поучений протоиерея Родиона Путятина)

713. Почему мы почитаем святых Божиих?

Мы призываем всех святых Божиих не как спасителей и искупителей, нет. Один только Спаситель и Искупитель — Христос. Но мы, грешные и во зле пребывающие, представляем их только ходатаями, которые, проведя свою жизнь свято и богоугодно и переселившись к Богу, стяжали богатое дерзновение ходатайствовать о нас (отв. 3). Они могут помогать нам, и потому призывать их должно. Доказательством сему служит многое.

Прочитайте слова Божии в книге Иова: «Бысть, егда изглагола Господь вся глаголы сия Иову, рече Господь ко Елифазу Феманитину: согрешил еси ты, и оба друзие твои: не глаголасте бо предо Мною ничтоже истинно, якоже раб Мой Иов: ныне же возьмите седмь тельцев и седмь овнов и идите ко рабу Моему Иову, и сотворите жертву о вас: Иов же раб Мой помолится о вас» (Иов. 42; 7-8). Отсюда мы научаемся, что праведные предстательствуют и молятся о нас не только живые, но и умершие, чему доказательством служит мертвец, брошенный в гробницу Елисея (4 Цар. 13; 20-21), и то, что Церковь Христова называет святых живыми, так как они пребывают в жизни и в руке Божией (Прем. 3; 1), а смерть их есть сон. Они бедствовали в настоящем веке, а в будущем будут жить вечно, так как Бог есть Жизнь, и находящиеся в руке Божией пребывают в жизни. Но что Бог духовно обитал и в телах их, об этом божественный Апостол говорит: «Или не весте, яко тела ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть?» (1 Кор. 6; 19). Посему как не чтить

одушевленные храмы Божии? Они еще живые с дерзновением предстояли пред Богом. Христос открыл нам в них много спасительных источников. Через призывание святых изгоняются бесы, прогоняются болезни, уничтожаются искушения... А это благое даяние нисходит свыше через добрых Ангелов, тотчас посылаемых к призывающим имена их.

Что и святые мощи их многообразно источают благодеяния, и в этом также никто не должен сомневаться. Ибо если вода истекла из грубейшего камня в пустыне, и из ослиной челюсти для жаждущего Самсона, то ужели сомнительно то, что подобное бывает и от мощей мученических? Никак, особенно для тех, кои знают, какую святые имеют силу и честь.

Итак, святых должно чтить как друзей Божиих, как чад и наследников Его, по слову Богослова: «Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти» (Ин. 1; 12). Посему они не суть рабы, но сыны и наследники. Какого бы ты ни употребил труда, чтобы найти хотя одного предстателя, который бы ходатайствовал о тебе пред царем земным? А посему ужели не должно чтить предстателей всего христианского рода, ходатайствующих о нас пред Богом? Подлинно, должно чтить их, воздвигая во имя их храмы Богу и, конечно, во славу Божию, принося плоды и дары, духовно и благочестиво почитая память их и, вообще, чувствуя их тем, что и Богу приятно: то есть псалмами, пением и песнями духовными. Мы должны иметь их иконы, потому что сами они суть одушевленные образы добродетели, и подражать их добродетели. Мы должны чтить Богородицу, не как Бога, но как подлинно и истинно Матерь Божию, Пророка Иоанна, как Предтечу и Крестителя, апостола и мученика, прочих апостолов как очевидцев Самого Господа и деяний Его, мучеников Господних, всякого звания, как воинов Христовых, испивших Его чашу, и как общников страданий и славы Его. Будем ревновать их жизни, дабы вместе с ними быть общниками и венцов славы.

За то, что мы поклоняемся и иконам их, никто не должен порицать нас, потому что мы кланяемся и друг другу, как созданные по образу Божию, и честь, воздаваемая иконе, как говорит и божественный Василий, переходит за первообраз. И народ Моисеев поклонялся скинии, носившей в себе образ Небесного и всего творения. Ибо Бог сказал Моисею: «Видь, да сотвориши по образу, показанному тебе на горе» (Исх. 25; 40). А что Бог сказал: «Господу Богу твоему поклониши и Тому единому послужиши» (Мф. 4; 10), и: Не сотвори себе кумира (Исх. 20; 4), из сих слов мы научаемся не служить твари паче Творца.

Святые еще при жизни были исполнены Духа Святого, благодать Святого Духа и по смерти их неисходно пребывает и в душах их, и в телах, и в гробах, и в изображениях или святых иконах их. Ужели Соломон не знал сего закона Божия, который ясно говорит: не сотвори себе всякаго подобия? Как же он построил храм и сделал херувимов, волов, львов и много подобного? (3 Цар. 6-7). Не гораздо ли лучше украшать все стены дома Господня изображениями святых, нежели изображениями бессловесных

животных и дерев, или резными фигурами, финиками и подобным? Святые иконы в церквах Божиих суть книги, открытые для воспоминания о Боге и чествования Его: ибо кто чтит мученика, тот чтит Бога и других, и кто чтит Матерь Сына Божия, тот, конечно, чтит Самого Иисуса Христа.

Правда, Дева — не Бог, этого ни один христианин не скажет, но честная и святая раба Божия, как Сама Она о Себе говорит: се, Раба Господня: буди Мне по глаголу твоему (Лк. 1; 38). Однако ж, святая Мария есть истинно Богородица, так как Она удостоилась принять в Свои недра Сына Божия и Бога: ибо от сей Жены родился Тот, Кто имеет бытие прежде веков и явился нам вместе как Бог и как Человек. Поэтому святая Мария Приснодева есть собственно Богородица, а не Бог, ибо другого Бога, кроме истинного Бога, в Троице воспеваемого, мы, христиане, не знаем. А что Бог внимает ходатайству святых, то прочтите восемнадцатую и девятнадцатую главы Четвертой книги Царств. Там говорится, что обещает Езекии, царю Иудейскому, Сам Бог: «защиту град сей, еже спасти его Мене ради и Давида ради раба Моего» (4 Цар. 19; 10, 34). Если бы этого не было, то Бог не позволял бы просить о Себе других. Но Он это делает, как и случилось с Моисеем. Ибо и ему Бог сказал: «...остави... потреблю их...» (Исх. 32; 10). Но это для того только, чтобы побудить к ходатайству о них. Сделал же Он это не потому, что имел нужду в ходатайстве, но чтобы мы, если бы могли спастись без такого ходатайства, не делались через это хуже. Поэтому-то Он дал и дар молитвы, как говорит апостол Павел: ...Сам Дух ходатайствует о нас воздыханием неизглаголаннми (Рим. 8; 26). Поэтому и Сам Он часто говорил, что примирялся с народом Своим ради Давида, или кого-либо другого; поэтому же Он и Иеремии говорил: «...не молися о людех сих... яко не услышу тя» (Иер. 7; 16), желая этим не самого ходатая отвлечь от ходатайства, ибо Он весьма желал нашего спасения, но их утратить. Зная это, пророк не переставал ходатайствовать (Иер. 11; 14. 14; 11). Ходатайство будет и во время пришествия Господня. Тогда будут молить и Ангелы, и святые, особенно Владычица мира, впрочем, не о всех вообще, и не о тех, кто умер во грехах: нет, для таковых Бог однажды и навсегда затворил милосердие, поэтому и произнес против них такой приговор: «...аще будут... Ное и Даниил и Иов... среде их... не спасли бы ни сыновей, ни дочерей их...» (Иез. 14; 14-18). Но все будут ходатайствовать только о тех, которые, во время покаяния будучи преждевременно похищены смертью, не могли еще совершенно очистить греховных скверн. По окончании же суда, когда каждый будет отведен в свое место, ходатайства уже не будет. Оно бывает и ныне через священников и праведных рабов Божиих (отв. 2). Мы взываем и к Владычице нашей: "Пресвятая Владычице Богородице, моли о нас грешных"; к Святым Ангелам: "Вся Небесныя Силы Святых Ангел и Архангел, молитесь о нас грешных"; подобным же образом и к пророку Предтече, славным апостолам и всем святым, Просим мы Бога, дабы Он, по благодати Своей и непобедимой, непостижимой, божественной силе креста, был милостив к нам, предстательством всех святых помиловал нас. Ибо не Петр или Павел

слышит тех, которые призывают их, но благодать, которую они имеют, по сказанному Господом (Мф. 28; 20): «Аз с вами есмь... до скончания века» (отв. 1).

Итак, будем служить и поклоняться одному Творцу и Создателю, как Богу; будем поклоняться Святой Богородице, не как Богу, но как Матери Божией по плоти; будем поклоняться и всем святым, как избранным друзьям и чадам Божиим, имеющим к Нему дерзновение. Если люди поклоняются царям смертным и начальникам, по заповеди Апостола: воздадите... всем должная (Рим. 13; 7), то не гораздо ли более должно поклоняться Царю царствующих и друзьям Его — царям над страстями? Одна тень их прогоняла бесов и болезни. Не будем считать иконы их бессильнее и ничтожнее тени. Они будут царствовать со Христом, чего да сподобимся и мы благодатью Его. Аминь.

(Из "Ответов лютеранам", святейшего патриарха Иеремии)

714. Почему же не сегодня?

Для чего ты, человек, живешь на земле? Для того, чтобы приготовиться к жизни на небе. Хочешь ли, не хочешь ли, а придется идти на тот свет, и если ты не подготовишь себя для жизни небесной, то на небе и места для тебя не будет: придется идти в ад, где уготован огонь вечный диаволу и аггелом его... Для нас, верующих слову Евангельскому, это — святая, непреложная истина; а между тем все ли помнят эту грозную истину? Все ли готовятся к будущей жизни так, как следует готовиться к неизбежному, далекому, опасному пути? Готовимся ли мы с тобой, читатель мой?

Всех нас, христиан, можно разделить на три части: одни постоянно помнят, что здесь на земле они не вечные жильцы, и потому заботливо угоджают Богу, дорожат каждой минутой, чтобы запастись на дорогу в будущую вечную жизнь добрыми делами; другие тоже помнят о смерти, думают и о том, что надобно жить по заповедям Божиим, но все отлагают свое исправление со дня на день; а третьи вовсе не думают о будущем и не живут по-христиански: они всецело отдались мирской суете и земным удовольствиям. Блаженны первые, несчастны последние, не вполне безопасны и вторые. Да, не безопасны; к ним-то и обращает свое наставление премудрый богопросвещенный наставник: «не медли, — говорит он, — обратится ко Господу, и не отлагай день от дне... помяни, яко смерть не замедлит!» (Сир. 5; 8.14; 12). Не относится ли слово сие и к нам с тобою, брат мой возлюбленный? О, сколько нас, таких слабых христиан, которые и помнят, и помышляют о последнем дне, и желают сделаться лучшими, более исправными христианами, но все не могут приступить к этому немедленно, все откладывают до будущего времени, от сегодня до завтра. Хорошо ли это? Добросовестно ли? Очень нехорошо, очень опасно, недобросовестно и даже прямо пагубно! Завтра, говорят, исправимся, станем жить лучше. "Завтра, —

говорит ленивый, — стану работать"; "завтра, — говорит беспечный, — начну заботиться о себе"; "завтра, — говорит небрежный, — буду исправнее по службе"; "завтра, — говорит рассеянный любитель праздности и развлечений, — оставлю знакомство с худыми людьми"; "завтра, — говорит плотоугодник, — прерву преступную связь"; "завтра, — говорит пьяница, — перестану пить". "Завтра, — говорит слабый христианин, — помолюсь; завтра схожу в церковь, завтра покаюсь в грехах, завтра перестану гневаться, браниться, завидовать, лгать, обманывать, празднословить, осуждать других", — завтра, все завтра.

"Завтра, — говорим мы, — вот наступит святой пост, тогда уж свободнее будет заняться душой, а теперь видите, сколько дела, заботы: нельзя же все бросить да идти спасаться, надо окончить ту или другую работу, надо о семье позаботиться..." Да так и идет вся наша жизнь в этих заботах, так и обманываем мы самих себя, со дня на день отлагая мысль о будущем жизни загробной, всячески стараясь как-нибудь заглушить в себе голос совести, которая все-таки от времени до времени напоминает нам о неизбежном конце безотчетной тоской и тревогой... И будет ли когда-нибудь конец этому завтра?..

Завтра... да отчего же не сегодня? А вот отчего. Жаль оставить мирскую, веселую жизнь, больно расстаться с греховными наслаждениями, тяжело отказать своим грешным наклонностям и страстям, трудно переменить себя, свое поведение, свою жизнь. "Нет, — говорим себе, — уж сегодня проживем по-прежнему, разок еще согрешим, а уж завтра оставим все прежние худые дела, завтра станем поступать как должно, по совести..."

Завтра... Да завтра-то будет ли лучше? Удобнее ли будет нам перемениться, счастливее ли будут наши обстоятельства? Разве расположения и сил к добру у нас будет больше? Разве завтра мы будем другие, без тех же худых наклонностей и страстей? Разве грех сделается для нас уже ненавистнее, а мир опротивеет? Разве завтра для нас будет легко то, что сегодня трудно? И завтра не скажем ли опять: завтра?.. Скажем, непременно скажем. В этом уверяет нас нынешний день. Ведь мы и вчера говорили: завтра. Нет, завтра в этом случае будет то же, и мы — те же. Другое время нисколько не сделает нас другими. Мы сами должны переменить себя и переменить, не теряя времени. Как ни трудно для нас наше исправление, как оно ни болезненно для нашей греховной природы, но надо, непременно надо приступать к нему, приучать себя к самоисправлению хотя бы мало-помалу, чтобы не остаться совсем неисправными, чтобы не умереть неготовыми для будущей вечной жизни.

Завтра... А что же сегодня? Прежняя жизнь, прежние дела, прежние наслаждения?.. Вот об этом так уж не скажем: завтра!.. Все, что хорошо, полезно богоугодно — это отлагаем до завтра, а вот житейское, даже греховное — это сегодня. Не скажем: завтра отдохнем, завтра доставим себе удовольствие, завтра поедим получше и попьем, завтра повеселимся. Нет, это — сегодня, непременно в этот же день. Так-то всегда у нас отдается

предпочтение худому перед хорошим, приятному перед полезным, греховному перед святым и Божественным, и все первое мы делаем немедленно, а последнее отлагаем на неопределенное время под благовидным предлогом — завтра. Но добросовестно ли так поступать? Кто дал нам сегодняшний день? Кто обещал нам завтрашний? Ведь каждый миг нашей жизни есть великий дар Божия милосердия, а даром Божиим не грешно ли злоупотреблять? Не страшно ли? Милосердый Бог дал нам жизнь эту для того, чтобы мы побольше добра сделали и тем открыли себе двери рая небесного; а мы тратим жизнь на дела грешные, суетные, Богу противные... Добросовестно ли это? Что бы мы стали думать о человеке, которому даем средства к жизни, чтобы он делал дело, а он проводит время в праздности и знать своего дела не хочет? Надолго ли достало бы нашего терпения? А Бог вот все терпит наше безумие, дает нам еще и еще время, но и Божию долготерпению будет же конец... тогда-то что?..

Завтра... А что с нами будет завтра? «Не хвались о утрии, — говорит богодухновенный Проповедник, — не веси бо, что родит (день) находяй» (Притч. 27; 1). «Не весте, — говорит и Апостол, — что утре случится...» (Иак. 4; 14). Все завтра да завтра, и в этом завтра пройдет и действительно проходит вся жизнь; это завтра может кончиться тем, что умрем сегодня, а завтра будем уже на том свете. Скажите, знаем ли мы, уверены ли мы, когда конец нашей жизни — послезавтра ли или еще далее? Не завтра ли? Не сегодня ли? Не знаем, не знаем, — и однако же живем, как будто совершенно уверены, что и не сегодня, и не завтра еще конец, что еще проживем долго-долго...

Удивительно наше равнодушие к себе! Жизнь наша как будто нам ни по чем, как будто для нас все равно, когда ни умрем и как ни умрем, или как будто и совсем не умрем, как будто жить будем всегда на земле, и потому не спешим исправлять себя и готовить себя к вечности. Такое наше поведение, такая несообразность наших поступков с нашей природой и с нашей верой действительно удивительны и достойны осмеяния от людей разумных. Разумно ли знать о грядущей к нам смерти и не готовиться к ней? Можно ли забывать то, что сказал Господь: «...будьте готовы: яко, в оньже час не мните, Сын Человеческий придет» (Мф. 24; 44). Как не заботиться о приготовлении себя к блаженной вечности, пока есть время... «дондеже днесъ порицается!» (Евр. 3; 13).

Тяжело, слова нет, — тяжело нам, падшим и растленным исправлять себя, менять образ жизни, идти против обычая, против укоренившихся привычек; неприятно представлять себе свою смерть и думать, что, может быть, сегодня для нас день последний, что завтра, может быть, нас не будет на этом свете, но что же делать, когда это — именно так? Неужели лучше забыть о смерти и не думать о том, что может с нами случиться завтра, даже сегодня? Смертным не миновать смерти! Хорошо, если смерть найдет нас на одре болезни, хотя и это не так отрадно; а ежели сейчас, внезапно, без

всякого приготовления и ожидания — что тогда?.. Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя!

715. Слово любви к тем, кто называет себя старообрядцами о вернейшем признаке веры истинной

«Без веры же невозможно угодить (Богу), — говорит апостол Христов» (Евр. 11; 6), а истинная богоугодная вера христианская только одна. Между тем вы, именующие себя старообрядцами, говорите, что содержите единую спасительную веру, а мы, православные, убеждены, что истинно спасительная вера есть только наша, православная. Чтобы не спорить на словах, спросим лучше уважаемую вами книгу Кириллову: "Какие признаки веры истинной?" Вот что читаем мы в этой книге, в послании Мелетия, патриарха Александрийского, к князю Василию Острожскому: "Ведяще убо ведите вы, православнии, елицы (те, которые) аще верою прелести не последуете и держитесь благочестия; вкратце вам ко утверждению речем, да знаете, яко все веры прочии, иже верами зовутся, не суть веры, но прелести, наченши от латинския, и до прочих всех. И почто не суть достойни назватися верами? Того ради, яко ни едина от них не вмещает Духа Святаго дарований, ни пришествия Его сподобляется, ниже мощи чинят (полагают), ниже освящаются. Наша же восточная вера истинная и непрелестная, Духа Святаго дарования вмещает, пришествия Его сподобляется: освящаются богоугодницы, и просвещают, и в боговидение приходят, богословствуют от Духа наставляеми, по совлечении ветхого человека и по смерти тело нетленно богоугодников пребывает, вонями благоуханными благоухает, и чудотворят кости мертвыя с верою приходящим и во имя святого милости от Бога в своих нуждах ищущим: еже в прочих верах ни в единой ничтоже от сих обрящещи, ниже услышиши, но еще блазнь (зablуждение) и ругание со смехом на действия и благодать даров Духа Святаго, яко от неверных, узриши".

Из этих слов и малограмотному человеку усмотреть можно, которая вера истинная и которая прелестная. Говоря короче и проще: в которой вере нет святых угодников и святых мощей, та и не есть вера истинная, а суетная и прелестная. А святые угодники спасались по нашей вере православной, которую всегда содержала Святая, Соборная и Апостольская Церковь, и которую содержим мы. Они ходили в Божию церковь, принимали Святые Тайны, повиновались законным пастырям и всем людям заповедовали поступать так же. А у вас, называющихся старообрядцами, ничего нет даже и подобного сему. Стало быть, вера ваша уже не та, которой спасались угодники Божии, а совсем другая, новая, для них чуждая. И то еще надобно сказать: если святые угодники спасались по вашей вере, то отчего же теперь по ней не спасаются? Отчего со времени патриарха Иосифа и до нашего времени, в продолжение двухсот лет, не оказалось в вашей вере ни одного

явленного угодника Божия? А ведь Кириллова книга говорит, что в вере православной они должны быть: это признак святости самой веры, признак ее истинности и отличие от всех вер не истинных. Иначе, какая же это будет вера правая, если по ней угодить Богу не можно? Господь прославляет нетлением телес угодников Своих за их особенное Ему благоугождение, за их великие труды и подвиги, за все то, чего так не терпит, трепещет и бежит враг лукавый. Страшно и думать, будто тут может быть какой-нибудь обман или подлог. Кое общение свету ко тьме, или кое причастие Христови с Велиаром? Довольно однажды прочесть, например, житие святителя Божия Тихона Задонского, чтобы проникнуться благоговейным чувством к высоте его духовных подвигов и в радости сердца воскликнуть: "Воистинну великий то угодник Божий!" И действительно, слава подвигов и свет его добродетелей и при жизни его до того были поразительны, что привлекали к нему овец и не от двора сего, иже нарицается Церковью. Известно, что сами старообрядцы, пораженные необычайной его жизнью, не раз обращались к нему с разными предложениями и даже желали иметь его своим епископом. Таким образом, высокое благочестие угодника Божия засвидетельствовано было в свое время самими врагами. И вот Господь прославил его нетлением мощей и множеством чудес: кто посмеет после всего этого назвать сии чудеса ложными? Таковой уподобился бы древним иудеям, которые и о самом Спасителе говорили, что Он не Своей Божественной силой творит великие знамения и чудеса, а действует в Нем сила бесовская. Такой хулиитель уподобился бы тем неверным, о которых говорит книга Кириллова, что они, имея у себя святыни мощей, не только сами не верят им, но еще с блазнию, руганием и смехом отзываются о благодатных действиях даров Святаго Духа, бывающих при святыне сей. А этот смех, эта блазнь, это ругание навлекают на человека страшную ответственность перед судом Божиим, по словеси Господню: всяк грех и хула отпустятся человеком: «а яже на Духа (Святаго) хула... не отпустится ему ни в сей век, ни в будущий» (Мф. 12; 31-32). Кто не верует новоявленным угодникам Божиим, кто дерзает посмеяться (насмехаться) совершающимся при их святых мощах чудотворениям, тот хулит и Духа Святаго, почивающего во святых Своих и чрез них дивно действующего всем исцеления, Страшно даже подумать об этом, братие мои. Вы скажете, что не верите только тем угодникам, которые явились после патриарха Никона. Но, почему же вы им не верите? И при их нетленных мощах благодать Божия проявляется и действует точно так же, как Она действовала и действует при мощах святых угодников Божиих древних. Иисус Христос вчера и днесь Той же, и во веки (Евр. 13; 8). И Его благодать пребывает в Церкви Божией вовеки. Вот что говорит также о вере книга, вами так уважаемая: «Яко избра, — рече, — Господь Сиона, изволи и в жилище Себе. Сей покой Мой во век века, zde вселюся, яко изволих и» (Пс. 131; 13-14). Сия словеса или пророчества святой Феодорит и святой Афанасий сиче сказуют: "Сперва, — рече, — о Владыко, сей град паче иных градов изволил еси и Свое жилище сотворил еси. В том бо Господь тайну

апостолом предаде: разумей же Церковь, и нарече ю в жилище Себе до века. Сия вся рекл еси, о Владыко, и обеща почивати в Сионе: и сие же сбытся, аще бо и древняя церковь пуста бысть за неистовство иудеев, но ту паки распятия ради, Воскресения и Вознесения, места благодати Божия сподобишася, и от всея земли и моря приходят вси и благословение кипящее отгуду взимают, в том бо почивает Дух Святый". Далее читаем: "...а еже преславнейшее есть: на всяко бо лето, в Великую субботу, в вечер, огонь, паче же святыи свет на гробе Христове виден бывает, и внутрь гроба исполняет, и кандила (свечи), окрест тамо висящая, от того огня или света возжигаются, и светле светят... Сие чудо по прежнему обычаю всегда беяше. И аще был по обычаю, благодатию Божию, и ныне не преста, обещание бо истинное Того, Иже сия места походи и пречистою Кровию Своею, излившася на кресте, освяти, исполняется: и се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века (Мф. 28; 20)... Да всяк вест о сем, яко иже ныне не приобщается Сионскому исповеданию и сродных в Иерусалиме в вере не имать, таковый неподобен будет и небесного имети". Вот, братие, самое очевидное для вас доказательство того, что в святой вере православной благодать Божия как пребывала и действовала древле, так пребывает ныне и будет пребывать и действовать и до скончания века. Об этом свидетельствует ваша же книга Кириллова. Если же не верите и этой своей книге, то спросите тех, кто бывал в святом граде Иерусалиме на Пасху, и сам видел это великое чудо, прочитайте в печатных книгах о том же, и вы узнаете, что и ныне свет или святой огонь сходит на гроб Господень, как это было издревле. Не веруют же сему и не сподобляются сей благодати только латины да вы. А книга Кириллова говорит: "...елицы возненавидеша и не вероваша в Сионе бывшим тайнам, тии постыдятся вечно: последи же страшный ответ изведет на них". То же должно сказать и о чудесах, бывающих при мощах святых новоявленных угодников Божиих. Аще и Мне не веруете, — говорил Господь иудеям, — делом (Моим) веруйте: «дела, яже Аз творю от имени Отца Моего, та свидетельствуют о Мне» (Ин. 10: 38, 25). Подобно сему: если не веруете свидетельству нашему, поверьте свидетельству Самого Господа, благодатью Своею присно и дивно почивающему во святых Своих. Вы еще можете не верить одному, двум, трем человекам, но можно ли не веровать целым тысячам, миллионам народа православного, который с теплой верой и горячим усердием прибегает к святыне сих мощей и по вере своей получает здесь исцеление! Можете не верить какому-либо происшествию, которое совершилось где-либо в углу потаенном, но как вам не веровать событиям, всенародно совершающимся! Кто ищет своего спасения и желает искренно увериться в чистоте и правоте веры православной, увериться в том, что благодать Божия и ныне обитает в ней, тому не нужно ходить далеко. Благодать Божия не стесняется ни местом, ни временем, а действует и совершается на всяком месте владычества Божия. «Дух (Божий) идеже хочет, дышет» (Ин. 3; 8), только была бы с нашей стороны теплая сердечная вера. Сколько чудесных исцелений совершается у всех на глазах при святых

чудотворных иконах Матери Божией, и иконах не древних, а новых, каковы Козельщанская, Черниговская, что в Гефсимании, близ Троицкой Сергиевой Лавры, и других! Никто не препятствует вам проверять сии сказания, о которых можете читать в печатных книгах, спрашивать свидетелей, исследовать дело, как оно было... Подумайте об этом, братие, и Дух истины да наставит вас на всяку истину!

(Из бесед священника Г. Твердынского. "Домашняя Беседа", 1868)

716. Богоматерь у креста Христова

Пречистая и преблагословенная Владычица наша Богородица стояла у креста Сына и Бога Своего и матерним сердцем разделяла с Ним горькую чашу невыносимых Его страданий. Скажет мне кто-нибудь: "Но разве все святые избранники Божии не были участниками страданий Христа Спасителя своего?" Да, конечно, были, но не столь особенным, не столь отличным и славным образом, как Она. Правда, Христос Спаситель наш свидетельствует Своим святым ученикам, что они пребыли с Ним в напастях Его (Лк. 22; 28), и за это обещает им воздаяние и награду, обещает место на оной небесной вечери, у пребогатой Своей трапезы. Но о самом часе Его добровольной и спасительной страсти Евангелист говорит так: «Тогда ученицы вси оставльше Его бежаша» (Мф. 26; 56). Но разве не может быть сказано это о Пречистой и Преблагословенной Его Матери? никоим образом! Она всегда была неразлучной Его спутницей и истинной участницей всех бедствий, трудов, лишений, путешествий, поруганий и преследований от врагов, участницей всего, что подъял Он для нашего спасения; Она служила Ему, как Марфа, и тмами крат усерднее Марфы; Она сидела у Его пресвятых ног, как соименная Ей Мария, слушала Божественное слово Его и учение, и несравненно больше, чем Мария, показывала в этом усердия и прилежания, несравненно большую имела жажду и стремление к сему источнику вод живых, несравненно лучше умела хранить в сердце и памяти Своей сие драгоценное сокровище, как о Ней свидетельствует и Евангелист, говоря: «Мати Его соблюдаше вся глаголы сия в сердце Своем» (Лк. 2; 51), почему прежде всех и по преимуществу на Ней опочило и сие благословение Сына и Бога Ее: «блажени слышащие слово Божие и хранящие е» (Лк. 11; 28). Вот почему и во время приснопамятной и спасительной страсти Его Она не хотела, хотя и могла, отделиться от Него и разлучиться с Ним. Она переходила с Ним не только из Вифлеема в Египет, а из Египта в Назарет, но также и от Анны до Каиафы, от Пилата до Ирода, от несправедливого судилища — на гору Голгофу. И видя претяжкое бремя креста, возложенного на Его пресвятые рамена, несла и Она превеликое бремя жалости, скорби и болезни Матерней, под которыми конечно бы пала, если бы не поддерживала Ее рука Того же Самого Агнца, вземлющего грехи всего мира, до смерти послушливого Богу Отцу Своему, и повиновавшегося Ей, как Матери. Та же

всемогущая десница Его держала Ее и на Голгофе, под оным древом жизни, на которое Сам Он, Живот всех, был вознесен. И в тот час, когда ученики скрылись, а все друзья и знакомые Его стояли издалеча (Лк. 23; 49), Она стояла при Нем, ни на шаг не отходя, или, лучше, была пригвождена ко кресту гвоздями любви, крепчайшей паче смерти (Песн. 8; 6). Так Она сраспиналась Сыну и Богу Своему; так Она умирала с Ним и спогребалась Ему. Так оные острые терны, из которых сплетенный венец был возложен на пресвятую главу Его, прободали Ее сердце. Или лучше сказать: острый меч, по пророчеству Симеонову (Лк. 2; 35), проходил Ее пречистую душу. Она вынесла на сердце столько же ран, сколько возлюбленный Сын Ее вынес ран на пресвятом Своем теле. Она исполнялась несказанной и необъятной для мысли болезнью, видя все члены Его, которые Она некогда с нежностью носила на девственных раменах Своих, теперь от верха главы до стоп ног израненными и покрытыми кровью. Она терзалась утробой, слушая острейшие, чем меч, буйные слова, насмешки, ругательства и покивание главами законопреступного сонмища. А когда видела оное горькое питье из оцта и желчи, подносимое к пресвятым устам Его, разве Она Сама не испивала горчайшее всякой желчи питье жалости и тяжелой скорби? Видела Она Свет очей Своих угасшим на древе, видела пресладкий Живот Свой, под землю зашедший, и жаждала вместе с Ним умереть и сойти во ад. Взирала Она на неизменную доброту лица Того, неизреченной красоте Которого дивятся солнце и луна, взирала на угасший свет очей Того, Кто просвещает очи слепых, и лобызала животворные Его язвы, которыми исцелена неисцельная рана Адама всеродного, лобызала оплеванное и заушенное лицо, на которое Серафимы зрети не смеют; лобызала преклоненную главу, которой поклоняется всякое колено небесных и земных и преисподних; лобызала безгласные уста Того, Кто всем дает разум и слово, и говорила Ему с горьким и жалостным плачем: едину надежду и живот, Владыко Сыне Мой и Боже, во очию свет Раба Твоя имех, ныне же лишена бых Тебе, сладкое Мое Чадо и любимое!.. Где, Сыне Мой и Боже, благовещение древнее, еже Ми Гавриил глаголаше, Царя Тя и Сына Бога, вышняго нарицая? Ныне же Тя вижу. Свете Мой сладкий, нага и уязвлена Мертвеца... Ни от гроба Твоего встану, Чадо Мое, ни слез престану точащи, Раба Твоя, дондеже спиду во ад: не могу бо терпети разлучения Твоего, Сыне Мой!.. (Канон на Плач Пресвятыя Богородицы в Великий Пяток на повечерии).

О граде пречестный, граде преславный, граде Бога Живаго, Мати Божия! Было время, когда сладостные потоки благодати, как речные стремления, увеселяли Тебя, когда Ты видела чудеса и слышала божественные глаголы Сына Твоего; но что за устремления вод, горчайших Мерры (ручей в пустыне), теперь окружило Тебя! Не напрасно Ты в ветхозаветных писаниях уподоблена морю: вот теперь на Тебя, как бы в некое море, с неистовой бурей и устремлением собрались все воды бедствий, утеснений, жалости и безмерной скорби! Мера величайшей любви Твоей ко Христу, как к Сыну, и презрядного благоговения, как к Богу, была мерой и безмерной жалости и

скорби Твоей У креста Его!.. Но все это Устремление великих бед и скорбей не могло затопить Тебя, граде Божии, нимало не могло сдвинуть Тебя с основания, на котором Ты стоишь; не могло угасить светильника Твоего, который не угасал всю ту ночь страданий Христовых, не могла вся она лютая зима, в которую Петр и при огне не мог согреться (Ин. 18; 25), охладить теплоты и горячности совершенной любви Твоей, которая вон изгоняла из сердца Твоего всякий страх (1 Ин. 4; 18). С усилием прошла Ты сквозь вооруженную толпу оных богоубийц под крила оногo мысленного Орла, Своего Божественного Сына и, не попуская, сколько могла, честной Его крови падать на землю, собирала оную, как драгоценнейшее сокровище, и мешала ее со слезами Своими. Видела Ты источники бесценной крови, щедро и обильно истекающие из Его живоносных ребр, как реки из Едема, и Сама Ты, как море одушевленное, источала обильные, неудержимые потоки плача и болезни. Не напрасно же Небесный Жених уподобляет Тебя Есевонскому озеру (Песн. 7; 4). Однако же Ты стояла, как твердыня Давидова (Песн. 4; 4), как столп мраморный, поставленный на подножиях золотых (Песн. 5; 15), и покоряла Свою волю Его Божественной воле, будучи крепко утверждена в живой вере и несомненной надежде Его Воскресения. Стояла Ты под крестом, как под деревом жизни, не как она первая Ева, которая предложила Адаму запрещенный плод, видя сей плод приятным для взора и сладким для вкуса: эта приятность обратилась потом в отвратительную мерзость греха, а эта сладость — в величайшую горечь не только смерти, но и вечной муки. А Тебе второй Адам, Сын Твой, предложил с древа крестного такой плод, который ходатайствует красоту вечного блаженства и сладость бесконечных утешений на небе, — вкусил Сам и Тебе дал вкусить яблоко живоносной смерти и спасительных страданий Своих, которое тогда явилось горьким, теперь же плод его сладок и пресладок, ибо слышишь Ты из пресладких уст Сына Твоего оное сладкое слово: «приди, ближняя Моя, добрая Моя, Голубице Моя. Яко се, зима преjde, дождь отъиде... цветы явишася на земли...» (Песн. 2; 10-12).

(Из слова святителя Леонтия Карповича)

717. Видите вси в радость Господа своего! Христос воскрес!

О, как много в этих двух словах самой светлой, чистой, несказанной радости для сердца истинного христианина! Дух захватывает, когда из отверзшихся дверей притвора вдруг прорвутся и понесутся по всему храму родные звуки всем знакомой песни Воскресения: "Христос воскрес из мертвых..." Закипают слезы в груди: так бы и зарыдал, так бы и повергся в прах, если б не это повсюдное ликование, не эта дивная песнь, поднимающая мертвых из гробов... "Никтоже, — говорит великий учитель Церкви святитель Иоанн Златоуст, — никтоже да рыдает убожества: явися бо общее царство. Никтоже да плачет прегрешений, прощение бо от гроба возсия.

Никтоже да убоится смерти: свобода бо нас Спасова смерть". Пред очами ликовствующей Церкви нет разницы ни между праведно пожившим в минувшие дни, ни между грешным, по слабости естества своего, — лишь бы пришли и явились они на пир ее великий, лишь бы принесли с собой сердце открытое: всех равно объемлет она любовью, ко всем простирает материнские свои объятия... "Благочестив ли ты и боголюбив, — вещает она златыми устами святого Иоанна, — насладись этим добрым и светлым торжеством; благоразумный ли ты раб, — вниди, радуясь, в радость Господа твоего; потрудился ли ты, постясь, — восприими ныне динарий; делал ли ты от первого часа, — прими днесь праведный долг; пришел ли по третьем часе, — благодаря, празднуй; достиг ли по шестом, — не сумнися ничтоже, ибо ничим же отщетишися. Приступи ничтоже сумняся, ничтоже бояся, — пришедший и в девятом часу; не устращися замедления и ты, достигший и во единонадесятый час; любочестив бо сый Владыка, приемлет последнего, якоже и первого; упокоевает во единонадесятый час пришедшего, якоже делавшего от первого часа; и последнего милует, и первому угождает, и оному дает, и сему дарствует; и дела приемлет, и намерение целует, и деяние почитает, и предложение хвалит. Темже убо внидите вси в радость Господа своего; и первии и втории мзду примите: богатии и убозии друг со другом ликуйте; воздержницы и ленивии день почтите; постившиися и непостившиися возвеселитесь днесь! Трапеза исполнена: никтоже да изыдет алчай! Вси насладитесь пира веры, вси восприимите богатство благодати!"

Боже мой! Что за обилие любви, что за готовность обрадовать всех без изъятия! Но иначе и быть не могло, да и не может быть. Ведь это говорит Мать к детям своим, Мать обрадованная, Та Самая Мать, Которая скорбела с учениками Христовыми: мы же надеяхомся, яко Сей есть хотя избавити Израиля: «но и над всеми сими, третий сей день есть днесь, отнелиже сия быша» (Лк. 24; 21), — Мать, от радости не договаривающая слов, вся сияющая неземным веселием, вся ликующая небесным восторгом... Что Ей до того, что этот сын пришел на праздник из страны далече, а тот был все время близ Нее! Когда разбирать Ей, что этот жил по Ее уставам и велениям, а этот ходил по грешным начинаниям сердца своего! У Нее праздник: Она видит детей, которые сошлись к Ней с разных сторон, пришли оттуда, откуда Она и не ждала их, — и довольна с Нее! "Христос воскрес!" — говорит Она, лобызая того и другого, доброго и недоброго. "Мать, прости меня!" — говорят Ей заблудшие дети, а Она, с радостными слезами на глазах, отвечает им: "Христос воскрес, Христос воскрес!" Простим вся Воскресением, и тако возопиим: Христос воскрес! Идите ко Мне все, все до единого; ведь за вас, за всех вас страдал Он, славно прославившийся ныне, смертию смертью поправый и сушим во гробех живот даровавый!

И вижу я, сквозь полупрозрачную дымку разносящегося фимиама, — идет ко кресту Христову и украшенный знаками отличия труженик государственной жизни — верный царский слуга, идет и торгующий и продающий, давая себе ослабу от житейских сует, идет и бедный чиновник,

на последнюю, тяжким трудом заслуженную копейку купивший красное яичко для детей своих, идет и поденный работник-крестьянин, крестя намозоленной рукой морщинистый лоб свой, идут все, от царя до последнего бездомного нищего, и все лобызаются с радостным приветом: "Христос воскресе!.."

Что ж ты стоишь, святая душа? Что за скорбь на добром челе твоём? Слышала ли ты слова учителя твоего: "Никтоже да плачет прегрешений, прощение бо от гроба возсия?"

— Увы, мне ли участвовать в общей радости, когда я враждую на брата моего, когда я боюсь, чтоб он не подошел ко мне с обычным приветом? Что я отвечу ему?

А вот что, радость ты моя: "Прости вся Воскресением, и тако возопий: Христос воскресе!" Верь, что просветится лицо твое, обновится дух твой, закипит восторгом сердце твое, и недруг твой покажется тебе лучше лучшего друга. Знаешь ли, где теперь место злобе и ненависти, плачу и скрежету зубов? Во аде, между вечными и мрачными его обитателями. Но аду этому нельзя не злобствовать, ибо он поруган бысть, связася, низложися, упразднися, умертвися. Тебе ли, святая, Христом искупленная душа, в день Христов подражать адским обитателям?..

А ты что стоишь у порога церковного, смутный и невеселый? Ты отчего не идешь ко кресту Христову, не обнимаешь близ стоящего брата твоего с радостным приветом?

— Я — еврей, — отвечаешь ты.

Да, ты еврей, ты тот, для которого крест Христов составляет соблазн; для которого и Сам Христос, распятый и в третий день воскресший, есть соблазн... Но ты ведь соблазнялся и тогда, когда послана была тебе манна с неба; ты и тогда спрашивал: что есть сие? (Исх. 16; 15). И однако ж ты исцелялся некогда одним взглядом на медного змея, вознесенного на крест. Скажи же: каким образом исцеляла тебя эта медь? Как изваянный змей спасал тебя от угрызений живой змеи? Скажи нам это, скажем и мы тогда тебе, как Пасха Господня приводит нас от смерти к жизни и от земли к небеси. Мы не соблазнялись никогда, не соблазняемся и теперь змеем пустынным, которого водрузил некогда Моисей на древе; мы знаем, что он был прообразом Того, Кто за грехи наши вознесен был на крест, и крестом воскресил и оживил нас, умерщвленных преступлением горьким: зачем же ты блазнишься тем, что мы празднуем востание Того, о Ком говорили пророки твои, над Кем сбылось буквально все, реченное о Нем в Законе и Пророках? Ведь это — Он, пред Кем пал ваш Иерусалим и храм, так что и камня на камне не осталось в них! Ведь это Он, Который предсказал и оплакал рассеяние некогда возлюбленного Своего Израиля по лицу земному! Ведь это во имя Его приютили теперь тебя, бездомного, отверженного всеми народами, и дали тебе права, которых ты недостоин, ты, потомок Его убийц, кричавших Пилату: распни, распни Его! Тогда как Он молился за этих убийц на кресте: Отче: отпусти им, не ведят бо, что творят. Каких же после сего еще

тебе знамений, о иудей? Познай же, познай Спасителя своего, иди ко кресту Его и ответь нам на братское приветствие наше так: "Воистину воскрес Христос!.."

А ты что стоишь за порогом храма, отчего не идешь в блистающий огнями дом Бога нашего?

— Не пойду, потому что ваше празднество кажется мне безумием, — говоришь ты.

Итак, ты ищешь мудрости? Иди, мы покажем ее тебе. Ты знаешь всемирную историю; вспомни же, как языческие мудрецы поклонялись идолам, которых сами же считали бездушными и смеялись над ними. Эти мудрецы не имели силы бороться с безумным многобожием; но прошло четыре века, и куда девались все идолы? Они пали от проповеди Галилейских рыбаков, залиты кровью мучеников, и на месте их сияет крест Распятого Христа. Один из семи мудрецов древности, Платон, говорил, что истинного Бога найти трудно, а если бы кто и нашел Его, то о Нем нельзя беседовать со всеми. А вот же стало можно и это, не прошло и ста лет по Воскресении нашего Спасителя, а об Отце природы и человеков, о Боге богословствуют — и образованный грек, и воинственный римлянин, и варвар, и скиф, и даже наши малые дети говорят о Нем то, чего и не снилось всем этим мудрецам древности языческой. Какой же тебе еще премудрости, любитель мудрости? Иди же к нам в светло сияющий храм, просветись днем Воскресения! Ты узнаешь здесь премудрость Божию, от веков и родов сокровенную и ныне нам явленную. Отложи свои земные мудрования, не измеряй Божией премудрости ничтожной мерой своего себялюбивого разума, и ты познаешь тайны, о которых и мечтать не смеет земное мудрование.

"Воскресения день, просветимся, людие; Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни и от земли к небеси Христос Бог нас преведет, победную поюция!.."

(Составлено по "Домашней беседе", 1867)

718. Юный святитель — великий мученик

Когда читаешь страдания святых мучеников, то невольно удивляешься их терпению, невольно благоговеешь пред силою Христовой благодати, укреплявшей их непобедимым мужеством. Однако же не много мучеников, страдальческий подвиг которых продолжался более двух — трех лет; большей частью язычники прекращали их жизнь после нескольких дней мучения. Но есть мученик, который провел в ужасных муках целых двадцать восемь лет: так велика была его вера и любовь ко Христу Спасителю! Это — священномученик Климент, епископ Анкирский.

Его отец был язычником и умер, когда Климент был еще в колыбели, а мать — христианка, по имени Евфросиния. Мать учила свое дитя жить по-

христиански. Когда ему было двенадцать лет, мать заболела и, чувствуя приближение смерти, стала обнимать и целовать сына, говоря ему: "Дитя мое возлюбленное, дитя от пелен осиротевшее! Но ты — не сирота: тебе Отец — Христос Бог; Его почитай как отца; Ему, единому Владыке, служи, на Него единого надейся; Он наша жизнь бессмертная, наше спасение. Слезно молю тебя, дитя мое: сохрани веру Христову. Скоро наступит тяжкое время гонений. О дитя мое, тебе придется быть мучеником за Христа; приготовься к подвигу, не бойся мук. Муки пройдут, а славау Бога будет без конца. Сын мой, молю тебя, дай мне за все труды мои, за любовь мою, дай мне счастье — быть матерью мученика. Я не переживу этой ночи, помни же мою предсмертную мольбу: не пожалей своей крови за Христа! Я отхожу от тебя телом, но духом буду неразлучна с тобой".

И любящая мать, склонясь на шею сына, скончалась... Но Господь — Отец сирот — послал отроку другую мать: его приняла в свой дом бездетная христианка София и любила как сына. В это время был страшный голод, так что язычники бросали детей по дорогам, не имея возможности их прокормить. Климент собирал этих детей в доме Софии, и они вместе воспитывали их и учили вере Христовой. Сам Климент от юности вел жизнь постническую. По избранию народа он был поставлен в чтеца, а потом вскоре в диакона, во священника и, наконец, епископа. Юному епископу было не более двадцати лет. В то время Римский император Диоклетиан повелел мучить и убивать всех христиан. В Анкиру, где жил святитель Климент, прибыл царский наместник и приказал привести к себе Климента. Когда ни ласки, ни угрозы не подействовали, мучитель велел обнажить святителя, повесить на дереве и строгать тело его острыми орудиями. Отпадали части тела мученика, видны стали внутренности его, но святитель не изменился в лице, не застонал, и только радостно благодарил Бога, Который сподобил его страдать за Него и укреплял его в терпении. Мучители ослабели, их сменили другие, и те изнемогли, а мученик был непоколебим. Когда сняли его с дерева, тела на нем почти не было, виднелись одни окровавленные кости, но он находил силу возражать мучителю. Тот приказал бить его по лицу; святитель упал на землю; у лежащего выбили камнями все зубы... А он радовался, что страдает подобно Христу. Мучитель велел было отнести его в темницу, но он сам встал и пошел без всякой помощи. Через несколько дней Климент, благодатью Христовой, совершенно исцелился от ран, и наместник послал его в Рим, к самому императору Диоклетиану, как невиданное диво. Выходя из родного города, святитель молился за родину и просил, чтобы Господь возвратил его в свой город, дабы здесь умереть. Диоклетиан не хотел верить, что перед ним стоял мученик — так он был светел лицом и крепок телом. Начались обычные ласки и обещания, чтобы заставить его отречься от Христа, а затем угрозы и нестерпимые мучения. Мученика привязали к колесу и вертели, били железными палками, кости трещали, когда тело колесом прижималось к земле, части тела отпадали, а святитель тихо молился: "Господи Иисусе Христе, помоги мне; за Тебя я

страдаю, исцели меня, чтобы я мог еще больше перенести мук к славе имени Твоего". И вдруг колесо остановилось, мучители обессилели, а святитель, освобожденный невидимой рукой, стал всем телом цел и здоров. Народ воскликнул: "Велик Бог христианский!" А мученик благодарил Бога и пророчествовал, что скоро в самой этой столице вера Христова воссияет как солнце. Раздраженный царь велел железом бить его в уста, но он еще громче говорил о грядущей славе Божией. Мученика отвели в темницу. Вечером туда собралось много народа, видевшего его страдания; все просили крещения. В темнице было довольно воды, и он окрестил всех. В полночь осиял темницу свет небесный, явился Ангел Божий и подал мученику Святые Таины Христовы, которыми святитель и причастил всех. Так несколько дней приходили к нему люди, и темница стала как бы церковью. Узнал об этом царь и приказал всех собравшихся там заколоть.

Каждого перед смертной казнью спрашивали: "Отрекаешься ли! от Христа?" Но ни один не отрекся, и все были усечены. Убежал только юноша Агафангел, чтобы пострадать с самим Климентом. А Климента опять привели к царю, били скотскими жилами, строгаи на дереве железными когтями, палили свечами... Удивляясь его твердости, Диоклетиан послал его к другому царю Максимиану. Повезли его морем. На корабле ждал его юноша Агафангел. На пути епископ острова Родоса упробил воинов позволить мученикам сойти на берег; там Климент совершил Божественную литургию, и люди достойные видели Ангелов, окружающих его, и неизреченный свет от диска, где лежал, казалось, пылающий уголь. Многих больных исцелил тут святитель-мученик.

Прибыли в область царя Максимиана, который передал их лютomu игемону. Тот приказал повесить Климента и резать бритвами, а Агафангела бить крепко жилами, потом заключить в темницу. Узники, бывшие в темнице, видя, как кротко терпели и молились страдальцы, как Ангелы сходили к ним, просили у Климента крещения. На другой день игемон отдал мучеников на растерзание зверям; но звери только ласкались к ним. Тогда мучитель придумал: раскаленным рожном (железным рогом) вертеть им руки, от каждого пальца до локтя. Но народ, возмущенный такой жестокостью, стал кричать на игемона, чтобы он отпустил невинных, и стал бросать в мучителя камнями, так что игемон убежал от страха. Прошло несколько дней, он опять схватил мучеников, зашил каждого из них в мешок с камнями и сбросил с горы в море. Все думали, что они погибли; но верующие увидели, что мешки плывут по морю; подплыли к ним, развязали и нашли мучеников живыми и здоровыми. Ночью Ангелы Божии посетили их на берегу и напатали, а утром мученики вошли в город, рассказали народу о милости Божией к ним и исцеляли больных. Мучители крайне удивились, когда узнали, что брошенные в море остались живы. Узнав, что Климент родом из Анкиры, Максимиан велел отправить его туда, чтобы там казнить. Климент радовался, что он возвращается в родной город.

Прибыли в Анкиру. Тамошний игемон велел раскаленными досками опалить бока мученика, бить по ним без милости, потом надеть на голову Климента раскаленный железный шлем. Ужасный дым повалил из ноздрей, ушей и из уст страдальца, а он, терпя невыразимую муку, помолился, и — шлем вдруг остыл. Изумился мучитель и, не зная, что делать, велел отвести обоих в темницу. Туда пришла к нему блаженная София, его воспитательница, омыла и отерла кровь мучеников, целовала раны их, перевязала чистыми полотенцами. Она служила им, приносила каждую ночь пищу. Прошло несколько времени, мучеников увезли в другой город; там новый мучитель приказал бросить их в кипящую известь, в которой они пробыли целые сутки и остались невредимы. Потом содрали им кожу с плеч, долго били палками, клали на раскаленные железные решетки, обливали их серой и смолой... А мученики сладко заснули на раскаленном железе. Во сне они увидели Господа Иисуса, и Он сказал им: не бойтесь, Я с вами!

Проснулись они невредимые и опять были отведены в темницу. Долго томились они там; наконец их отправили к царю Максимиану, который был крайне удивлен, увидев, что они еще живы. Максимиан велел бросить их в пылающую печь; они пробыли там целые сутки и остались невредимы. Многие из народа уверовали во Христа, увидев это чудо, а мучеников опять заключили в темницу, где провели они безвыходно целых четыре года.

После этого царь передал их новому мучителю. Снова повесили их на дереве, били, строгали их тело, до самых костей... Мучитель от стыда и ярости изнемог, его унесли слуги, а мученики сами бодро шли в темницу, хотя по дороге плоть их отпадала кусками.

И еще новый мучитель принялся за них: воткнули в землю рожны, ножи, гвозди, трезубцы острием вверх; на эти орудия положили Климента нагого, на спину, а по груди его стали бить толстыми кольями: все тело его было исколото и изрезано; местами железо прошло насквозь, так что потом едва могли снять его, но страдалец остался жив...

Агафангелу вылили на голову растопленное олово, но он был жив: Сам Бог соблюдал в них души неисходными из тела.

Вызвался еще иной мучитель: велел повесить на шеи мученикам два жернова и волочить их по всему городу; нашлись при этом безумцы, которые стали бросать в них камнями. После этого мучеников осудили на вечное заключение в темницу, пока умрут в ней сами. И много лет пробыли там мученики, без всякой помощи, но оставались бодры и здоровы. Воцарился новый царь. Стражи темничные доложили ему и спрашивали о мучениках: "Что с ними делать? Мы уже думаем, что они бессмертны".

Царь велел отослать Климента опять на родину. Правитель того города заключил их ноги в колоды, повесил железные вериги на шею, на руки, на все тело, навязал тяжелые камни, так что им и пошевелиться нельзя было. На другой день призвал к себе одного Агафангела и после нескольких мучений огнем и железом приказал, наконец, отсечь ему голову. А Клименту велел в темнице каждый день давать по сто пятьдесят ударов суковатым

железом по лицу и по голове; это истязание продолжалось непрерывно два месяца. Вся темница обогрелась кровью, но мученик терпел: Ангел исцелял его каждую ночь. Под праздник Богоявления Господь навел крепкий сон на стражу, и блаженная София смогла вывести Климента в церковь; там он совершил литургию, причастил народ, сказал поучение, утешил всех, что гонение скоро прекратится, и Бог воздвигнет царя равноапостольного, который просветит все государство верой Христовой.

Через несколько дней святитель снова совершал литургию, как вдруг вошел в церковь игемон и тут же велел ударить святого Климента мечом сзади в шею — и голова много страдального святителя пала на престол, на Святые Дары, и обогрела кровью весь алтарь... Это было в 312 году по Рождестве Христовом.

Так окончил свой мученический долголетний подвиг величайший страдалец за Христа. Так были сильны пред Богом предсмертные молитвы его матери и ее благословение на сей подвиг. Так могущественна была сила Божией благодати, укреплявшей священномученика.

Господу нашему, дивному во святых Своих, буди слава во веки, аминь!

719. Кто учит людей срамословию?

«...отложите... срамословие от уст ваших» (Кол. 3; 8)

Скажите, люди православные: кто дал первому человеку дар слова, кто научил его говорить? Сам собой он этого выдумать не мог; научиться было не у кого: откуда же у него взялось такое неоцененное сокровище, как слово? Оно дано ему, конечно, от Бога. Это Он, Премудрый, создавший словом Своим всю вселенную, это Он украсил даром слова и первого человека, и тем отличил его от прочих земных тварей бессловесных и бездушных. Именно так: слово — от Бога! Откуда же у человека взялись слова недобрые, гнилые, оскорбляющие богоподобие природы человеческой? Конечно от врага и губителя рода человеческого — от дьявола.

Да, ему, вселукавому, завидно стало, что Господь, по благодати Своей, так щедро наградил Свое высшее создание земное, то есть человека, разве малым чем умаленного от Ангела. И вот он, нечистый, скверный и омерзненный, после первого греха, в который ввел соблазном первых двух людей, мало-помалу стал внушать потомкам их то нечистые мысли, то скверные слова, то злые действия. Пока человек был в невинном и блаженном состоянии, он употреблял слово только на прославление Божие, на благодарение Творцу за Его великие совершенства и благодеяния, да на беседу с Ангелами. А затем, после падения, выражал он этим словом свое сожаление о грехе своем, свое пред Богом покаяние, свои нужды, свои надежды на спасение в обетованном Искупителе. Но дьявол, будучи не в силах отнять у человека то, что дал ему Сам Бог, то есть лишить его дара слова, извратил в нем эту высшую способность души, и вместо прославления

имени Божия заставил человека выражать только ропот и хулы на своего Создателя; вместо чувства скорби и раскаяния внушил ему только смех, кощунство, осуждение и злоречие, и вместо сладостной молитвы научил его гнусному срамословию. Стало быть, когда ты, слабый и несчастный человек, всеу носящий на себе пречестное имя Христово, своими устами произносишь всякую нечистоту, брань, хулы, и оскверняешь воздух иногда такими мерзкими словами, от которых и бессловесное животное отворачивается, тогда — подумай хорошенько, да скажи по совести: кого ты потешаешь, кого ты слушаешь тогда? Кого, как не диавола, которого, без всякого сомнения, эти скверные слова твои услаждают донельзя!.. И вот что особенно больно: говорят, ни у одного народа в мире нет такого срамословия, как у нашего народа русского, который называет себя православным. Да, у наших простолудинов не только в ссоре или драке, но часто и в радости и в дружбе, даже и в разговорах о том, что должно бы возбуждать одно благоговение пред Богом, нередко слышится сквернословие, без всякого стеснения перед окружающими лицами, будь тут духовные или светские, девицы ли целомудренные или дети и младенцы непорочные, свои ли или чужие. Иной даже щеголяет этой мерзостью, так что человеку благородному со стороны бывает стыдно за такого сквернослова, который явно унижает, хуже скота ставит свою природу человеческую и делается опаснее всякого прокаженного. Поэтому святой апостол Павел повелевает нам бегать таковых людей. А как их избежишь, когда зараза сквернословия, особенно при пьянстве, у нас почти на каждом шагу? Что же за причина такому широкому распространению этой скверной привычки к срамословию?

Думается, что враг рода человеческого там-то и сильнее действует, где видит крепкие оплоты против себя в истинной Церкви Святой. Не имеет он возможности разрушить то, что Сам Бог хранит Своей силой, и вот, лукавый старается ослабить и разрушить Божие воинство, влагая в его душу вместе с грязными словами и нечистые мысли и чувства: при этом ему становится уже легко одерживать свою победу на погибель этих душ, которые он успел растлить и осквернил ядом злословия и срамословия.

И как это можно нам-то, людям православным, сквернить свои уста этим срамословием и этой гнилью, уста, помазанные миром при Святом Крещении, уста, которые дал нам Господь для прославления имени Его, для лобзания креста, святых икон и пречистых язв Его, для принятия небесных страшных и животворящих Его Таин — пресвятого Тела и пречестной Крови Его, для песнопения Ему не только на земле, но и на небе, вместе с небожителями! О, какой великий, тяжкий грех это сквернословие... Да прилипнет, христианин, язык твой к гортани твоей, если ты осмелишься употреблять его, как бритву, изощренную и ядом отравленную, на погибель души своей и душ невинных, целомудренных! Нет, всяко слово гнило, даже праздно, да не исходит из уст твоих (Еф. 4; 29), ибо Сам Господь сказал, что за всяко слово праздное, «еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово», то есть великий пред Богом ответ, в день судный (Мф. 12; 26). Особенно

берегись, чтобы гнилые, скверные твои слова или рассказы, поговорки и кощунства, то есть насмешки и кощунства над священными предметами и лицами, не подслушала нечаянно невинная душа твоего родного или чужого дитяти, которое может запомнить эту гадость на целую жизнь, а потом и в погибель употребить твое срамословие. Соблазн — дело великое. Убить соблазном душу невинную едва ли не гораздо больший грех, чем убить человека. Разбойник убивает только тело человека, а ты своим блудным срамным словом можешь убить и душу и тело другого, который может передать эту смертельную отраву еще кому-нибудь, а тот опять другим, и так далее. Поэтому и Спаситель сказал о соблазнителе: «иже аще соблазнит единого малых сих верующих в Мя, уне (лучше) есть ему, да овесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей» (Мф. 18; 6).

Неразумный ты человек! Подумай, что ты делаешь, когда уста свои сквернишь! Какой ты тяжкий грех на душу свою тогда берешь! Ведь Господь-то на всяком месте владычества Его, Он все слышит и все видит. Ужели ты решился бы сказать срамное слово перед тем начальником, от которого ты зависишь? Мог ли бы тебе простить такую дерзость царь земной, если б ты в его присутствии вздумал говорить срамные слова при детях его? Как же ты не боишься дозволить себе этот срам, когда знаешь, что всегда и всюду невидимо присутствует с тобой Царь Небесный и Его Святые Ангелы?.. Или ты хочешь удалить их от себя своим сквернословием? Пожалуй, удали, но тогда с тобой останутся только одни диаволы. В самом деле, что в том удивительного, если чистые, по самой природе своей Святые Ангелы не могут быть близко к человеку, который заразил вокруг души своей весь воздух сквернословием? И что тут невозможного, если к нему в таком состоянии приближаются бесы смрадные, навевая ему и в ум и во все уды и составы все нечистое и злое, как это и видят часто наяву люди, преданные пьянству и разврату до крайности? Поистине дивно долготерпение Бога милосердного, Который еще не хочет смерти или казни грешника, но ждет его обращения на истинный путь, пока исполнится мера Его долготерпения.

Своим сквернословием ты оскорбляешь Господа Бога, бросая в грязь неоцененный дар Его, каким Он отличил тебя от животных неразумных, бессловесных. Оскорбляешь ты и Ангела хранителя души и тела твоего, отгоняя его прочь от себя своим сквернословием и заставляя его плакать о твоей гибели. Оскорбляешь ты и Матерь Света, Пресвятую Деву Богородицу, равно как и свою родную мать, когда ругаешься скверными словами. Ты убиваешь и душу свою, окружая ее смрадом, выходящим из уст своих. И всем противен ты, от Бога до Ангела, от человека до скота! После этого скажи мне: как же ты осмелишься назвать Господа Бога Отцом твоим — тем самым языком, которым так недавно изрыгал ты срамные и непотребные слова? Разве у Отца Небесного такие дети, как ты, Его несчастное создание? Как ты с этими нечистыми устами дерзаешь приступать порой даже и к принятию Святых пречистых и боготворящих

Таин, когда ты и простого хлеба недостоин: ведь и простой хлеб есть Божий дар?

Образумься же, несчастный, посмотри, остановись, размысли, рассуди, подумай: ведь жизнь твоя не вечна на земле! Не все Господь милосердный будет терпеть твои грехи, не все будет сносить твоё срамословие, которым ты губишь себя и других. Там, где милость Его прекращается, там страшный вечный гнев Его является. Покайся же, брат мой, исправься, брось, пока не поздно, брось навсегда свою несчастную привычку сквернословия! Наказывай себя за каждое гнилое слово — поклонами, милостыней, молитвами... Проси у Бога помощи в борьбе с этой привычкой. Ведь и пред Богом грешно, и перед людьми стыдно, и перед самим собой-то совестно и опасно... Истинно так! Аминь.

(Из проповедей протоиерея Иоанна Полисадова)

720. Какому перстосложению учит "Большой катехизис"?

Говоришь ты, любитель старины, что Катехизис, напечатанный в лето 7301, учит полагать на себе крестное знамение двуперстием, а не троеперстием: правда ли это? Раскрой эту книгу и читай на листе 5, на обороте, ответ на вопрос: "Како на себе достоит честный крест полагати? Сложивше убо три персты десныя руки, и возлагаем на чело, также на живот, и на десное и на левое рамо, глаголюще молитву Иисусову: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго. Чесоради (почему) таковым образом бывает знамение честнаго креста? Того ради, понеже сим показывает велию тайну веры христианской. Како сие бывает? Три персты равно имети. Великий со двема малыми вкупе слагаеми. Сим образуем Святую Троицу: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой. Не три Бога, но един Бог в Троице, имена разделяются и лица, а Божество едино... Три во едином Божестве. Едина сила. Едина честь. Едино поклонение от всея твари, от Ангел и человек. Тако тем трем перстом указ". Из сего видишь, что знамение честнаго креста бывает через сложение трех, а не двух перстов десной руки. Читай дальше: "...а два перста имети наклонены, а не простерты. И тем указ сице: то образует два естества Христовы: Божество и человечество. Бог по Божеству, а Человек по вочеловечению, а во обоём совершен. Вышним убо перстом образует Божество, а нижним человечество. Понеже сошед от вышних и спасе нижняя, согбение же персту толкует. Преклонь бо небеса, и сниде на землю, нашего ради спасения". Почто же ты, глаголемый любитель древнего обряда, не так слагаешь персты при крестном знамении, как учит уважаемая тобою книга Катехизис? Ты не троеперстием, как она учит, а двуперстием знаменаешься. Катехизис говорит: "три персты равно имети", а не два. Далее там же написано: "...сим образуем Святую Троицу". А если сложением перстов образуем Святую Троицу, то подобает слагать именно три первых перста на руке, а не один первый и два последних. Первыми

перстами приличнее и гораздо лучше образовать первую тайну веры христианской, нежели первым и непервыми, то есть четвертым и пятым. Первые три перста самой природой соединены и никаким посредством не разделены: поэтому этими именно перстами лучше образовать сопредстольную и нераздельную Троицу, нежели первым и двумя последними, которые самой природой разделены. Первые три перста больше сходны между собой, при всяком деле вместе употребляются к действию; а ты сам по Катехизису читаешь: "...три во едином Божестве: едина сила, едина честь..." Едина сила лучше образуется теми тремя перстами, которые при всяком человеческом действии употребляются совокупно. Прилично ли образовать едину силу такими перстами, которые почти к действию не употребляются? Нет там и единой чести, где едино лице образуют великим, а прочие два лица двумя малыми перстами: великое и малое могут образовать только различие, а не единичие. Ясно посему, что Катехизис указывает именно на наши три первых перста, а не на первый, четвертый и пятый. Ты скажешь: "Как же понимать слова, — великий со двема малыми вкупе слагаемы?" Это не трудно понять.

Припомни, что ты читаешь в Катехизисе об остальных двух перстах: "...два перста имети наклонены, а не простерты". Конечно, ты согласишься, что тут говорится уже не о тех перстах, о коих сказано в словах: "...великий со двема малыми вкупе слагаемы". Те образуют Святую Троицу, а два перста... то образует два естества Христовы: Божество и человечество. Скажи же теперь, которые именно сии два перста, образующие два естества Христовы? Скажешь: "Указательный и средний". Но когда так разумеешь, то почему же ты, слагая сии два перста, указательный и средний, не имеешь их наклонены, как учит Катехизис? Почему ты из них только один средний пригибаешь, а другой имеешь простерт, вопреки Катехизису? Там ясно сказано: "...наклонены, а не простерты".

Знаю, ты укажешь мне на дальнейшие слова Катехизиса: "согбение же персту толкует: преклонь бо небеса, и сниде на землю, нашего ради спасения". Значит, ты под словом персту разумеешь только один перст, а не два? Но это и грамматике, и составу речи, и учению веры христианской противно. По грамматике слово персту не единственного числа, дательного падежа, а двойственного числа родительного падежа. (Смотри в Грамматике, напечатанной в 7506 году, листы 105-107.) По составу речи начни читать со слов: "...а два перста имети наклонены, а не простерты", следовательно, согбение или наклонение персту обою, а не одного только. Далее в речи: "...и тем (двум перстам) указ сице: то (согбение) образует два естества Христовы", то есть два перста, именно: вышний перст образует Божество, а нижний человечество. Сии два перста велено иметь именно наклонены, а не простерты — чего ради? А вот чего ради: согбение же персту толкует: преклонь бо небеса и сниде на землю... Преочевидно, что согбение двою, а не одного перста толкует. Помысли: кто преклонь небеса, Божество или человечество? По указанию твоего Катехизиса, на обороте листа 39, сказано:

"слыши Самого Господа Иисуса Христа ко евреем глаголюща: И никтоже възыде на небо, токмо сшедый с небесе Сын Человеческий, сый на небеси (Ин. 3; 13)".

На листе 42: "един есть Сын, сугуб естеством, а не составом (ипостасию), тем совершенна Того Бога, и совершенна человека воистину проповедающе, исповедаем Христа, Бога нашего. Кто убо преклонь небеса? Богочеловек, Христос Бог наш, во двою естеству неслитно познаваемый". Следовательно, не одного перста, а обою персту согбение толкует: "преклонь бо небеса и сниде на землю". Посуди еще о сем: в Катехизисе сказано: "вышним перстом образует Божество, а нижним человечество". Посмотри на свое перстосложение: который перст назовешь ты вышним? По здравому смыслу назвать должно тот, который выше занимает место в порядке пальцев, то есть второй, указательный. Но сей ли указательный ты пригибаешь? Скажешь: который палец длиннее, тот и выше. Значит, по-твоему, рослый человек, сидящий на третьем месте, будет выше сидящего на втором месте по заслугам, но малорослого! Притом в Катехизисе сказано: "понеже сошед от вышних и спасе нижняя". Которые вышние персты: два ли малых последних, мизинец и безымянный, или наши три первых перста, от которых четвертый, безымянный, пригибается к мизинцу, и вместе с мизинцем, малейшим из всех перстов, к ладони, как Умаленный паче всех сынов человеческих преклонь небеса сниде на землю нашего ради спасения? Истинно, наше сложение перстов совершенно по Катехизису, совершенно образует велию тайну веры христианской, и именно: первыми тремя перстами первую тайну Святой Троицы, а последними двумя перстами — в последние дни явившееся второе таинство воплощения Господа Спасителя. А ваше перстосложение ни первыми перстами не образует первую тайну Святой Троицы, ни последними — в последние дни открывшееся таинство воплощения Христова: поэтому никак не может быть сообразным учению катехизическому. А слова: "с двема малыми вкупе слагаеми". если их понимать и толковать по-вашему, противны всему Катехизису, в котором на листе 33 сказано: "большинства же и меньшинства в существе не глаголю". Они, очевидно, внесены не самим сочинителем Катехизиса, а любителями двуперстия, и их надобно исключить из Катехизиса. Право, Катехизис, не говоря о перстах поименно, не называя их указательный, средний, мизинец и прочие, учит нашему, а не вашему перстосложению. А ваше перстосложение ни малейшего основания не имеет в вашем Катехизисе, потому что вы своим перстосложением, во-первых, не образуете тремя перстами Святую Троицу (ведь вы любите только двуперстие, а троеперстие отвергаете), во-вторых, исповедуете двема персты два естества во Христе Сыне Божиим, но не два перста наклоняете, а только один, и не вышний по месту, а низший, и не к низу, к четвертому персту, или к ладони наклоняете, а кверху, к второму персту. Итак, видишь, возлюбленный, что Катехизис не утверждает вашего перстосложения, и что по Катехизису нельзя отвергнуть нашего и называть его щепотью или печатью антихристовой. Впрочем, Церковь снисходит к

немощи вашей и допускает употреблять вам и двуперстие, только не отлучайте себя от общения с нею в молитве и Таинствах.

(Из сочинений Аркадия, архиепископа Пермского)

721. Святой игумен в добровольном изгнании

Нередко Бог и на праведников Своих попускает искушения, дабы через то их добродетель просияла еще более, как золото, в огне искушенное. Это судил Бог претерпеть и преподобному отцу нашему Сергию. И кто бы мог подумать, чтобы это произошло от его родного брата Стефана, который вместе с ним был основателем обители и соревнителем его подвигов? Но, видно, от бед и искушений никуда не уйдешь: беды во градех, беды и в пустыне, беды от лжебратий, беды и от сродников...

В один субботний день преподобный Сергий сам служил вечерню и был в алтаре, а брат его Стефан, как любитель пения, стоял на левом клиросе. Вдруг преподобный услышал довольно громкий голос брата: "Кто тебе дал эту книгу?" — спрашивал он канонарха. "Игумен", — отвечал канонарх. Помысл гнева и властолюбия поколебал Стефана: "Кто здесь игумен? — сказал он уже запальчиво. — Не я ли первый основал это место?"... Сказаны были и другие немирные слова.

Преподобному стало понятно, что в этом раздражении брата излилось тайное недовольство некоторых из братий на новые порядки, заведенные в обители с учреждением общежития. Игуменство тяготило смиренного Сергия, и он воспользовался случаем сложить с себя это тяжелое бремя. Предоставляя своевольных суду их совести, преподобный, по окончании вечерни, не пошел уже ни в келью, ни в трапезу, куда пошли все братия; никем не замеченный, он вышел из обители и удалился по пути в Махру... Очевидно в сем поступке терпение, кротость и смирение угодника Божия. "Но вот что недоуменно, — замечает святитель Филарет Московский, — почему не вразумил он брата, по долгу игумена? Как, из-за одного человека, оставил всю братию и служение, в которое поставлен священной властью? Есть особенные пути святых, — отвечает на сей вопрос мудрый святитель, — пути, пред которыми все должны благоговеть, но которым не всякий имеет право последовать. Если у отца сын, или у начальника подчиненный бесчинствует, берегитесь молчать и оставлять его без обличения и исправления. Вспомните грозное прещение и наказание, которым за небрежение сего рода Бог поразил несчастного Илия (1 Цар. 3; 13-14). Если от какого-нибудь искушения или неудовольствия приходит тебе желание бежать от места, на которое ты поставлен законной властью, остерегись: от зла путем своего произвола не убежишь и спокойствия не уловишь".

Но прозорливый Сергий видел, что неудобно было прямо обличить любоначалствующего, потому что в этом случае обличение казалось бы препирательством за начальство и имело бы вид личной распри между

игуменом и старшим после него, и притом родными братьями по плоти, а это было бы соблазном для прочих братий обители. В сих трудных обстоятельствах премудрый старец никому не сказал о поступке брата, и своим добровольным удалением от начальствования подал и сильнейшее врачевство против страсти любоначалия.

На пути преподобного Сергия застигла ночь, которую он провел в глухом лесу, в молитве и кратком сне. Наутро он пришел в Махрицкий монастырь. Здесь был игуменом его духовный друг и собеседник, преподобный Стефан. Несколько дней гостил преподобный Сергий у своего друга; он обходил с ним пустыню и радовался процветанию его обители. Наконец он сказал Стефану: "Желал бы я, отче, найти себе, при помощи Божией, уединенное место для безмолвия. Твои ученики хорошо знают здешние пустынные места: дай мне одного из них в провожатые".

Стефан с любовью исполнил эту просьбу и отпустил с Сергием своего ученика Симона, с которым преподобный обошел много пустынных дебрей и нашел, наконец, прекрасное место на реке Киржач, где и поселился на безмолвие.

Нужно ли говорить, в какое уныние была приведена Троицкая обитель нечаянным удалением из нее святого игумена? Лучшие иноки встревожились, но сначала думали еще, что он скоро возвратится. Ожидание их, однако, не исполнялось... Тогда братия отправились по двое и по трое искать его по пустынным лесам, по селам и городам, но нигде не находили... Некоторые, чувствуя духовное сиротство в разлуке с любимым старцем-игуменом, решались уже покинуть и самую обитель, в которой теперь все казалось так пусто и бесприютно...

Но вот один из братии пришел на Махру, к преподобному Стефану, и от него услышал, что Сергий прошел в дальнюю пустыню, чтобы там обосноваться. Понятно, как велика была радость осиротевших иноков, когда они узнали от своего собрата, где уединился их любимый наставник и отец. Они не могли долее сносить разлуки, и один за другим стали переселяться на Киржач. А преподобный с любовью принимал их и сам помогал строить им кельи. Скоро построена была и церковь.

Прошло три — четыре года. Иноки Троицкой обители, не пожелавшие покинуть первую обитель, пошли в Москву к самому святителю Алексию и, зная, как Сергий свято чтит волю архипастыря, со слезами стали умолять его, чтобы он своей святительской властью возвратил им, осиротевшим детям, чадолюбивого отца. Святитель хорошо понимал, как нужен Сергий для обители Троицкой, но видел и то, как тяжело огорчили блаженную душу его своевольные. Жаль ему было и учеников, безутешно скорбящих в разлуке с наставником, но не хотел он действовать и на святого друга своего одной только властью архипастырской...

Благословив троицких иноков и сказав им слово утешения, митрополит отпустил их в свою обитель, и немедленно отправил почетное посольство к

преподобному Сергию, состоявшее из двух архимандритов: Герасима и Павла. Посланные прибыли на Киржач и братски приветствовали Сергия.

"Отец твой, — сказали они, — Алексей митрополит благословляет тебя и очень рад, что имеет добрые вести о твоей жизни в этой далекой пустыне. Но он Повелел нам сказать тебе: довольно и того, что ты здесь построил церковь и собрал немало братьев. Избери теперь из числа твоих учеников опытного в духовной жизни и оставь его строителем новой обители, а сам возвратись опять в монастырь Пресвятыя Троицы, дабы братья, так долго скорбящие о разлуке с тобой, не разошлись вовсе из той обители. Непокорных и строптивых я выведу вон оттуда, чтобы там не было ни одного твоего недоброжелателя. Только не слушайся нас, и милость Божия, и наше благословение всегда да будет с тобой!".

— Так скажите от меня господину моему митрополиту, — отвечал смиренно преподобный, — все, что исходит от уст твоих, принимаю с радостью, как исходящее от уст Христовых, и ни в чем тебя не слушаюсь.

С таким ответом архимандриты возвратились к святителю, который был очень обрадован послушанием Сергия. Немедленно послал он в новую обитель священников и утварь церковную, и церковь была освящена в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. А Сергий избрал из учеников своих преподобного Романа, которого митрополит рукоположил в священный сан и поставил строителем на Киржаче. Закончив таким образом благоустройство новой обители, преподобный игумен возвратился в свою первоначальную пустынь. Это возвращение было торжеством добра над злом, праздником взаимной любви учеников и наставника. Как только стало известно в обители, что преподобный Сергий идет в свою родную Лавру, вся братия поспешила к нему навстречу. "Умилительно было видеть, — рассказывает преподобный Елифаный, который, может быть, сам был свидетелем этой встречи, будучи тогда еще послушником, — как одни ученики со слезами радости, другие со слезами раскаяния бросались к ногам святого старца: одни целовали его руки, другие — ноги, третьи — самую одежду его; иные, как малые дети, забегали вперед, чтобы полюбоваться на своего желанного авву, и крестились от радости; со всех сторон слышались возгласы: "Слава Тебе, Боже, о всех промышляющий! Слава Тебе, Господи, что сподобил Ты нас, осиротевших было, снова увидеть нашего отца, нашего пастыря и учителя! Пришел он, наконец, к нам, заблудшим! И вот, теперь будто другое солнце вошло для нас!".

Что же их отец?

Ликовал и он духовно, любуясь детьми своими, которых он же собрал в этой пустыне; теперь он целовал их, как любящий отец после долгой скорбной разлуки: теперь он видел на деле их искреннюю сыновнюю любовь, сыновнее послушание... Так был вознагражден за скорбь свою великий праведник...

722. Весенние цветы Святой Руси

Святые князья Борис и Глеб — прекрасные весенние цветы новопросвещенной Русской земли. Это были святые дети святого отца — равноапостольного князя Владимира, рожденные от его благочестивой супруги Анны, царицы Греческой. Старших сыновей Владимир отправил на уделы, а Бориса и Глеба, по их малолетству, долго держал при себе. Росли они и воспитывались в благочестии, не тронутые заразой язычества. Борис (во Святом Крещении Роман) знал грамоту и прилежно читал книги, особенно жития святых; а Глеб (во Святом Крещении Давид) любил слушать старшего брата с наслаждением. Читая о страданиях святых мучеников, святой Борис обливался слезами и молился: "Господи Иисусе Христе! Удостой меня участвовать в святом произволении святых Твоих, научи меня идти по их следам. Молю Тебя, Господи, да не увлечется душа моя суетой мира сего; просвети сердце мое, чтобы оно знало Тебя и Твои заповеди; даруй мне дар, какой даровал Ты угодникам Твоим!"

Борис и Глеб горячо любили отца своего, любили друг друга и были всегда неразлучны в детстве. И отец особенно любил их, видя на них благодать Божию, и назначил им соседние уделы: Борису — Ростов, а Глебу — Муром. Прибыв в свои уделы, они делали все, что могли, для распространения святой веры, отличались правосудием, кротостью, смирением, милосердием к бедным.

Состарился и заболел их отец, князь Владимир; а на Русскую землю напали Печенеги. Отец вызвал из Ростова и послал против них князя Бориса. Борис уже возвращался из этого похода, когда на берегу речки Альты, близ южного Переяславля, узнал о смерти блаженного родителя. Это известие поразило его тяжелой скорбью: он горько плакал, говоря: "Свет очей моих, батюшка, не буду уже я теперь наслаждаться добрым учением и мудростью твоей!" Окружавшие его предлагали ему выгнать старшего брата Святополка из Киева и занять престол отеческий, но святой Борис отвечал: "Нет, не подниму я руки на брата старшего; умер отец мой — пусть брат будет мне вместо отца". Но не так рассуждал старший брат: он решил убить любимых сыновей Владимира, чтобы одному владеть Русской землей, а чтобы легче выполнить свой злой умысел, позвал Бориса в Киев, обещая ему лучший удел.

Был вечер субботы, 24 июля 1015 года. Борису добрые люди дали знать, что к нему подосланы убийцы. Он велел священнику в шатре своем петь утреню, сам читал шестопсалмие и канон. Окончилась утреня; но он стоял еще перед иконой и молился: "Господи! Ты пострадал за грехи наши; удостой и меня пострадать для Тебя. Умираю не от врагов, а от родного брата: не поставь ему этого в грех!"

Затем, причастившись Святых Таин и простясь со всеми, покойно лег в постель. Убийцы, как звери, ворвались в шатер, пронзили Бориса копьями и, думая, что он умер, вышли вон. Но рана не была смертельна: страдалец

опомнился и вышел из шатра. Один из злодеев ударил его в грудь копьём. Верный его слуга, венгр Георгий, хотел прикрыть собой господина своего и был убит. Злодеи отрезали ему голову, чтобы снять с шеи золотую гривну, которой почтил его добрый князь. Святой Борис еще дышал, его завернули в палатку и повезли к Святополку. По приказанию брата-зверя два варяга dokonчили убийство. Тайно привезли тело князя-мученика в Вышгород и похоронили при церкви святого Василия.

Святополку мало было смерти Борисовой. Он послал к Глебу гонца и велел сказать ему: "Иди скорее, отец тяжело болен и зовет тебя". Глеб поспешил в Киев. Он был близ Смоленска, плывя на лодках по реке Смядыне, когда старший брат Ярослав, княживший в Новгороде, прислал сказать ему, что отец умер, а брат Борис убит Святополком. Глеб оплакал смерть отца, но еще больше горевал о брате, которого нежно любил. "Не услышу я более кротких наставлений твоих, брат мой любимый! Если получил ты милость у Господа, моли Его, чтобы и я пострадал, как ты; лучше быть мне с тобой, чем в этом злом мире". Так говорил плачущий юноша, рано постигнув суету временной жизни. Скоро встретили его убийцы, посланные Святополком. Спутники Глеба увидели их и схватились за оружие, чтобы защитить любимого князя. Глеб сказал им: "Братцы! Если мы не будем драться с ними, то они возьмут только меня и поведут к брату; если же вступим в бой, то они всех нас убьют. Плывите к берегу, а я останусь на середине реки". Жаль было им оставлять князя беззащитным, но не смели послушаться его приказания: поплыли к берегу со слезами на глазах, озирались и ждали, что будет. Убийцы, приблизившись к лодке святого, остановили ее и взяли за оружие. Напрасно Глеб говорил им, что ни в чем не виноват перед братом; свирепый Горясер закричал повару: "Бери нож и зарежь господина своего, иначе погибнешь сам!" Повар, родом из Торков, заколол своего князя, как кроткого агнца... "Видите ли, — замечает святой Нестор Летописец, — как важна покорность старшему брату? Если бы Борис и Глеб воспротивились ему, то едва ли удостоились бы такого дара от Бога"... Тело святого Глеба вынесли из лодки и бросили между колодами в глухом лесу.

За смертью святых страстотерпцев последовало кровавое волнение во всей России. Святополк убил еще брата Святослава и вступил в отчаянную борьбу с Ярославом. Четыре года обаграл он родную землю кровью. Наконец он встретился с Ярославом в 1019 году на берегах Альты, на месте страшного братоубийства. Ярослав молился и сказал: "Кровь невинного брата моего вопиет ко Всевышнему!" Три раза возобновлялась битва упорная и жестокая, наконец братоубийца обратился в бегство. Терзаемый тоской, гонимый гневом небесным, он беспрестанно слышал за собой мнимую погоню, бежал через Польшу в пустыни Богемские и там кончил гнусную жизнь свою, заслужив проклятие современников и прозвание "окаянного".

А Ярослав занял престол Киевский. Прежде всего захотел он отдать последний долг страдальцам-братьям. О месте погребения святого Бориса

узнал он скоро, но целый год напрасно искали останков святого Глеба. Только в 1020 году тело его случайно было найдено в лесу звероловами, перевезено в Вышгород и погребено подле святого Бориса. Пять лет лежало оно на открытом воздухе и нимало не повредилось от перемен воздушных; ни птицы, ни звери плотоядные не коснулись его; оно было бело и цело нетлением, как живое. Скоро у могилы мучеников стали являться знамения и чудеса. То видели ночью огненный столп, то слышалось необыкновенное пение. Однажды шли бродячие варяги мимо могилы святых мучеников, и один встал ногами на самую могилу; тут же из нее вырвался огонь и обжег ноги до того, что дерзкий не мог ходить. Вскоре после того храм святого Василия сгорел и на месте его поставлена была часовня. Великий князь Ярослав, по совещании с митрополитом Иоанном, решился открыть мощи новоявленных мучеников; откопали землю, с благоговением открыли гробы и увидели тела святых, как бы живые. С благоговейной радостью перенесли их в часовню. Построили новую церковь, которая и была освящена 24 июля 1021 года. Мощи святых поставлены открыто в этой церкви. При самом освящении, в присутствии митрополита и великого князя, ползавший у раки святых хромой встал и начал ходить. Восемь дней продолжалось торжество; митрополит несколько раз служил в новой церкви, великий князь угощал духовенство и народ, раздал множество милостыни и определил выдавать на содержание церкви десятую часть из вышегородской дани. Тогда же был установлен праздник в честь святых мучеников 24 июля.

В 1072 году храм, сооруженный Ярославом, оказался ветхим, и сын его Изяслав построил новый храм. При торжественном перенесении святых мощей совершилось несколько чудес. Немой, не владевший ногой бедняк привитал (обитал) у храма мучеников и питался подаваниями. Раз в забытии видит он, что сидит в церкви князей, что они выходят из алтаря, подходят к нему и, перекрестив уста его, мажут скорченную ногу маслом и протягивают ее. Когда этого хромого внесли в церковь, и он пришел в себя, то встал совершенно здоровым и начал говорить.

Другое чудо: в Дорогобуже одна служанка, по приказанию госпожи, работала в праздник святого Николая Чудотворца. Святые Борис и Глеб явились ей и сказали: "Зачем ты работаешь в день святого отца нашего Николая? Вот мы накажем тебя". И она стала как бы мертвой, и месяц лежала в расслаблении. Потом встала, но с сухой рукой. Спустя три года она пришла в Вышгород и рассказала священнику: "Мне явились два юноши; старший снял перстень со своей руки и сказал: надень на руку — и исцелет твоя рука". Священник велел стоять ей у храма во время литургии. Когда певец возгласил прокимен: "Величит душа моя...", — сухорукая побежала к алтарю, трепеща и тряся рукой. Оказалось, что рука ее здорова.

Еще чудо: слепой часто ходил в церковь святого великомученика Георгия и просил зрения. Святой Георгий явился ему и сказал: "Что ты просишь меня? Иди к святым Борису и Глебу: им дана благодать исцелять всякие болезни в земле Русской". Слепой пришел в их храм, молился, и вот

видит, что святые подошли к нему, три раза перекрестили его — и глаза его открылись.

723. Величие праздника Вознесения Господня

«Приидите, и взыдем на гору Господню и в дом Бога Иаковля...» (Ис. 2; 3), чтобы видеть нам славное Христово Вознесение. Взойдем благоговейной мыслью на преславную гору Елеонскую — туда, где сегодня открывается чудное видение славы Боголепная, и воскресший из мертвых Победоносец Иисус, непобедимый Разоритель ада, представляет нам славнейшее торжество над смертью. Взойдем туда, откуда лик апостолов провожает на небеса своего возлюбленного Учителя, где встречают Небесные Силы своего Царя славы, а множество праведных душ, избавленных от ада, идут на небо за своим Божественным Освободителем. Отсюда отпускает Богочеловека Сына земная Его Матерь; оттуда встречает Его Небесный Отец, дает Ему всякую власть над небом и землей и сажает Его одесную Себя на престоле Своем. Светел, воистину пресветел, братие мои, нынешний праздник! Это — венец Таинств Христовых, это — завершение нашего спасения. Ныне отверзается изгнанным детям Евы желанный вход в отечество горняго Иерусалима; ныне новый Израиль возводится в Царство Небесное. Ныне падший человек, в лице Богочеловека, возносится превыше Серафимов, и человеческая природа, в воплощении Бога Слова соединившись с Божеством, в Его Вознесении становится причастной Божественной славы. Приидите, и взыдем на гору Господню, чтобы познать и величие Божиих благодеяний и возвеличение нашей собственной природы.

Растерзав узы смерти, воскресший Спаситель мира сорок дней провел еще на земле, часто являясь ученикам Своим и беседуя с ними об устройении Царствия Божия. Через сорок дней по рождестве Своем от Пречистой Девы принесен был Он во святилище, как первородный, для посвящения Господу; через сорок же дней по Своем преславном Воскресении восходит Он в пренебесное святилище, и как перворожденный из мертвых, представляет Богу Отцу Своему святое и чистое в Себе Самом человеческое естество. И вот, когда настал конец сих дней, то вывел Он учеников Своих из Вифании на гору Елеонскую и, расставаясь с ними, оставил им Свое вечное завещание — мир Свой. И сбылось тогда пророчество Захарии: И станут нозе Его в день он на горе Елеонстей, яже есть прямо Иерусалиму на восток... (Зах. 14; 4). Здесь повелел Он им во всем мире проповедовать радостнейшую весть о спасении, утешил их в печали о предстоящей с Ним разлуке обетованием Духа Святого, повелел не отлучаться из Иерусалима, пока не облечутся силой свыше, воздвиг руки Свои и преподал им, как бы в удостоверение Своих обетовании, Свое последнее владычнее благословение. Не могли тогда достаточно насмотреться ученики на Его лице Божественное. И... зрящим им взяты, и облак подыят Его от очию их (Деян. 1; 9). И восшел Он превыше

всякого начала и власти (Еф. 1; 21), и воссел одесную Бога и Отца, как Сам Он говорил; Аз изыдох от Отца и приидох в мир: (и) паки оставляю мир и иду ко Отцу (Ин. 16; 28)... уне есть... да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не придет к вам (Ин. 16; 7). Ради того и стал Сын Божий Сыном Человеческим, ради того и пострадал Бесстрастный, ради того и умер Бессмертный, ради того и воскрес Первенец из мертвых, чтобы воздвигнуть падшего, восстановить осужденного человека, чтобы обожить природу человеческую. Посмотрите на борьбу: с одной стороны, — дьявольской против нас ненависти, с другой, — любви к нам Сына Божия. Дьявол позавидовал первому блаженству человека и изгнал его из рая сладости. Сын Божий вознес естество человеческое превыше небес и посадил его на престоле славы Божественной. Дьявол не стерпел видеть землю в покорности человеку; Сын Божий покорил природе человеческой и самое небо. Дьявол привел человека в плен смерти и греху. Сын Божий возвел естество человеческое на небо, посадил его на престоле Божества, украсил бессмертием, соделал достопоклоняемым от Серафимов. Так посрамило богопротивного человеконенавистника дьявола славное Христово Вознесение. Он, как хитрый птицелов, по всей земле протянул свои пагубные сети смертные, в которые и попадались, как птицы, потомки осужденного Адама. Благоизволил коснуться сих сетей и умерший ради нас Богочеловек Иисус Христос. Но, как сильный орел, Он разорвал эти сети Своей Божественной силой и

Сам первый, воскресший тридневно, возлетел от сетей тех, а с Ним возлетели и души праведных, Им освобожденные, воспевая победную песнь с Давидом: «сеть сокрушися, и мы избавлены быхом!» (Пс. 123; 7). И как орел, обучая малых птенцов своих летать по воздуху, сам летает впереди их, так вознесшийся Господь возлетает впереди по стезе небесной, где еще не было следа человеческого, как бы показывая путь Своим птенцам — душам праведных. Поистине, Он, восшед на высоту небесную, привел с Собой возвращенных из плена (Пс. 67; 19). Таким образом, как падение первого Адама открыло нам двери ада, так вознесение нового Адама отверзло нам вход на небо. «Теперь мы, по слову апостола Павла, имамы дерзновенные... входити во святая... путем новым и живым, егоже Он обновил есть нам завесою, сиречь плотию Своею» (Евр. 10; 19-20). Признавался премудрый царь Соломон, что он не может постигнуть следа орла, паряща по воздуху (Притч. 30; 19): вот так же не может враг дьявол постигнуть и таинственного, славного, с плотью на небеса восхождения Христова, не может постигнуть — и оттого смущается и трепещет. Для него непостижимо, как это — тело восходит превыше бестелесного мира, как земное проходит небеса, как человеческое естество посаждается на престоле Божия величества.

Но это вознесение во плоти нашего Спасителя непостижимо даже и блаженным Ангелам. Взирая на восхождение Его, яко Царя славы, они взывают к превышним чиноначалиям: «возмите врата князи ваша, ы возмיתесь врата вечная...» (Пс. 23; 9). А когда видят Его, облеченного телом

человеческим, уязвленного ранами, обгаренного истекшей от Его ребра кровью, то недоумевают и вопрошают: «Кто Сей, пришедый от Едома... Почто червлены ризы Твоя...» (Ис. 63; 1-2). А человеколюбивый Владыка и на небесах хочет показать признаки Своих страданий, знамения любви к нам неизменной и над миродержителем победы всесильной. «Тако подобаше пострадати Хрысту ы вныты в славу» Свою (Лк. 24; 26), дабы мы знали, что и нам надобно входить в Царство Небесное тесным путем страданий и скорбей.

Подобало Христу вознестися на небеса с пречистой плотью Своей, во-первых, для того, чтобы быть Ему посредником, ходатаем между Богом и людьми; дабы Он, показывая Своему Безначальному Отцу ту безгрешную плоть, которую Он принес на кресте как чистую и непорочную жертву, умилостивлял Его о грехах наших. «Не в рукотворенная бо святая вниде Христос... но в самое небо, ныне да явится лицу Божию о нас» (Евр. 9; 24) ...аще кто согрешит, Ходатая имамамы ко Отцу, Иисуса Христа Праведника (1 Ин. 2; 1). Подобало Ему вознестися на небеса для того, во-вторых, чтобы имели мы, во имя Его крестившиеся и в вере пожившие, твердую и достоверную надежду во плоти воскресения и во плоти же вечной славы. Если воскрес Христос во плоти, если прославился Он, глава наша, во плоти: то так же подобает во плоти воскреснуть, во плоти прославиться и верующим в Него, которые суть члены тела Его, — членам подобает в этом сравняться со своей главой, как пишет апостол Павел: «Яков перстный, такови и перстнии, и яков небесный, тацы же и небеснии: и якоже облекохомся во образ перстнаго, тако да облечемся и во образ небеснаго» (1 Кор. 15; 48-49). О, непостижимаго величества Божиих благодеяний. О как высоко превознесено наше естество!

Когда пророк Илия огненной колесницей вознесен был на небо, то он оставил в утешение ученику своему Елисею свою милоть. Так и вознесшийся от нас на небо наш Божественный Отец и Учитель, Человеколюбец Господь, оставил нам на утешение одежду Своего Божества — Свою пречистую плоть в страшном Таинстве Евхаристии или Божественного Причащения. Он не хотел оставить нас сырых: Он желает неразлучно с нами пребывать, почему и утешает нас, говоря: «се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века» (Мф. 28; 20). О бессмертный Женише душ наших! Оттуда, где Ты сегодня возсел яко Царь веков — от десницы Божией, пошли нам обетование Отчее — Пресвятаго Духа, Который соединит нас с Тобою ненарушимым союзом любви, дабы мы на земле сподобились быть причастниками Божественной Твоей благодати чрез достойное причащение Твоего Тела и Крови, а на небе — причастниками Твоей вечной славы чрез наслаждение лицезрением Твоего Божественного лица! Аминь.

(Из "Поучительных слов", святителя Илии Миняitia)

724. Утреннее славословие Пресвятой Троице

Ранним утром, зимой, задолго до солнечного восхода, мерными звуками льется по воздуху церковный благовест: это Святая Церковь, как любящая мать, будит к утрени своих чад послушания. Благовест коснулся слуха твоего сквозь тонкий утренний сон; коснулся и сердца твоего, и ты встаешь с постели и идешь в Божий храм, чтобы там молитвой освятить наступающий день. Но если в будний день труды и заботы не позволяют тебе пойти в храм Божий, то ты, как православный христианин, становишься на утреннюю молитву пред Божиим Милосердием, пред святыми иконами, украшающими святой уголок твоего жилища. И в церкви Божией ты слышишь, и дома читаешь ты: «Воставше от сна, припадаем Ти, Блаже, и ангельскую песнь вопием Ти, Сильне: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас!»!

От сна, который свойствен природе и неразумным животным, встаем мы, владыки земли, созданные по образу и подобию Божию и потому близкие к небожителям — Ангелам, которые день и ночь поют пред славою Творца: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!

Этот пример небесных братьев наших побуждает и нас, земнородных грешников, со страхом и благоговением взывать ко всемогущей и животворящей Троице: Свят еси, Боже Отче, Свят еси. Боже Сыне, Свят еси, Боже Душе! Пред Твоею неизглаголанной святостью трепещут благоговейным страхом и самые чистейшие небожители. Нам ли, земнородным грешникам, предстоять пред Тобою и прославлять Тебя? Но знаем мы, о Боже Триипостасный, что Сам Ты, по Своей бесконечной любви к нам, Твоим падшим созданиям, благоволил так устроить, что от грешного рода человеческого произошла Честейшая Херувимов и славнейшая без сравнения Серафимов, Которая послужила тайне воплощения и вочеловечения Сына Божия. Ты, Сыне Божий, ради нас, грешных, пострадал даже до смерти, нисходил даже до ада. Воскресший из мертвых, Ты с нашим земнородным телом вознесся на небеса и сидишь одесную Бога Отца, един сый от Святыя Троицы. От Отца Ты ниспосылаешь нам, грешным, все благодатные силы Пресвятого Духа. Оттуда Ты совершаешь непрестанно величайшее чудо Божественной любви, питаешь нас в Таинстве Причащения Телом и Кровию Твоею. Так близко Ты роднишься с нами, скверными, окаянными грешниками, и нас роднишь с Твоим Предвечным Отцем. Ты учишь нас называть Его своим Отцем: Отче наш! Отче, Сыне и Душе Пресвятый! Троице Святая! Стоим мы пред Тобою, грешники недостойные, и славим Тебя, уповая на милосердие Твое и умоляя: Богородицею помилуй нас!

«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. От одра и сна воздвигл мя еси, Господи, ум мой просвети и сердце, и устне мои отверзи, во еже пети Тя, Святая Троице: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас!» Вчера, отходя ко сну, вопрошал я Тебя, Человеколюбие, молитвенно: «не ужели мне одр сей гроб будет, или еще окаянную мою душу просветиши

днем? Се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит...» Ныне я встал от сна жив и здоров, хотя во время сна лежал на одре, как во гробе, бесчувственный для всего, что окружало меня, беззащитный от врагов видимых и невидимых. Ты, Человеколюбче, ночью охранял меня Твоими Ангелами, Ты утром пробудил меня церковным благовестом. От сна пробужденный, с одра я поднялся, точно воскресший из мертвых, и мои открывшиеся очи Ты просвещаешь радостным светом украшенного Тобою утра. День сияет мне милостью Твоей отеческой любви. Просвещенный и проникнутый ею, пред Тобой, Пресвятая Троице, стою я, грешный, и молюсь Тебе со дерзновением сыновней любви: как мои телесные очи, так и ум мой просвети, и сердце, да просвещенным умом созерцаю Твою видимую и невидимую, земную и Небесную Церковь, да созерцаю Твою Божественную славу и пред этой славой — Заступницу Усердную рода христианского, Которая, как Мать, молится о нас, грешных; да воспламенится сердце мое от такого созерцания, и я, окаянный, подобно пророку Исаии, пойду к родным мне грешникам и отверзу уста мои, чтобы подвигнуть и их на покаяние и вместе на искреннее и усердное славословие Тебя, бесконечная Любовь: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас!..

«И ныне и присно и во веки веков. Аминь. Напрасно (то есть внезапно) Судия придет, и коегождо деяния обнажатся, но страхом зовем в полночи: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас!» Внезапно, когда никто не ожидает, придет Судия живых и мертвых, внезапно нас позовет на суд — сначала частный, по смерти для каждого из нас отдельный, а потом, в конце всех веков, и общий для всех. На том и другом суде деяния каждого, и не только деяния, но и слова, и мысли, и даже советы сердца сокровенные обнажатся, вполне обнаружатся перед Всеведущим Судией, перед Его Ангелами и целым миром. То будет суд именно Страшный в полном смысле сего слова. Помышляя о сем внезапном суде и о неожиданной смерти, которая подстерегает нас на каждом шагу, со страхом зовем мы в полночи — в тот знаменательный час, когда мы, сном побеждаемые не думаем об опасности, не ждем себе ниоткуда беды: «Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас!..»

После этих умиленных тропарей, после молитвенного возвания: Господи, помилуй (12 раз — по числу часов дня и ночи), следует не менее трогательная молитва ко Пресвятой Троице:

«От сна востав, благодарю Тя, Святая Троице, яко многии ради Твоя благодати и долготерпения, не прогневался еси на мя, лениваго и грешнаго, ниже погубил мя еси со беззаконьми моими; но человеколюбствовал еси обычно и в нечаянии лежащаго воздвигл мя еси, во еже утревати и славословите державу Твою. И ныне просвети мои очи мысленныя, отверзи моя уста поучатися словесем Твоим, и разумети заповеди Твоя, и творити волю Твою, и пети Тя во исповедании сердечнем, и воспевати всесвятое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Воистину, Господи Боже мой, сознаю своим грешным умом и чувствую недостойным моим сердцем многую Твою благодать и долготерпение, которые Ты всегда являешь на мне и проявил теперь, во время моего сна ночью и при моем пробуждении утром. Своими постоянными грехами я заслуживал бы строгого наказания по Твоему правосудию, как лукавый и ленивый раб... Но Ты, по Твоей отеческой бесконечной любви, не погубил меня с моими беззакониями, Ты человеколюбствовал обычно, явил на мне Свое обычное Тебе человеколюбие: меня, беспечно и небрежно лежащего в постели, Сам воздвиг и возбудил меня к утренней молитве. Чувствую в моем бедном сердце невыразимую благодарность; с благоговением предстою пред Тобою, словами моей матери Церкви славословлю Твою державу и молюсь Тебе, о Троице Пресвятая и Преблагая: ныне, в сей радостный час утра, просвети Твоею благодатью мой омраченный грехами ум, согрей мое грешное сердце, охладевшее от страстей, отверзи мои недостойные уста, да возглаголю от избытка моей к Тебе благодарности и сердцем потщусь поучаться в Твоих Божественных словесах, во Святых Писаниях Твоих, нам открытых; научи меня разумно изучать и понимать Твои святые заповеди и, согласно сим заповедям, творить святую волю Твою, в них изъясненную. Да будет во мне и во всем мире единая Твоя воля, благая и совершенная. Научи меня прославлять Тебя в согласном благодарении ума и сердца моего, Воспевая устами Твое всесвятное имя, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне — в сей начинающийся для меня день, и присно — постоянно, во всю мою жизнь, и во веки веков — в бесконечные веки будущей блаженной вечности. Аминь — истинно так помышляю и чувствую, так желаю и буду делать!..

Вот те славословия и благодарения Богу, в Троице славимому и поклоняемому, которыми святая мать твоя Церковь освящает начатки каждого твоего дня. Брат христианин! Если уж не можешь ты бывать в церкви Божией каждый день, то не опускай, ради твоего собственного спасения, ради твоей души, этих утренних молитв — славословий Творцу. В этих славословиях-молитвах заключается дивная ободряющая, освежающая душу сила. Когда прочтешь их с благоговением, чувство радости о Боге Промыслителе и Спасителе тихо приосенит твое сердце, и ты бодро, с надеждой на Бога, начнешь свой трудовой день. И благословит Господь все твои начинания во благо тебе и во спасение твоей души!

725. Нива, слезами орошенная

Счастлив, кто может молиться в простоте сердца, детской молитвой! Тот, Кто «дает пищу птенцем врановым призывающим Его» (Пс. 146; 9), Кто сказал: Просите, и дастся вам, — Он, милосердный Отец Небесный, слышит такую молитву смиренной веры и исполнит во благих прошение верующего сердца. Не Сам ли Он изрек пречистыми устами Своими: «кто есть от вас человек, егоже аще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему?.. Аще

убо вы, лукави суще, вы, по природе своей самолюбцы и грешники, однако же умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф. 7; 7,9,11). Как утешительно это обетование Господа, как отрадно для сердца это сравнение: Бог есть наш Отец Небесный, мы — чада Божии; Он, любящий Отец, не откажет Своим детям, если они будут просить у Него с детской простотой сердца, с детской преданностью в Его волю святую. Но вот наше горе: мы не умеем молиться по-детски!.. Хотите ли, братие мои, научиться такой богоугодной молитве? Послушайте вот, что рассказывает о себе одна почтенная старица из времени своего детства.

"Давно это было. Родитель мой, бедный сельский причетник, питал нас трудами рук своих, занимаясь земледелием, в чем и мы с матушкой помогали ему, как умели. Нас было три сестры, и я была старшая. Мы воспитывались попросту, по старинному: обучал нас батюшка чтению церковных, божественных книг, а Псалтирь была моей любимой книгой. Не много я понимала в ней, но многое ложилось на сердце и хорошо как-то чувствовалось во время чтения псалмов: много утешения находила я в них.

В одно лето Господь послал плохой урожай на хлеб. С тяжелым сердцем сжали мы свою плохую ржицу и поспешили поскорее смолотить ее: старого хлеба уже не было. Вывеял батюшка зерно, смерил и оказалось, что у нас всего девятнадцать мерок ржицы уродилось. Загоревали наши бедные родители, а с ними и мы: ведь этим придется только поле обсеменить, а есть-то и нечего нам будет... А покупать хлеб целый год, по скудным доходам отца, будет куда не под силу! Сначала я, а за мной и сестры мои, принялись упрашивать батюшку, чтобы не высевал он всей ржи: девять мерок посеял бы, а десять оставил бы на пропитание. Долго не соглашался он, говорил, что и на будущий год, пожалуй, плохой урожай будет; наконец все же решил, что и покупать хлеб с осени тоже трудно, и посеял только девять мерок, оставив пустовать землю, на которую не достало семян, а мы утешали себя надеждой, что, может быть, Господь пошлет хороший урожай на будущий год и тогда поправимся.

Однако, по грехам нашим, после посева сделалась продолжительная засуха, рожь едва-едва зеленела на ниве. Оставалась надежда на весну. Но весна была такая холодная, продолжительная, морозы убивали всякую растительность, а дождей опять долго не выпадало, а наша убогая полоска хуже всех выделялась из поля. Затужил наш батюшка; каждый день ходил он проведывать свою ниву и с каждым днем все пасмурней возвращался домой. Он сердился, что послушал нас, говорил, что теперь и сеять будет нечем, а у нас сердце сжималось от горя и страха за будущее. И вот, раз за ужином, когда мы доедали последнюю краюшку хлеба, матушка боязливо сказал, что нужно опять мучицы купить, вся вышла, — отец с горя закричал на матушку, а нам досталось еще больше. Со слезами мы вышли из-за стола, со слезами помолились Богу и легли спать. Но не до сна мне было: я считала себя виноватее всех в нашем общем горе, в неурожае. Ручьем лились мои слезы во

тьме ночной и думы, одна другой мрачнее, роились в голове: "Голодать будем! На посев не уродится! По миру придется ходить!"... Так говорил сейчас отец. А все это я — все я виновата: зачем я больше всех старалась уговорить тогда отца Посеять так мало? Господи, что же теперь делать-то будем?.. И вдруг мне вспомнились знакомые слова псалма: вскую прискорбна еси, душе моя? Уповай на Господа! Я подняла голову и перекрестилась: к Тебе воздвигох душу мою, Боже мой, на Тя уповах, да не постыжуся, — прошептала я, и с этими словами встала с постели, постояла несколько секунд и решила, что надобно мне делать, чтобы отвратить гнев Божий от родных моих. Родители мои, утомленные трудами, крепко спали. Я тихо подошла к сестрам, пошептала им на ухо, они послушно встали, оделись и мы все трое, без шума, вышли из комнаты, сошли с крылечка и с опущенными головами пошли за околицу. Вот мы и в поле. Вот и она, наша убогая, полуиссохшая нива, которая, если не поправится, принесет нам голод и горе... Все три упали мы на землю и принялись горячо, по-детски, молиться: "Господи, помози нам! Господи, помилуй нас, пошли нам дождичка, чтобы ржица наша поправилась". Долго так молились мы и плакали, поливая свою ниву слезами своими. Наконец встали и вернулись домой. Дорогой мы уговорились каждую ночь тихонько уходить в поле и молиться на своей полоске, чтобы Господь зародил нам хлебушка. Так и ходили мы; моим малюткам-сестрам сначала казалось это немножко страшно, а потом и им стало приятно, что никто-никто не знает, что мы делаем, что вот так же и древние христиане делали — по ночам собирались на молитву, как это в житиях описано... Двенадцать ночей прошло в нашем молитвенно-детском подвиге, а дождя все не было, дни стояли холодные, ветреные, травка желтела уже, и не было, казалось, надежды, что Господь смилуется над нами и пошлет дождь на иссохшую землю. Грустно у меня было на душе, но все же не теряла я надежды, все еще верилось мне, что услышит Господь нашу слезную молитву. С этими мыслями открыла я однажды свою Псалтирь и что же? Первое, что представилось глазам моим, были слова: «сеюции слезами, радостию пожнут...» (Пс. 125; 5). Господи, что же это такое? Точно для меня это написано! И так радостно стало у меня на сердце, как будто я уже увидела исполнение своего заветного желания. Благословен Господь, — невольно повторила я слова другого псалма, — благословен Господь, яко услыша глас моления моего! «Господь помощник мой и защититель мой: на Него у нова сердце мое, и поможе ми, и процвете плоть моя, и волею моею исповемся Ему» (Пс. 27; 6, 7).

В эту же ночь пошел сильный дождь; и все ожило, все зазеленело. Ожила и нива наша — откуда что взялось, а когда выколосились и налились колосья, то они были так крупны, что некоторые были больше четверти длиной; и созрела она, наша кормилица ржица, сжали мы ее и смолотили, и из девяти мер получили ровнехонько девяносто! Вот радость-то нам была тогда! Истинно сбылось воочию псаломское слово: сеюции слезами, радостию пожнут".

Вот какую благодатную силу имеет молитва, возносимая к Отцу Небесному в простоте детски настроенного сердца. И слава Богу, что немало еще на Руси Святой таких молитвенников; мы сами не знаем, чьими молитвами мы живем. Как часто бывает, что Господь посылает с небес Свой благодатный дождь именно тогда, когда жаждущая земля в нем особенно нуждается: иным кажется, что это случайно происходит, но в мире для верующего нет ничего случайного: все от Бога, все происходит по воле Божией, и если посылает Господь дожди и времена плодоносные, исполняя весельем сердца наши, то значит — есть усердные к Богу молитвенники, Ему единому ведомые; их молитвами и нас милует Отец Небесный. Посмотрите, с какой живой сердечной верой молится какая-нибудь простая, безграмотная старушка в уединенном уголке церковном. Она вся погружена в молитву, слезы льются из ее очей, она беседует с Богом так, как бы видела Его перед собой, она просит о своих нуждах Царицу Небесную или угодников Божиих с таким детским дерзновением, с таким сердечным смирением, что, смотря на нее, невольно думаешь: "Нет, не может быть, чтобы такая молитва не дошла до Господа Бога..." Кто имеет счастье жить в таких обителях, куда стекаются тысячи православных русских людей для молитвы, тот постоянно видит примеры этой смиренной, детски Богу преданной молитвы простых младенцев веры. Вот где можно учиться этой молитве, отверзающей Небеса и низводящей благодать Божию на человека! А сколько смиренных молитвенников изливают пред Богом свои прошения и благодарения в тиши ночной, никому неведомые, никем незримые, укрываясь в своих уютных кельях в этих святых обителях! И дай Бог, чтобы Русская земля никогда не оскудевала такими молитвенниками; повторяю, мы и сами не знаем, чьими молитвами мы живем. Одно твердо помнить мы должны, что без праведных людей мир не стоит и что ради десяти праведников Господь обещал Аврааму помиловать даже Содом преступный...

726. С вами Господь! (Причастникам после Святого Причащения)

Великой милости Божией сподобились вы, братие, причастившись Святых Животворящих Христовых Таин: в сем причащении Сам Господь незримо вошел в вас и стал обитать в сердцах ваших. Какое это великое и неизреченное благо! И подумать о нем не посмели бы мы, если бы Господь Сам не сказал: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем» (Ин. 6; 56), то есть кто вкушает Плоть Мою и пьет Кровь Мою, тот во Мне и Я в нем. Так это и бывает, по слову Господню, со всяким, кто, достойно поговев и исповедавшись, причащается Святых Христовых Таин. Так это есть и с вами. То, что вы приняли, есть Тело и Кровь Господа; а где Тело и Кровь Господа, там и Сам Он. По виду вы приняли хлеб и вино, а на самом деле это есть Тело и Кровь Господа. Когда Господь в первый раз причащал святых апостолов, то Он тоже подавал им хлеб и вино; но, подавая

их, к хлебу сказал: сие есть Тело Мое, а к вину: сия есть Кровь Моя. И как Он есть Бог, то — как сказал, так и сделалось: хлеб стал Телом, а вино Кровью; по виду только казались они хлебом и вином. Но Господь Иисус Христос, как тогда был, так и теперь есть тот же Господь. Как тогда Он причащал святых апостолов, так потом Он же причащал и причащает всех верующих. На литургии это Он приходит и совершает Таинство: архиерейские и священнические тут только руки и язык, а Совершитель — Сам Господь. Сам Он здесь говорит хлебу, чтобы он стал Телом, и он становится Телом, говорит вину, чтобы оно стало Кровью, и оно становится Кровью. Потом Он же Сам и причащает; священнодействующего только руки и лжица, а причащает чрез них Сам Господь. И вас Он Сам причащал истинным Своим Телом и истинной Своею Кровью. И вместе с сим Сам вселился в вас и стал обитать в вас. Видите, какая великая милость Божия является к вам во Святом Причащении. О сей-то великой милости и рассуждайте теперь с сердцем полным благодарности и благоговения. Может быть вам робко думать, что Господь в вас, или вы затрудняетесь думать, как это Он в вас? Но так есть: ибо это Он Сам сказал, а не люди придумали; почему и именуется сие дивным и предивным Таинством. И не это одно дивно, а еще и то: Господь есть в каждом из вас не частью какой, а весь, — так, однако ж, что хотя Он есть в каждом из вас, все же Сам не разделяется и не размножается; а цел и неразделен пребывает. Все одно, как теперь вот я говорю какое-либо слово, каждый из вас слышит сие слово и принимает его все. Слово мое одно и один раз я говорю его; а входит оно в каждого из вас и входит все, не часть какая его, а целое слово. И хотя бы тут тысяча народа стояла, все бы услышали и приняли все мое слово, а не часть какую, и слово бы мое не размножалось и не разделялось. Так и в Святом Причащении: сколько бы ни причащалось людей, все причащаются от единого тела, и все имеют его все, а не часть какую. И Господа они имеют в себе всего, а не часть какую. Сам же Господь чрез сие не разделяется, а цел и неразделен пребывает. Приведу еще другой пример: возьмите вы несколько зеркал и поставьте их против солнца. В каждом зеркале будет видно все солнце, а не часть его; и сколько ни поставите зеркал, хоть числа им не будет, в каждом будет все солнце. Солнце само не потратится чрез это, не раздробится, а останется цело и нераздельно, и одно и то же. Так и в Святом Причащении: сколько вас ни есть, во всяком есть весь Господь. И Сам Он цел и неразделен, всюду есть и все исполняет.

Так видите, чего сподобились вы: Господь в вас! Благодарите Господа за сию милость, говоря в сердце своем: "Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!" И о том подумайте, как бы вам не беспокоить Господа. Если к вам приходит какой гость большой, вы держите себя скромно, говорите чинно; теперь же Сам Господь посетил вас, а кто больше Господа? Смотрите же, не суетитесь и не развлекайтесь, а благоговейно и со страхом себя держите, особенно ныне. И не об этом только думайте, но и о том, чтобы приятное что-либо доставить Господу. Если к вам гость приходит, вы стараетесь успокоить его и предлагаете ему только то, о чем знаете, что оно

приятно ему: вот и Господу теперь предлагайте то, что Он любит. А что Он любит? Любит все доброе и благословляет его, а всего худого отвращается и поражает его. Приносите же Ему, что каждый из вас придумает доброго. Один приди и скажи: "Вот, Господи, я перестану сердчать и браниться, но буду тих и кроток". Другой скажи: "Я, Господи, перестану лениться и на боку лежать, а начну усердно работать и трудиться". Третий скажи: "Я, Господи, не стану гордиться и презирать других, а буду смиряться и почитать себя хуже всех". Четвертый скажи: "А я, Господи, брошу питье и гулянье, и стану жить воздержно и степенно; излишек же от своего заработка стану отдавать в помощь бедным или на церковь". Так каждый свое добро принеси Господу и предложи Ему как дар — и Господь будет радоваться этому и утешаться этим. Приятно Ему будет быть у вас, и Он пребудет в вас, и благословит вас, и всякое вам благо подаст — и душевное, и телесное. Видите, какое теперь Сокровище в душе вашей! Смотрите же, не потеряйте его каким-нибудь неразумием и делом непотребным. И день этот чаще поминайте: что вот были вы на трапезе у Господа, и Он Сам вас напитал пречистым Своим Телом и напоил Своею пречистой Кровью... Всегда помните, что Тело и Кровь Господа есть великий дар и спасительное благодеяние. Надо же и почитать его любовью, благоговением и всяким себя охранением. Поэтому расскажу вам один очень поучительный случай.

Один раскольник (или молокан) по какой-то нужде приступил к Святым Таинам вместе с православными христианами. Часть Святых Даров он принял, но не употребил, а спрятал в платок и, придя домой, почему-то положил в улей к пчелам, — он был пчеловод. Смотрите же, что сделали пчелы: они, хоть и неразумные твари,, а в этом случае оказались умнее человека. Как только увидели они частицу Святых Даров, тотчас бросили свою обычную работу, перестали строить соты, а со всей скоростью и заботливостью начали строить приличное помещение для святого Тела Господня: устроили малый престол, потом дискос, и на сей дискос положили святую частицу, и все оградили сводом, как бы храм устроили или алтарь. Затем сели кругом в порядке и жужжали потихоньку, будто хвалу Богу воссылали и молились. Хозяин, заметив, что пчелы перестали летать, пошел посмотреть, что бы это значило. Открыл улей и ужаснулся, видя, как пчелы отдают благоговейное чествование Телу Господню, которое он оставил без внимания. Послал скорее за священником, раскаялся во грехе своем, причастился и стал навсегда благоговейным почитателем Святых Христовых Таин, раскол же или молоканство свое он бросил.

(Не в пчелах тут главное дело, а в милосердии Божиим к грешнику: не сами по себе пчелы это сделали, а Господь их употребил как орудие, чтобы спасти погибающего в расколе человека. Господь внушил, Господь научил пчел сделать так. Как научил? Почему? — Это тайна Божия. Вероятно, в жизни того раскольника было что-нибудь доброе и Господу жаль стало его, что гибнет он в расколе, и восхотел Господь спасти его; и вот, через пчел Он

привлек его к Себе, то есть в Свою истинную Церковь, в которой есть спасительные Таинства, Им же установленные.)

Примените, братие, этот случай к себе. Вот и вы теперь приняли пречистое Тело и пречистую Кровь Господа. Уподобьтесь пчелам тем, и всякое благоговение покажите к принятому вами дару. Станьте как мед и как пчелы. Мед благоухание имеет — вы же возьмите молитву. Мед сладость имеет — вы же воспитайте любовь между собой. Мед приятный цвет имеет — вы же усвойте себе благообразное во всех частях поведение. Пчелы трудолюбивы — и вы полюбите труд. Пчелы чисты — и вы полюбите чистоту в душе своей. Пчелы послушны своему хозяину — и вы будьте послушны кому следует. Пчелы чинно уселись вокруг частицы и жужжали — так и вы установитесь мыслями вокруг Господа и молитесь Ему, наипаче в нынешний день, самой пламенной молитвой, какой сумеете. И Господь примет ваше к Нему обращение сердечное и благословит вас.

Вот, я сказал вам, как можете вы Господа Спасителя своего успокоить и усладить. Если успокоите так Господа, и Он успокоит вас и всякое вам дарование подаст и успех в делах ваших. Аминь.

727. Грозное слово святителя Василия Великого на упивающихся

Пьянство, этот добровольно накликаемый бес, чрез сластолюбие вторгающийся в душу, делает мужественного робким, целомудренного похотливым, не знает правды, отнимает благоразумие, угашает рассудок. Чем отличен от бессловесных ты, человек? Не даром ли разума, который получив от своего Творца, стал ты начальником и господином всей твари? Поэтому кто лишил себя смысла, напившись пьяным, тот... «приложися скотом несмысленным и уподобися им» (Пс. 48; 13). А я сказал бы лучше, что упившийся несмысленнее и скотов: какое бессловесное так слабо видит, так плохо слышит, как упившийся? Самых близких не узнают они, а к чужим нередко бегут, как к знакомым. Часто прыгают через тень, как через ручей или ров. А слух у них наполнен звуками и шумом, как среди волнующегося моря. Им представляется, что земля подымается вверх, и горы идут кругом. Иногда они смеются неумолчно, а иногда беспокоятся и плачут безутешно. То дерзки и неустрашимы, то боязливы и робки. Сон у них тяжелый, почти непробудный, удушающий, близкий к действительной смерти, а жизнь их есть сновидение: у кого нечего есть завтрашний день, те в опьянении воображают себя царями, предводительствуют войсками, строят города, делят деньги. Такими мечтами наполняет сердца их кипящее в них вино. А другие впадают в отчаяние, делаются унылы, беспокройны, слезливы, боятся всякого шума. Нужно ли говорить еще о множестве других страстей: о своенравии, раздражительности, о склонности на все жаловаться, о неспособности удержаться от гнева? С вином вторгается недуг похотливости, от которого наглость и бесстыдство превосходят всякое неистовое

стремление скотов. Нелегко изобразить словом, сколько зол происходит от пьянства.

Погубив душу свою, упивающиеся расстраивают и самое телесное сложение. Они не только чахнут и тают от излишества удовольствий, которые разжигают к похотливости, но и при самой тучности тело их лишено жизненной силы. Глаза у них синие, кожа бледная, дыхание трудное, язык нетвердый, произношение неясственное, ноги слабые, как у детей. Они жалки среди своих наслаждений и еще более жалки, нежели обуреваемые среди моря, когда волны, догоняя одна другую и заливая их собою, не дают им выбиться из волнения. Так и у этих людей погрязают души, затопляемые вином. Но пловцы слагают вину на ветры и море, а упившиеся произвольно навлекают на себя бурю опьянения. Жалок одержимый бесом, а упившийся, хотя терпит то же, недостоин сожаления, потому что борется с произвольно накликаемым бесом.

Для упившихся короток день, и ночи, даже зимней, им мало на питье. Нет и конца сему злу. Кому горе? Кому молва? Кому судове? Кому горести и свары? Кому сокрушения вотще? Кому сини очи? Не пребывающим ли в вине; и не назирающим ли, где пирове бывают? (Притч. 23; 29-30). Но кто в состоянии внушить это людям, преданным пьянству? Голова у них тяжела от опьянения, они дремлют, зевают, видят как в тумане, чувствуют тошноту. Они не слушают учителей, которые во многих местах взывают им: «не упивайтесь вином, в немже есть блуд» (Еф. 5; 18), «невинно вино, укоризненно же пьянство» (Притч. 20; 1), — а не послушав их, вскоре собирают и плоды пьянства. Тело у них отекает, глаза влажны, уста сухи и горят. Какое человеческое сложение будет так крепко, чтобы противиться всем худым последствиям пьянства? Возможно ли телу, которое постоянно разгорячается и всегда бывает напитано вином, не сделаться слабым, хилым, истощенным? От сего происходит дрожание и расслабление. Поелику от излишнего употребления вина дыхание прерывается, нервы слабеют, то происходит трясение во всем составе тела. Для чего же ты навлекаешь на себя Каиново проклятие, трясясь и вертясь всю жизнь? Ибо тело, когда нет у него естественной опоры, по необходимости колеблется и шатается.

Долго ли будет это вино? Долго ли это пьянство? Есть, наконец, опасность, что из человека сделаешься ты грязью. Так весь ты расстроен вином и перегнил с ним от ежедневного опьянения, издавая от себя запах вина, притом перегорелого, подобно сосуду, ни на что уже негодному. Таких людей оплакивает Исаия: «Горе встающим заутра и сикер гонящим, ждущим вечера: вино бо сожжет я: с гусльми бо и... свирельми вино пьют, на дела же Господня не взирают, и дел руку Его не помышляют» (Ис. 5; 11-12). У евреев всякий напиток, который может произвести опьянение, называется сикером. Итак, людей, которые с раннего утра назирают, где пирове бывают, заглядывают в места винопродажи и в корчмы, пророк оплакивает за то, что они не оставляют себе ни малого времени на размышление о чудесах Божиих. Они не дают очам своим досуга воззреть на небо, изучить красоты

его, рассмотреть все благоустройство существ, чтобы из стройного их чина уразуметь Создателя. Но едва начинается день, выказывают рачительность и тщательность в приготовлении сосудов для питья, расставляя чаши и пиалы, как бы напоказ. Потом, с продолжением пиршества, начинаются вызовы, кто больше выпьет, состязания между теми, которые за честь почитают превзойти друг друга в пьянстве. И законодателем у них в этих подвигах — диавол, а награда за победу — грех. Ибо кто больше вливает в себя цельного вина, тот получает от других похвалу. Подлинно, слава в студе их (Флп. 3; 19). Состязуются друг с другом и сами себе отмщают. Какое слово может следить за гнусностью происходящего? Все исполнено неразумия, все полно смятения: побежденные упиваются, упиваются и победители, а прислужники смеются; руки отказались служить, уста не принимают, чрево расторгается, но зло не перестает. Бедное тело, лишившись естественной силы, расслабело, не выдерживает насилия, какое ему творит неумеренность. Жалкое зрелище для очей христианских! Того, кто цветет возрастом, полон телесных сил, отличен в списках воинских, того лежащего переносят домой: он не может стоять прямо и идти на своих ногах. Кто должен быть страшен врагам, тот делается посмешищем детей на торжищах. Он низложен без меча, убит без врагов. Человек вооруженный, в самом цвете лет стал добычей вина, готов потерпеть от врагов, что угодно. Пьянство — утрата рассудка, истощение сил, безвременная старость. Упившиеся — что иное, как не языческие идолы; ...Очи имеют и не узрят, уши имеют, и не услышат... (Пс. 113; 13-14), руки у них расслабели, обмерли. Кто виновник этих зол? Кто растворил нам этот яд неистовства? Человек! Из пиршества сделал ты битву. Выкидываешь юношей, выводимых под руку, как бы раненых с поля сражения. Зовешь к себе как друга на ужин, а выкидываешь от себя замертво, угасив в нем жизнь вином.

Склонив взор на бедное чрево, вымеряй величину выпиваемого сосуда; смотри не на сосуд, скоро ли его опорожнишь, но на собственное свое чрево, потому что оно уже наполнено. После подобных бед мужчины и женщины, составив вместе общие лики и предав души винолюбивому демону, язвят друг друга жалами страстей. С обеих сторон смех, срамные песни, любодейные положения тела, возбуждающие к похотливости. Скажи мне: ужели ты смеешься и наслаждаешься постыдным наслаждением, когда надлежало бы плакать и стенать тебе о прежних грехах? Поешь любодейные песни, отринув псалмы. Движешь ногами и скачешь, как помешанный, когда надобно прегибать колена для поклонения. Кого стану оплакивать? Дев ли, не вступивших в замужество, или тех, которые носят иго супружества? Одни пришли домой, не имея уже девства; другие не возвратились к мужьям целомудренными. Если некоторые и спасли тело от греха, то, без сомнения, приняли в душу растление. То же самое должно мне сказать и о мужчинах. Ты худо посмотрел, и на тебя смотрели худо: «...иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею» (Мф. 5; 28). Если непредвиденные случаи опасны для взирающих мимоходом, то каковы намеренные встречи с

женщинами, потерявшими стыд от опьянения? По непреложному определению Господню все таковые подлежат осуждению за любодейство.

Как будете начальствовать над рабами, когда сами, подобно невольникам, порабощены похотями несмысленными и вреждающими? Как будете вразумлять детей, когда сами ведете жизнь бесчинную?.. Итак, что же? Оставить ли мне вас в таком состоянии? Но боюсь, чтобы бесчинный не сделался еще бесчиннее, развратнее, и уязвленный от него не был многою скорбию пожерт (2 Кор. 2; 7). Да уврачует же пост пьянство, псалом — срамные песни, слезы да будут врачевством смеха. Вместо пляски преклони колена, вместо рукоплесканий ударяй в грудь, а наряды в одежде замени смирением. И паче всего милостыня да искупит тебя от греха. А вы, братие, если увидите раскаивающихся в неприличии сделанного, состраждите с ними, как с собственными вашими больными членами. Если же увидите презирающих вашу скорбь от них, то изыдите от среды их и отлучитесь... и нечистоте их не прикасайтесь (2 Кор. 6; 17), чтобы они устыдились и пришли в познание своего греха, а вы получили бы награду ревности Финееса по праведному суду Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

728. Доброе слово жене, у которой муж пьяница

Жалуешься ты, раба Божия, на мужа своего, скорбишь на горькую долю свою. Да и как не скорбеть тебе, как не печалиться? Редкий день не бывает пьян твой несчастный муж; редкий день не слышишь ты брани от него, а иногда и побои терпеть тебе приходится... Пьяный человек то же, что безумный: на него трудно угодить, ко всему он придирается... Как тут жене не скорбеть, как не плакаться?

И поплачь, поскорби, многоскорбная раба Божия; поплачь, когда горе тяжким камнем сдавит бедное сердце твое, когда не в силах будешь спокойно переносить все обиды и невзгоды от мужа-пьяницы. Да, поплачь, поскорби, но роптать — не моги, на долю свою горькую не жалуйся. Поможешь ли ты горю своему словом ропота и жалобы? Успокоишь ли ты сердце свое измученное, если каждому встречному будешь на мужа-пьяницу жаловаться? Такими жалобами ты еще больше растравишь свои раны сердечные. А между тем — разве счастлив в своем пьянстве беспробудном твой несчастный муж? Разве он не страдает душой, не терзается в совести? Разве не выносит он болезненных мук в самом теле своем, водкой отравленном? Кто знает? Может быть, его бедная душа мучится больше твоей: у тебя хоть совесть спокойна, а он... он раб страсти своей, он сам с собой не сладит, беспьянственный его мучит: как же не пожалеть его? И кто ж его так пожалеет, кто будет для него Ангелом хранителем, если не ты, его законная, Богом данная ему помощница? И кто к мужу ближе жены? Оставит, сказано, «человек отца (своего) и мать и прилепится к жене своей, и будета оба в

плоть едину» (Мф. 19; 4). Это Сам Христос Спаситель наш сказал. Как ни противен тебе пьяный муж, а все же — он одна с тобой плоть: Сам Бог сочетал вас, он — глава твоя, а когда у тебя голова болит, разве ты снимешь ее с плеч?

Есть в старинных книгах такая притча: когда Христос ходил еще по земле со Своими апостолами, пришли они в одно селение и попросили у богатого, но жестокого старика напиться воды. "Проходите дальше", — отвечал им безжалостный богач. Вышли они из негостеприимного того селения, проходят полем. На ниве работает девушка. Попросили у нее напиться, она поспешно взяла свой кувшин и радушно напоила их. И спросили Господа апостолы: "Ты все ведаешь, Господи, скажи нам, что будет с этой доброй девушкой?" — И отвечал им Господь: "Она выйдет замуж за того безжалостного старика". — "Где же правда Твоя, милосердый Господи?" — в изумлении воскликнули Апостолы. — "Правда Моя в том, — отвечал им Господь, — что эта девица спасет своего мужа и тем заслужит себе венец".

Чему учит это притчевое сказание? Да тому же, чему учит и святой апостол Павел, когда говорит: «Что бо веси, жено, аще мужа спасеши?» (1Кор. 7; 16). Почему ты знаешь, жена, может быть ты спасешь своего мужа? Может быть, потому-то Бог и устроил так, чтобы ты вышла именно за этого несчастного, страстью пьянственной одержимого человека, дабы через тебя устроилось спасение и его бедной души? А если так, то подумай, какое великое счастье тебе Богом назначено: быть орудием Божиим в деле спасения близкого тебе человека! Что ж? Ужели можно после этого роптать на твою долю горькую? Употребь же всю силу любви твоей, чтобы спасти душу несчастного мужа! Любовь жены — сила великая: твое сердце создано для любви, ты и жить должна не умом, а сердцем, не мыслью, а любовью... И любовь же научит тебя, что делать, чтобы бедного мужа спасти. Любовь подскажет тебе, как удержать любимого человека, когда его потянет в корчемницу, как утешить его, когда злодейка-тоска, эта неизбежная спутница пьяниц, сдавит его бедное сердце. Вот настает праздник Господень: уговори, добрая жена, своего слабого мужа вместо кабака пойти с тобой в церковь Божию, пойдь с ним к батюшке-священнику, попроси его почитать тебе что-нибудь из книг Божественных; навестите вместе своих добрых родных, у которых — ты знаешь — не будет угощения водкой... Смотришь — и прошел день праздничный, а назавтра надо работать уже, а не пьянствовать. Не хочет он слушать тебя? Бранится? И тогда не унывай. Вот тогда-то наипаче и прибегай к Богу, припадай к Царице Небесной, нашей теплой и всесильной пред Богом Заступнице. О, как сильна Ее молитва ко Господу за таких, как ты, страдалиц неповинных! В утешение тебе повторю рассказ такой же, как ты, жены-мученицы, о том, как ей помогла Царица Небесная.

«Много горя я видела, много слез пролила смолоду, когда муж мой вел нетрезвую жизнь. Что, бывало, заработает, то там же, в соседней деревне, и пропьет в кабаке. Раз, поздней осенью, наступили большие холода, трое деток моих лежали в оспе при смерти. Настал праздник Казанской иконы

Божией Матери; рано утром приходит к нам в дом соседка и рассказывает, что муж мой опять запил, всю одежду с себя пропил, в одной рубашке остался. С горя я упала на лавку и зарыдала с отчаяньем в сердце. Испугалась моя соседка, принялась меня уговаривать. "Сегодня, — говорит, — праздник Царицы Небесной, грешно плакать так; пойдем-ка со мной в церковь Божию, помолимся — авось тебе полегче будет. А за детками свекровь пока походит". Не знала я, куда и деться от своего горя лютого; встала и пошла в церковь. Когда мы пришли туда, там пели очень умирительно: Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, за всех молиши Сына Твоего... Слезы рекой полились у меня, я упала на колени, и плакала, и молилась, а сердце будто на части разрывалось. Никого не видела я вокруг себя; слышу только: "Что это она так плачет? Или умерли у ней отец с матерью?" — "Нет, — говорят другие, — у ней давно нет ни отца, ни матери; житье ее очень плохое: муж ее..." Тут я еще горше заплакала, еще горячее стала молиться: "Матушка, Заступница Ты моя! Как же мне жить?.. Не уйду от Тебя, заступись, вступишь за меня, сироту горькую!" И вступилась же Царица Небесная, услышала мою горькую молитву. И сейчас не забуду: прихожу домой и глазам моим не верю: муж мой дома и непьяный... У меня невольно сорвалось: "Что ж это, Господи? Ужели ты вытрезвляешься?" — "Да", — говорит, а сам смотрит так боязливо. И рассказал он, как пошел утром прямо с постели в кабак, к самой двери уже подошел, за скобку взялся, вдруг точно кто крикнул на него: "Воротись, ступай домой!" И сам он не помнит, чего испугался, и бросился бежать домой. Тут и я рассказала ему, как молилась Царице Небесной, и поняли мы со страхом и радостью, что это — Она, Матушка, Заступница наша — сжалилась над нами и вернула мужа моего с пути погибельного. И с этого дня он хоть бы каплю какую взял в рот по сие время, а уж этому больше двадцати пяти лет будет. С тех пор и служим мы каждый год 22 октября молебен Царице Небесной, и икону Казанскую тогда же выменяли. Сам муж и ездил за ней в Москву. И вот еще удивительное дело: когда ждали мы его с иконой, сижу это я вечером, огонь горит, вдруг дочка моя маленькая глядит на меня и спрашивает: "Мама, приехал тятя?" — "Нет, — говорю, — не приезжал еще". — "Как же не приезжал? — говорит она. — Я его сейчас вот тут видела в белой-пребелой рубашке. А икона новая на лавочке стояла: где же она?" Мне даже страшно стало; я принялась уверять девочку, что это ей приснилось. "Нет, — говорит, — я не спала, а все глядела и на тебя, и на тятю, и на икону". Вскоре и в самом деле приехал муж с иконой. И возрадовались же мы все, что привел Господь получить нам такое счастье в своем доме».

Так закончила свой рассказ простая женщина, счастливая тем, что ей помогла Царица Небесная вразумить и избавить от страсти пьянственной своего мужа (Таврические Епархиальные Ведомости, 1893).

Молись и ты за своего мужа нечастного; проси неотступно Царицу Небесную; проси святых Божиих, особенно мученика Вонифатия, который сам искушен был страстями плотской и пьянственной, и потому может и

искушаемым помогать... Вынимай просфору за здоровье мужа твоего, предлагай ему вкушать от этой просфоры когда натошак потянет его к водке, чтобы опохмелиться. Проси молитв о нем у служителей Церкви Божией и верь: Господь услышит твои вопли сердечные, призрят на молитву твою Царица Небесная и святые Божии. Вспомни, как в притче Христовой неотступно просила вдовица неправедного судью, и он послушал ее наконец. Бог ли не услышит тебя, когда будешь взывать к Нему в скорби своей день и ночь? Ей, услышит; услышит и Царица Небесная твои горькие жалобы на врага, который поработил мужа твоего страсти греховной-погибельной, и узришь ты отраду, и отрезвится муж твой, и станет — Бог даст — другим, добрым, трезвым, хорошим человеком. Да будет так!..

729. Как переносить обиды?

Один старец-христианин окружен был в Александрии множеством идолопоклонников, которые как волки, нападающие! на ягненка, хотели растерзать этого старца: повалили, избили и всячески надругались над ним. Наконец, один из них, издеваясь над старцем, спросил его: "Какие чудеса сотворил Христос, Которым вы так величаетесь?" — Благоразумно отвечал ему старец тот со смирением: "Вот какие чудеса сотворил Он: что я обиды, насмешки ваши надо мной переношу терпеливо и готов претерпеть еще большие обиды по любви к Нему, если бы вам вздумалось совершить их надо мною".

Действительно, величайшие чудеса совершаются и в наше время теми людьми, которые истинно преданы воле Божией. Истинно, и ныне совершаются древние чудеса: горящий куст и несгорающий; ввергнутые в горящую печь отроки невредимые от огня. Те, которые каждое злоключение принимают, как попущение Божие, не ропщут на Бога за такое попущение и не жалуется. Все, что случится с ними, они принимают с благодарностью и обращают во благо, все приписывают Божественной воле и Божественному распоряжению.

Во всем, — говорит святой апостол, — являем себя как служители Божии, в великом терпении... в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны... (2 Кор. 6; 4, 8). Кто отдал себя совершенно воле Божией, тот должен часто повторять: "Господи, ради Тебя я охотно обрекаю себя на всякое поношение, бесчестие и укоризну, и тем охотнее перенесу это, когда я невиновен в том. Ради Тебя я не отказываюсь быть в презрении, унижении и бесчестии. Неприятно и горько такое угощение, однако я с радостью принимаю его, ибо оно принадлежит столу домостроительства Твоего".

Сам Христос Бог не только добровольно предал Себя на всякие поношения и укоризны, но и претерпел все за наши прегрешения, соделавшись за нас клятвой, по писанному: «проклят всяк висий на древе»

(Гал. 3; 13). Величайших угодников Божиих, во времена гонений на христиан, называли величайшими злодеями, и они долготерпеливо переносили это.

Возьмите еще в пример Божию Матерь, Препоблагословенную Деву Марию, предавшую Себя всей душой и сердцем в волю Божию: Иосиф, Ее обручник, видя Ее непраздной, ужаснулся и намерен был тайно отпустить Ее из своего дома. Что же делает Пресвятая Дева? Она молчит; всякое о Себе мнение вручает воле Божией. Примеру Божией Матери последовали многие угодники Божии. Они, хотя и были оговариваемы ложно в тяжких преступлениях, но молчали благоразумно и претерпевали бесчестие и многие укоризны, предавая себя во всем воле Божией. Таковое бесчестие, поношение и поругание терпеливо перенес преподобный Макарий, в молчании, с величайшим долготерпением и смирением. Сего святого, ангелоподобного по непорочной жизни своей, оклеветала одна девица; тайно согрешив с каким-то молодым человеком, она опорчила преподобного пред своими родителями, говоря: "Согрешила я с вашим пустынником, которого считаете вы святым; когда я была за селением, близ того места, где он живет, встретил он меня на дороге и изнасиловал, а я ради стыда и страха никому не сказала об этом даже до сего дня". Эта ложь страшно раздражила ее родителей и соседей их; они побежали к жилищу неповинного святого мужа и с криком и бранью вытащили его из кельи, долго били нещадно, потом привели в селение; тут собрали всякую гниль и нечисть: закопченные черепки, горшки, корчажные рукоятки — все это связали веревкой, повесили ему на шею и водили его по селу с неистовым поруганием; толкали его под бока, били, дергали за бороду и за волосы, крича неистово: "Этот монах опорочил нашу девицу, каждый таскай его и бей!" Такое поругание и мученье продолжалось долгие часы, пока келейник преподобного не поручился за него родителям девицы, что он будет содержать ее и кормить, как будто действительно он лишил ее девства, — что преподобный на деле и исполнил, по выздоровлении своем. Делая корзины, продавал их чрез своего келейного, а вырученные деньги через него же посылал на содержание означенной девицы. Увы и горе! Этот достойно ублажаемый муж, кроткий, незлобивый, смиренный сердцем, и подобные ему богоугодные мужи кротко переносили невинно многочисленные оскорбления, бесчестия, укоризны и жестокие побои, великодушно прощая своих оскорбителей.

А теперь что мы видим? Мы, виновные в бесчисленных грехах и неправдах, негодуем на того, кто причинит нам малейшее оскорбление; не терпим его, мстим и преследуем! Мы, грешные люди, говорим друг другу с гневом: "Не трогай меня! Что ты, негодный, бесчестишь меня? Укоряешь меня, наносишь мне обиду, мараешь мою честь?"...

О христиане, опомнися! Как далеки мы от познания воли Божией! Хотим и требуем от всех, чтобы они нас уважали, отдавали нам почтение даже и тогда, когда мы сами бесчестим себя своими поступками и неведением воли Божией! Ведь если бы воля Божия была нам любезна, то

никакая укоризна, даже самая тяжкая, не смутила бы нас и не заставила бы преследовать своих оскорбителей. Кто понимает, что без воли Божией, без Божия попущения ничего не совершается (ни похвалы, ни поругания), тот осуждает сам себя пред Богом, говоря: "О Господи! Сам я весьма достоин того, чтобы меня все презирали и поносили: за что же я буду негодовать на них? Знаю, Господи, что без Твоей святой воли никто меня не посрамит и не обидит: «и я еще больше унижусь, как говорил царь Давид, и сделаюсь еще ничтожнее в глазах моих» (2 Цар. 6; 22). — Когда царь Давид убежал от восставшего против него непокорного сына Авессалома, некто Семей, из рода дома Саулова, забежал вперед Давида и стал его поносить жесточайшими словами: уходи, уходи, убийца и беззаконных! Господь обратил на тебя всю кровь дома Саулова, вместо которого ты воцарился, ты предал Господь царство в руки Авессалома, сына твоего: ты вот ты в беде, ибо ты — кровопийца! (2 Цар. 16; 5-8). Вот поражающий образец человеческой злобы: Семей не убоился ни закона Божия, ни своего царя не устыдился и не почтил: бесстыдно в лицо называет его мужем крови, мучителем, похитителем престола. Мерзкое дело! Но этого мало: царь многочисленного народа, кроткий его правитель, находящийся уже в невыносимой печали, сделавшийся из богатого беднейшим и опозоренным, идет босыми ногами, закрыв голову и лицо свое, дабы сокрыть от любопытных свое горе и слезы, — и вот Семей, не устыдясь царственного лица, бросает в него камнями, вместо цветов, брызгает его грязью и терзает поносными словами, как острыми гвоздями. Эта картина изображает для нас величайшее долготерпение и кротость Давидову, с которыми он всего себя предал в волю Божию и тяжкую укоризну терпит, как посланную себе свыше. Авесса, брат военачальника, видя такое поругание над Давидом, говорит: Зачем злословит этот мертвый пес господина моего царя? пойду я и сниму с него голову. Но царь благочестивый, три раза избранный Богом на царство, укоряемый своим злобным подданным, которого не обидел он ни словом, ни делом, не только не разгневался, не показал грозного вида, не искал мести за свою обиду, но является защитником своего гонителя, говоря своим спутникам: "[оставьте его], пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида. Кто же может сказать: зачем ты так делаешь? (2 Цар. 16; 9-10). Если же Семей и тяжело согрешил, проклиная меня, но потому-то Бог и употребил его, как орудие, для поношения меня; ибо его злобой воли не был причиной Бог, но Он мудро употребил Семейя в наказание Давиду".

Подобно Давиду, каждый из нас должен смотреть на наносимые ему нападения и озлобления людьми злыми, которых самоволие всемилостивый Бог употребляет или для вразумления неповинных, или для наказания виновных. Все это заменяет для нас розгу, когда мы погрешили в чем, или же узду, чтобы не позволяли себе грешить. А потому каждый, несправедливо поруганный, или обиженный кем, должен говорить с Давидом: "Господи, я не желаю платить за зло, мне сделанное, злом же противнику моему, не хочу мстить за себя!" И если враги наши ухищренными замыслами вооружаются

против нас, нам не следует страшиться их. Праведники находятся у Бога в таком попечении, что они вполне безопасны, ибо Он сказал еще древним: ...касающийся вас касается зеницы ока Моего (Зах. 2; 8).

(Из книги "Илиотропион", святителя Иоанна, митрополита Гобольского)

730. Сам Господь хранит детей

В житии великого подвижника Божия, преподобного Серафима Саровского, мы находим поразительный случай Промысла Божия, охраняющего младенцев. Прохору, так звали преподобного старца Серафима в миру, было всего семь лет; его благочестивая мать, во исполнение завещания своего покойного мужа, усердно занималась построением приходской Сергиевской церкви, сама следила за работами и для осмотра постройки нередко поднималась на самый верх здания. Раз она взяла с собой и семилетнего отрока Прохора на самый верх строившейся тогда колокольни. Занятая осмотром работ мать не заметила, как малютка отошел от нее, остутился и с высоты упал на землю. Пораженная ужасом мать сбегала с колокольни, воображая, что найдет сына своего разбитым до смерти; но какова же была ее радость, когда она увидела его целым и невредимым: дитя уже стояло на ногах! Нет нужды говорить, что все признали это спасение мальчика особенным чудом Божиим и прославили дивную силу Божию, охраняющую невинных детей в минуты смертной опасности.

Кто благоговейно внимает путям Промысла Божия, тот нередко может видеть подобные проявления Божией милости к детям, коих Ангелы хранители, по слову Самого Господа, всегда видят лице Отца Небесного и ограждают детей от опасности. Над юным Прохором сбылось слово Писания: «на руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою» (Пс. 90; 12).

Вот еще подобный рассказ из жизни известного нашего историка-писателя, Николая Михайловича Карамзина. Будучи десятилетним мальчиком, в один жаркий летний день читал он книгу под тенью старого дуба в лесу, а его дядька-старик сидел на траве неподалеку от него. Вдруг нашла грозная туча, блеснула молния, загремел гром и полил дождь. Старик звал мальчика домой. Мальчик неспешно пошел с ним к дому. Гроза усиливалась. Не прошел он нескольких шагов, как из лесной чащи выбежал медведь и прямо бросился на него. Мальчик шел в задумчивости и вовсе не видел опасности. Еще минута — и он был бы в лапах лютого зверя; но в это самое время грянул страшный гром, какого мальчик еще никогда не слыхивал; ему показалось, что небо над ним обрушилось, что молния как бы обвилась вокруг его головы... Он закрыл глаза, упал на колени и только мог сказать: "Господи!"

Прошло полминуты, он взглянул и — видит перед собой убитого молнией страшного медведя. Долго мальчик стоял на коленях; нескоро он мог придти в себя; наконец он устремил глаза на небо и несмотря на черные,

густые тучи, он как бы воочию видел, сердцем чувствовал присутствие там Бога Спасителя. Полились слезы из очей его — слезы глубокой, горячей благодарности Господу за спасение жизни. Он сам описал этот случай и в заключение своего рассказа говорит: "Читатель, верь или не верь, но этот случай — не выдумка!"...

А вот дивное чудо милости Божией, которое благоугодно было Господу Богу явить над одним погибавшим беспомощным ребенком. Это было в конце 1893 года, в окрестностях села Средне-Ахтубинского, Царевского уезда Астраханской губернии. Тринадцатилетний мальчик Гриша, сын небогатого крестьянина этого села, был пастушком на хуторе у другого крестьянина. Хозяин послал его с овцами в село, находившееся в десяти верстах от хутора. Погода, по-видимому, стояла хорошая и мальчик спокойно отправился в путь по знакомой дороге, не запасшись ни хлебом, ни лишней теплой одеждой. Медленно подвигался он со своими овечками вперед, а между тем начал задуть пронзительный холодный ветер, который скоро превратился в сильнейший, почти небывалый ураган. Началась столь памятная всем жителям той местности, почти неслыханная дотоле метель, которая продолжалась целых трое суток.

На первых порах у мальчика мелькнула мысль поторопиться добраться до села, но потом, когда ураган стал усиливаться, ветер бил прямо в лицо, снежные хлопья залепляли глаза, и овцы, подчиняясь направлению ветра, стали постоянно сбиваться с дороги, мальчик понял, что всякая попытка сопротивляться силе ветра, чтобы достигнуть села, напрасна. В отчаянии он начал громко плакать и кричать, но звуки его голоса тотчас же замирали в воздухе, и беспомощный мальчик уже невольно шел за овцами по направлению ветра, в сторону от дороги. Для несчастного ребенка не оставалось никакой надежды на спасение, и он, сбившись с пути, в своей плохой одежде, должен был замерзнуть среди поля.

Но Господу Богу угодно было спасти ребенка. Почти бессознательно, не зная куда, идет мальчик за овцами. От сильной метели образуется непроглядная мгла, так что с трудом может он разглядеть впереди идущих овец. Стараясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь эту непроницаемую мглу, ребенок наконец замечает, что шагах в десяти от него что-то чернеет. Собрав последние силы, он бросается к этому месту и видит, что это небольшая кучка соломы, внизу которой сделано как будто нарочно углубление, и вот эта-то яма и приняла под свой кров полузамерзшего ребенка. Тут он отдохнул немного, прикрытый от резкого ветра, осмотрелся, вспомнил о своих овечках и немедленно окликнул их к себе поближе. Он надергал им соломы для корма и приласкал животных. Снег, между тем, несся со страшной силой и быстротой. Ветер так бушевал, что каждую минуту мальчику казалось, что вот-вот перевернется вся кучка соломы, под которой он укрылся, и ему придется умирать от мороза... Наступила ночь. Холод все усиливался. Он пронизывал ребенка насквозь.

Но Господь неожиданно посылает ему друзей-охранителей: неразумные животные на этот раз показывают необыкновенную смысленность. Как бы в благодарность за то, что ребенок кормит их, ласкает, они ложатся около него и своими теплыми шубами согревают мальчика. Некоторые из них лижут ему лицо и руки; другие, положив на него свои головы, теплым дыханием согревают его окоченевшие члены и таким образом поддерживают в нем жизнь. Согревшись так, мальчик заснул с надеждой, что завтра может быть — Бог даст — снежная буря утихнет и он дойдет до родного села. Но увя, на другой день метель продолжала свирепствовать с прежней силой... Что оставалось делать несчастному ребенку? Он был как бы обречен на смерть, зарыт заживо в могилу; он горько плакал о родителях, которых, казалось, больше не увидит, о родном доме, в котором теперь так тепло и хорошо... Изредка он выползал из своего убежища и давал корм овцам, а потом опять укрывался под соломой.

Наступила вторая мучительная ночь. Овцы как днем, так и ночью, когда наедались, то ложились около своего пастушка и грели его по-прежнему. Мальчик не знал, как и благодарить своих бесценных друзей. Он целовал их, ласкал, разговаривал с ними. Ночь эту провел он менее спокойно. Заунывный звон колоколов из сел Среднего и Заплавного доносился до него и часто будил его. Ребенок просыпался: знакомый колокол напоминал ему мать и отца; болью сжималось его бедное сердце и он начинал плакать, а вьюга ворила ему своим завыванием.

Настал третий день. Ураган несколько утих. Но мальчик уже не смел и думать о том, как бы добраться до дома. Душевные страдания, холод, а главное голод (ведь целых трое суток у него не было ни крохи во рту!) отнимали у него всякую надежду на спасение. Силы его все падали: он уже едва смог дать корму своим овечкам. От слабости он впадает в забытие, и чудится ему, будто бы для него топят печку, одевают его, хотят накормить... Вдруг он явственно видит старичка и слышит, как тот говорит ему: "Гриша! Встань, иди на дорогу: там едут люди; они тебя возьмут"... Мальчик делает усилие, подымается на ноги и бредет на дорогу. Метель утихла, но сугробы снега, нанесенные ветром, не дают ему свободы. Он идет, вязнет, падает, встает и опять падает.

А между тем отец его уже другие сутки разыскивал его по степи. И вот в это самое время отец увидел ребенка издали, бросился к нему и, не помня себя от радости, схватил его на руки. Мальчик узнал отца, но от волнения и слабости едва мог вымолвить: "Батенька!" — и лишился сознания. Очнулся он, когда уже был дома; поболел недельку, потом выздоровел и теперь всем рассказывает, как милосердый Господь услышал горячую молитву его родителей и чудесно спас его жизнь ("Астраханские Епархиальные Ведомости", 1894, № 4).

Да, сильна молитва родительская, но кто сей дивный старичок, явившийся мальчику и повелевший ему идти на дорогу именно в то время, когда отец искал погибающего ребенка? Верующему сердцу думается: не

был ли то великий милостивец святитель Николай Чудотворец, скорый помощник в бедах и напастях? Ведь дело было во дни, близкие к его священной памяти...

731. Дивная слава Успения Богоматери

«Вся паче смысла, вся преславная Твоя, Богородице, таинства!»

Дивно было зачатие Приснодевы Богоматери, дивно рождество, дивно воспитание, дивна святость всей Ее жизни, дивно и паче ума и слова в Ее девственной чистоте матернее плодоношение, дивно также и Ее преславное и всечестное успение, столь дивно, что не только люди, но и бесплотных воинства удивлялись ему: «Ангели успение Пречистым видевшие удивишася... Но чему же вы, обитатели горнего Иерусалима, удивляетесь? — Знамение велие явися на небеси» (Откр. 12; 1). Дивится и веселится земля, ибо видит посланника Царя Небесного, видит великого Архистратига славы Господни, который держит в руках ветвь из вертограда райского и отдает ее одушевленному раю — Матери Божией в знамение девственного торжества и победы над смертью. Слышит от него новую весть, что для Матери уготовано Сыном достойнейшее наследие. Если «око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его» (1 Кор. 2; 9), то конечно несравненно больше те почести и радости, которые Он уготовал Своей Матери, паче всех иных возлюбившей Его.

О Пречистая и Преблагословенная Владычице наша Богородице! Воистину желанную и всерадостную весть услышала Ты! Что более желанного, более утешительного могло быть возвещено Тебе, как не преселение к Тому, Кого Ты возлюбила более Себя Самой? Прежде Тебя пошел Он, единородный Сын и Бог Твой, к Безначальному Отцу Своему, дабы там, в Его и Своем чертоге, уготовить место Тебе, одушевленному Кивоту. Пошло оное мысленное Солнце на небо, а Тебя, светило великое, Тебя, добрую и совершенную луну, вместо Себя здесь на земле оставил, дабы мысленные звезды — апостолы и их преемники, от Тебя воспринимали свет Евангельского учения, чтобы они обогащались бесценным сокровищем Божественного учения Его, которое Ты умела добре соблюдать в сердце Своем (Лк. 2; 19), дабы во всех бедах и напастях своих они почерпали в Тебе духовную радость и утешение. Итак немало времени оставалась Ты на земле и, оставаясь, ужели не могла с большею справедливостью, нежели Апостол, сказать: «желание имею разрешиться и со Христом быти?» (Флп. 1; 23). Но Ты видела неотложную в том потребность, и терпеливо и охотно сносила тяготу странствования Своего.

В сие время Мать Божия имела обычай обходить все те места, с которыми было соединено воспоминание о Нем, и сии места Она любезно целовала и обливала слезами. На том месте, где возлюбленный Сын и Бог Ее совершил тайную вечерю со Своими учениками, где и по Воскресении

являлся дверем затворенным, где ниспослал Своего Пресвятого Духа на апостолов, — в оной Сионской горнице Матери Божия пребывала к дому Иоанна Богослова, который как чистый девственник был отдан Ей, Пречистой Деве, от Сына и Бога Ее, как слуга и сын благодати. "Приходя на то место, — говорит святой Иоанн Дамаскин, — я не могу скрывать своего благоговейного чувства и волнения сердечного. Сладостные слезы льются из очей моих..." Даруй, милосердая Мати, да будет уделена и нам, бедным и немощным рабам Твоим, хотя малая частица сего святого и благоговейного чувства! Даруй, да упадет в наших хладные сердца хотя малая искра сей пламенной любви! Дабы мы со страхом любви и радостью прославили ту великую и неизреченную радость Твою, которой исполнилось пресвятое сердце Твое в тот день, когда осуществилось Твое долгое и горячее ожидание! О если бы мы узрели бывшее прежде Твоего успения чудесное от всех стран мира собрание апостолов на облаках небесных, дабы воздать последний долг Тебе, одушевленному Божию кивоту, и от Тебя, как от Матери Господа своего, принять благословение!.. Дивилась земля, видя на себе совершающиеся таковые чудеса. Дивилась, слушая пресладкое и дотоле неслыханное пение не только всего богоизбранного собора апостолов, но и незримых Ангелов, при провождении Ковчега Божия до Гефсимании. Дивилась, видя величайшие чудеса и благодеяния Божии: Господь раздавал не монету денежную, но недужным здравие, хромым хождение, слепым прозрение не только чувственных, но и духовных очей, и покрытым ранами исцеление не только тела, но и души, отверзал уста немых, и даже из самого камени воздвигая чад Аврааму, оным повелевал поведать величия Своя. Дивилась всему тому земля, но еще более удивилась, когда узрела сошествие на Себя Самого Господа и Творца своего с бесчисленным множеством бесплотных слуг Его и Сил небесных, когда Он, как закона Творец, исполняя закон, повелевающий почитать родителей, оказывал почтение, приличествующее Матери. Дивилась, наконец, земля, видя, что источник жизни во гробе положился и гроб стал лестницей к небу. Дивилась она и веселилась вместе с оным градом Гефсиманией, в котором находился всечестный гроб Богоматери.

И не только земля, но и множество бесплотных Сил ликовали и дивились в тот день, достойный ликования и удивления. Если в земном Иерусалиме была радость, когда славный царь Соломон, со священниками, левитами, начальниками, воеводами и всем множеством сынов Израилевых, провожал кивот Завета Господня от града Давидова ко святилищу храма Святая-святых: ужели же не гораздо большая радость и веселие были в Иерусалиме небесном, когда Сам Царь Небесный, со всеми небесными вельможами Своими, с Началами и Архистратигами славы и с бесчисленным множеством воинств небесных, сопровождал Свой кивот одушевленный — Пречистую Матерь Свою из горницы Сионской в небесное Святое-святых? Ликовали полки бесплотных Сил, видя, что Царь и Творец их сопровождает Царицу-Матерь Свою в Свой чертог. Ликовали, и каждый из них, оказывая,

как слуги Матери Господа своего, достойное почитание, желал лучшим образом засвидетельствовать пред Нею свое усердие и готовность к служению. Они служили Ей со страхом и радовались с трепетом, и к превышним чиновачальникам зывали: се всех Царица Богоотроковица прииде, возмите врата и сию премирно подымите присносущнаго Матерь Света, на Нюже взирати не можем, и Той достойную честь воздати немощно, Тоя бо преизящное (Ея совершенства) переходит всяку мысль... Они же, слыша сие слово, и удивляясь странному оному восхождению, вещали словами Соломона: «кто Сия, восходящая аки утро, добра яко луна, избранна яко солнце, убелена и утверждаема о Брате своем?» (Песнь. 6; 9. 8; 5). — Дивятся они тому, что Дщерь Адама тленного входит в нерукотворенное святое святых, и превознесенная пред всеми древнейшими обитателями небесного чертога, становится вблизи самого престола Божия. Но что удивляться тому, что столь высокое место дано столь достойному лицу? Сия Дщерь Адама тленного, соделавшись Материю Бога Бессмертного, ужели не достойна столь высокого места, столь великой чести? И какого же величия славы, какой высоты похвал не вместит Та, Которая Бога невместимого во утробе Своей вместила? Какое место дано будет восходящей на небо Той, Которая Богу, сходящему на землю, уготовала место, Которая Его, не имеющего на земле — по недостойнству земли — где главы подклонити, приняла в дом Свой, или лучше — в Свой благолепный чертог, то есть в Свою пречистую утробу? Ужели пречистые руки Того, Которого Она носила на пречистых раменах Своих, не внесли туда, в оный небесный покой, пресвятой души Ее?

Но что говорю души, когда и самое пречистое тело Ее, не увидев нетления, перенесено в тот же небесный чертог: Тот, Кто благоволил вселиться в сие пречистое тело, Он же и воскресил его прежде всего общего воскресения и взял в Свои небесные чертоги.

Не подобало, воистину не подобало обратиться в персть тому пресвятому телу, которое породило Спасение мира. Если ветхозаветный кивот деревянный не мог быть поставлен ни в каком ином месте, кроме славного храма Соломонова, то что удивительного, если и сей одушевленный Кивот нашел себе упокоение в оном горнем Иерусалиме, построенном не рукой и художеством какого-либо земного художника, а рукою Самого Творца? Итак, на небесах, или лучше сказать, превыше всех небес подобало уготовать место для того одушевленного Неба, в которое вселилось Солнце правды! О сем прекрасно воспеваает Святая Церковь в одном своем песнопении: Побеждаются естества уставы в Тебе, Дево чистая, девствует бо рождество, и живот предобручает смерть; по рождестве Дева и по смерти жива, спасавши присно, Богородице, наследие Твое. Как рождество Твое непостижимо и превыше всякого слова и разума, так и преставление Твое дивно и превыше естества: только Ты едина воскресла прежде всеобщего воскресения и уже живешь жизнью божественною в теле Своем прославленном, предстоя одесную Сына Твоего в ризах позлащенных

одеянная и преукрашенная. Молися же Сыну Твоему, да не удалит Он и нас, грешных, от Себя и от Тебя, о Мати наша преблагословенная! Аминь.

(Из слова святителя Леонтия Карповича на Успение Богоматери)

732. Откуда плевелы на Христовой ниве?

От времен святого князя Владимира полюбили русские святую веру Православную; они привыкли называть свою родную страну Русью Святою, а себя — людьми православными, и не было им милее и почетнее этого достолюбезного имени: "православные" — так величают они и теперь друг друга, когда собираются решать свои дела общественные на своих сходках мирских; "православные" — так обращаются к ним и пастыри их, служители Церкви Христовой, в своих поучениях. За кого идет умирать христоробивый русский воин? Прежде всего — за веру Православную, потом — за царя самодержавного и за Святую Русь... Святая Церковь Православная — вот кто был сердобольной матерью народа русского; это она взрастила и воспитала его до великого самодержавного царства Русского; она хранила его от гибели в тяжкие времена злой татарщины; она дала ему силу прогнать ляхов со всеми их клеветами в лютую годину междуцарствия; она соединила во единую нераздельную братскую семью и Великую, и Малую, и Белую Русь, и все эти многочисленные племена, населявшие пространство нашей матушки России в стародавние времена. Вот почему разные инородцы, обитающие по окраинам Русской земли, называют веру Православную — верой русской: "Он принял веру русскую", — говорят они о своих соплеменниках, когда те принимают Святое Крещение. Да и наш простой народ только того и считает чисто русским человеком, кто свято блюдет святую веру Православную.

Но что же это сделалось, какой враг посеял плевелы между чистой пшеницей Православия на ниве Христовой? Откуда появились, почему так гордо, так самоуверенно проповедуют свои лжеучения все эти штундисты, молокане, баптисты, шалопуты, хлысты, пашковцы, духоборцы, субботники — проще сказать: жидовствующие, и все прочие сектанты, имже несть числа?.. Увы, видно гордый дух времени, тот дух, от которого получили свое начало все безбожные лжеучения, нашел пути к сердцу нашего простеца, чтоб лишить его великого сокровища веры Православной.. . Тать подкрадывается в нощи; враг сеет плевелы, когда люди спят: то же случилось и с нами. Мы стали беспечны, мы разленились, тяжело для нас стало исполнять все заповеди Церкви Божией, мы задремали духовно; а враг только этого и ждал; он подкрался к дремлющим душам и через своих клеветов — разных лжеучителей, коим ненавистно святое Православие, стал внушать им льстивые помышления: "на что посты? на что поклоны? к чему все эти обрядности? Писано есть, что все это: заповеди и учение — человеческое, что Богу надо поклоняться духом и истиною. Зачем ходить в

храмы? Писано есть, что сами вы — храм Духа Святаго... К чему священники и учителя церковные? Писано есть, что Бог всех соделает священниками, что Сам Дух Божий будет учить вас"... Так прельщает неутвержденные души простецов дух лести устами разных лжеучителей, а сердце грешное всегда готово слушать такие речи, которые как бы оправдывают его слабости, заглушают, хотя на время, голос неподкупного судии — совести... И грехолюбивая душа рассуждает: "В самом деле, ведь эти учителя говорят не от себя: они ссылаются на Писание, говорят: писано есть... Почему же не слушать их?" И слушает простой человек, в вере не утвержденный, этих непризванных лжеучителей, и начинает сомневаться в своей вере Православной, которой и не знал как следует, и становится штундистом, молоканином, хлыстом или баптистом... Ведь в этих сектах так легко обманывать свою совесть, ведь они все считают себя святыми! Писано есть: вы — род избранный, народ святой...

Да, писано есть, писано есть... Вот и сатана, искушая Самого Господа нашего Иисуса Христа, то же говорил: писано есть: Ангелам Своим заповедает о Тебе... итак, бросься вниз! В том-то и дело, что Писание Божественное есть меч обоюдоострый; что все еретики ссылались на Священное Писание в подтверждение своих лжеучений; что поэтому опасно толковать его по своему смыслу, как это делают все лжеучители, все эти штундисты, баптисты, молокане и прочие сектанты. Вот что апостол Христов Петр пишет верующим: мы имеем вернейшее пророческое слово, то есть Священное Писание, и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте... Но прежде всего следует знать, что никакого пророчества в Писании нельзя разрешить, то есть истолковать самому собою. Ибо никогда пророчество и всякое Писание Святое не было произнесимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым (2 Пет. 1; 19-21). Далее в том же послании святой апостол Петр говорит, что уже в его время некоторые невежды и неутвержденные, к собственной своей гибели, превращали, перетолковывали как прочие Писания, так в особенности некоторые, неудобовразумительные места в посланиях апостола Павла (2 Пет. 3; 15,16). И апостол Павел говорит при прощании с Ефесскими пресвитерами: «...я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада, и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою» (Деян. 20; 29-30), ...надлежит быть и разномыслиям, — писал тот же апостол Христов Коринфянам (1 Кор. 11; 19). Значит, с самых времен апостольских были разномыслия, были еретики, которые повреждали, превратно толковали слово Божие (2 Кор. 2; 17). Они гордились своим ложным знанием, не хотели знать и слушать пастырей Церкви, которых Сам Бог поставил, чтобы пасти Церковь Божию (Деян. 20; 28), и как овцы, отделившиеся от своего стада — от Церкви Божией, блуждали в пустыне своего неведения, гонимые всяким ветром учения, по лукавству человеков (Еф. 4; 14). Они не хотели следовать доброму примеру

мужа Ефиоплянина, который был вельможей царицы Ефиопской и, конечно, был человек не только грамотный, но и ученый. Когда апостол Филипп, увидев, что он в колеснице читает во время пути книгу пророка Исаии, спросил его: сумеешь ли, что читаешь? — он ответил ему: как могу разуместь, если кто не наставит меня? (Деян. 8; 27-31). Вот с каким смирением говорил этот ученый вельможа, не надеясь на свой человеческий разум, когда дело шло о Священном Писании. Но не так, видно, рассуждали те невежды, о коих пишут апостолы Петр и Павел; не так рассуждают и наши невежды-грамотеи. Иной едва разбирает слова в книге, а уж берется толковать слово Божие, воображая, что если умеет он читать, то уже и разумеет, что читает... Познакомится с таким невеждой какой-нибудь самозванный учитель из штундистов или еще каких сектантов, — смотришь, наш грамотей уже и отрекся от матери своей Церкви Православной, и пристал уже к секте какой-нибудь... Спросите его: да так ли надо понимать, как ты толкуешь Писание? — Он с гордостью уже ответит: "Мне Сам Христос открывает истинный смысл, Он видит, что я хочу спастись"... Какое самомнение, какая гордыня! Хвалится человек, что ему Сам Христос открывает истину, а Христа не слушает, Христова веления не хочет исполнять. Ведь Сам Христос сказал: если... церкви не послушает брат твой, то да будет он тебе, как язычник и мытарь (Мф. 18; 17). Сам Христос сказал апостолам, а чрез апостолов и всем пастырям Церкви, которых поставили святые апостолы: Слушающий вас Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается; а отвергающийся Меня отвергается Пославшего Меня (Лк. 10; 16). Не внимает гордый человек этому грозному слову Христову и отвергает благодать Божию, живущую в пастырях Церкви чрез священное рукоположение, идущее преемственно от времен апостольских (2 Тим. 1; 6). Он не хочет знать, что еще у пророка Малахии сказано: «уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа» (Мал. 2; 7). Поэтому и Апостол заповедует: «Повинуйтесь наставникам вашим и покаяйтесь» (Евр.13; 17): достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении (1 Тим. 5; 17). Если бы всякому было дано ясное разумение Писания и учения веры, то зачем же было нужно поставлять особых в Церкви Божией пастырей и учителей? А они Самим Богом поставлены: читайте у апостола Павла в посланиях (1 Кор. 12; 28 и Еф. 4; 11). Потому-то другой апостол и предостерегает: Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению (Иак. 3; 1). Но в том-то и беда наша: забыли мы заветы наших предков благочестивых; тяжелы нам стали те порядки жизни христианской, те предания и уставы, которых строго держались наши отцы и деды, осуетились мы, духовно разленились... А совесть упрекает, что живем не по православному: многие постов не соблюдают, в церковь редко ходят, сами себя от Святых Таинств отлучают... Смириться бы надо пред Богом, покаяться, а гордость удерживает... А тут появляются льстецы-учители, которые проповедуют, что Богу никаких

подвигов не нужно, что спастись можно одной верою... И успокаивает себя человек в гордом сознании, что ему не нужно ни постов, ни поклонов, ни таинств, что обрел он путь спасения: веруй и спасешься!.. Увы, прежде люди грешили и каялись; а теперь грешат и хотят оправдать себя в грехах, и потому сбывается на таковых пророчество святого апостола Павла: ...будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху (2 Тим. 4; 3). И льстят слуху разные самозванные проповедники-лжеучители, которые обещают спасение без подвига, без самопонуждения, и которых поэтому справедливо называл в Бозе почивший Святитель Феофан легкоспасенцами.

И много появилось на Руси Святой этих легкоспасенцев! Берегитесь их, люди православные: это волки в одежде овец; помните слово Христово: Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11; 12). Значит, без труда и подвига нет спасения. И еще: если и Церковь не послушает брат твой, то да будет он тебе, как язычник и мытарь (Мф. 18; 17). Значит, без послушания Церкви, как Богом данной матери, тоже нет спасения...

* * *

Другие листки против штундистов, молокан и пр. №№ 20, 24, 28, 30, 34, 36, 55, 57, 59, 60,61, 63, 65, 74, 78, 79, 81, 83, 89,90,91,92,95. 100,107* 111, 120, 121, 125, 126, 138, 139, 140, 141, 143, 148, 154, 161, 162, 163, 172, 173, 176, 182, 184, 187, 190, 192, 195, 199, 209, 210, 212, 220, 225, 230, 233, 238, 253, 255, 262, 263, 266, 267, 272, 277, 287, 288, 290, 292, 294, 306, 308, 312, 321, 322, 329, 333, 335, 336, 337, 345, 351, 359, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 370, 373, 375, 380, 382, 383, 385, 391, 396, 400, 401, 403, 404, 405, 407, 408, 410, 412, 416, 422, 423, 426, 429, 432: 433: 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 452, 453, 460, 461, 468, 470, 471, 474, 480, 484, 485, 490, 493, 496, 498, 500, 507, 508, 509, 518, 521, 537, 538, 539, 541, 557, 558, 568, 570, 576, 579, 587, 589, 593, 594, 595, 596, 601, 608, 623, 628, 639, 642, 732, 760, 791,792, 793.

733. Клятвы Иродовы

«И прискорбен быв царь, клятвы (же) ради и за возлежащих с ним, не восхоте отрещи ей...2 (Мк. 6; 26)

Не захотел незаконный Ирод изменить своей неразумной клятве и вот — честная глава большего в рожденных женами — Предтечи Господня посекается и как дар подносится на блюде нечестивой плясавице за ее бесстыдное искусство... Не наешь, чему больше удивляться: бесстыдству ли этой девицы, требующей такой ужасной платы за свою пляску, или бесчеловечной жестокости сластолюбца-царя, который с возмутительной верностью сдерживает без всякой нужды данную им клятву... Поистине,

лучше было Ироду солгавшу жизнь полунити, нежели Предтечеву главу усекнути!

Преступна была клятва Иродова, но бывают клятвы еще преступнее. Ирод не знал, что от него потребуют такого ужасного исполнения, а вот в Деяниях апостольских рассказывается, как несколько иудеев поклялись не есть и не пить, пока не убьют великого апостола Христова Павла (Деян. 23; 12). Вот до чего может доходить человек, ослепленный страстью! И что особенно поразительно: дающий такую богохульную клятву не видит, какой тяжкий грех он берет на душу свою, когда клянется, и что он вдвойне согрешит, если исполнит свою клятву на деле. Напротив: он думает, что непременно должен сделать то, что обещался клятвенно, хотя бы это был тяжкий грех, хотя бы ему пришлось загубить навеки свою душу. В древних сказаниях о святых подвижниках есть такой рассказ: к одному святому старцу пришел незнакомый человек и сказал: "Л и брат мой — друг с другом поссорились; к несчастью, он не хочет примириться, хотя я всеми мерами стараюсь об этом.

Человек Божий, сделай милость, уговори его! Старец с радостью взялся за это дело. Он пригласил к себе не желавшего примирения и начал говорить ему о любви и согласии. Сначала казалось, что ожесточенный брат умягчается, но вдруг он сказал: "Не могу примириться: я крестом поклялся вечно враждовать с ним!" Тогда старец, улыбаясь, сказал ему: "Твоя клятва имеет такой смысл: сладчайший Иисусе! Заклинаю себя крестом Твоим, что не буду исполнять Твоих заповедей и хочу повиноваться врагу Твоему — диаволу! Друг мой, ты решился на худое дело, надобно в этом раскаяться, надо поплакать о том, в чем против своей души ты согрешил, а не идти дальше во грехе. Если бы Ирод раскаялся и не исполнил своей клятвы, то не сделал бы величайшего на свете злодеяния, не умертвил бы Предтечу Христова. Вспомни, что было тогда, когда Иисус Христос хотел умыть ноги святого Петра... Вспомни, что сей же Апостол с клятвою утверждал, что он не знает Господа; но сдержал ли это свое клятвенное слово? Долго ли продолжал он свое неведение о Человеке, от Которого отрекся? И изшед вон, плакался горько..."

Со вниманием слушал враждующий брат это наставление старца и тогда же примирился со своим братом, раскаявшись в своей греховной клятве.

Брат христианин! Если ты когда-нибудь имел несчастье дать подобную богопротивную клятву, то омой ее слезами покаяния, но не приводи в исполнение того, что обещал, не бери нового тяжкого греха на свою бедную душу! Знай, что не Богу дал ты такую клятву, а врагу Божию — диаволу. Не от Бога пришла тебе и самая мысль — дать такую клятву, а от диавола. Бог вразумляет нас только на добро, а диавол только на зло, на грех. Если для исполнения клятвы приходится грешить, то ясно, что и самая клятва эта подсказана диаволом. Ах, как хитро строит козни свои против нас сей исконный враг нашего спасения! Действует он и сам, тайно влагая нам в сердце греховные помышления; действует и через слуг своих — людей, ему

преданных, Бога забывших и греху поработившихся. Вот, например, одна из его душепагубных хитростей.

Ушел человек от семьи своей, чтоб достать лишнюю копейку для этой же семьи, или потребовали его на службу военную, и живет он вдали от жены и детей где-нибудь в большом городе. Сначала он тоскует в разлуке с ними, думает, как помочь им, что им послать... Но идет время и он привыкает к городской жизни, тоска проходит, он сводит новые знакомства и понемногу перестает думать о семье своей.

Новые знакомцы приходят к нему в гости или зовут к себе, а там — водка, шутки, смех и... помилуй Бог, если в среде новых знакомых окажется одна из тех порочных женщин, которые потеряли стыд и совесть, которые сами утопают в блудном грехе и других влекут за собой!.. Вот такие-то женщины и бывают орудием дьявола к гибели неопытных душ. Что ей до того, что она губит счастье целой семьи, соблазняя слабого, неопытного человека на грех? У нее одна забота: как бы покрепче привязать этого несчастного к себе, чтобы потом он не мог отвернуться от нее, не мог бросить ее... И вот тут-то и прибегают развратная прелестница к клятве, как верному средству связать совесть того, кто попал в ее погибельные сети. Она требует, чтобы тот поклялся ей именем Божиим, что никогда ее не бросит, а чтобы сразу убить в нем всякую жалость к жене и детям, она требует, чтобы он поклялся никогда не видеться с женой...

Какая ужасная богопротивная клятва! И сколько сатанинской хитрости, сколько жестокости показывает эта клятва в той, которая ее требует от своего любовника! А он, несчастный, в минуту упоения вином или греховной страстью давший такую клятву, уже считает грехом нарушить ее, уже думает, что нет возможности поправить дело и искупить свой грех иначе, как только буквально исполняя данное в клятве греховное обещание!.. А ту священную клятву, которую он дал пред алтарем Господним при бракосочетании со своей законной женой, он забыл уже, а если совесть заговорит о ней, напомнит ее, то прелестница и тут найдет ему мнимое оправдание: "Тебя-де венчали, когда ты почти ребенком был, ничего не понимал, почти силой: какой это закон? А я тебя люблю — любовь выше закона!"

Просто не верится, чтобы могли быть такие безбожные женщины-изверги! А они есть, и они губят многих наших честных, добрых сердцем простецов, увлекая их в разврат и связывая богохульными клятвами... Есть немало таких развратниц, особенно в наших столицах. И сколько горя терпят от них эти несчастные молодые люди, не смея изменить данной им клятве!..

Законная жена всегда пожалеет своего мужа, а эти женщины-изверги готовы обобрать своих возлюбленных дочиста, спаивают их, сами пьянствуют с ними и на их счет; мало того, не допускают их до Святого Причащения по нескольку лет кряду, из опасения, что священник на исповеди разъяснит им, что их клятва сама по себе есть грех, что ее надо не

исполнять, а покаяться в ней, как в тяжком грехе, что надо бросить греховное сожитие блудное и испросить прощение у своей жены-мученицы...

И вот ведь что особенно прискорбно: иной мужчина сердцем страдает, всей душой желал бы избавиться от своей мучительницы, но и подумать о том не смеет ради данной им клятвы. А что бы ему спросить отца своего духовного: как тут быть? Что делать? Как греха избыть и душу умиротворить? И сказал бы ему отец его духовный: «Брат мой, жаль тебя, что ты находишься в сетях вражиих. Твоя клятва есть богохульство одно: подумай, в чем ты клятву дал? В том, что обещался грешить до смерти? В том, что обещал быть изменником той священной клятве, которую ты произнес в церкви Божией пред Святым Крестом и Евангелием, что будешь любить и жалеть свою, Богом данную тебе, жену? А теперь что? Теперь ты поклялся, что не хочешь ее любить, что отрекаешься от нее? Но ведь это все равно, что сказать: "Я, Господи, клянусь, что не хочу знать Твоих святых заповедей, что отселе буду не Тебе, Богу моему, служить, а врагу Твоему — дьяволу, который радуется всякому беззаконию... Будь, Господи, свидетелем, что я так буду делать отселе... Отрекаюсь от Тебя и от Твоего святого Закона, которым Ты связал меня с женой моею в Святом Таинстве брака!"...»

Не богохульство ли это? Знай, брат мой, что я охотно, как иерей, данной мне от Господа Бога властью прошу и разрешу тебя от этой неразумной клятвы твоей, и Бог не поставит тебе во грех нарушение ее, как не поставил Он во грех, а напротив, поставил апостолу Петру в добродетель, что он покался после своего клятвенного отречения от Него. Покайся же и ты. Пожалей свою несчастную, горем измученную жену, своих деток бедных! О, сколько радости, сколько счастья ты принесешь в свою несчастную семью, когда придешь и скажешь жене: "Прости меня, родная, Бога ради! Не поминай моего безумия, покрой мой грех своею любовью!" И она простит, она покроет, она будет любить тебя по-прежнему. А та, разлучница, пусть она, если не хочет покаяться в своем тяжком грехе, пусть она бранит тебя, пусть проклинает тебя,, как изменника: сия клятва ее на нее же обратится...

Вот что скажет отец духовный такому человеку. И хорошо сделает такой человек, если послушается. Если же нет, то клятва его будет клятвою Ирода нечестивого. И будет он отвечать за такую клятву Богу, как Ирод, убивший Господня Предтечу, а его сожительница будет подобна дочери Иродиадиной, испросившая в награду за свою пляску честную главу великого Пророка и Крестителя Христова. Аминь.

734. Небесный покровитель Русских Царей

«Познай свою братию, российский Иосифе, не в Египте, но на Небеси царствующий!»

Тропарь святому Александру Невскому

Кто сей избранник Божий, которого Святая Церковь именует российским Иосифом? Это святой благоверный великий князь Александр Невский. Он подобен был древнему оному Иосифу прекрасному и красотой телесной, и разумом, и всеми прекрасными свойствами своей святой души. Чем был Иосиф для народа еврейского в чужом для него Египте, под властью фараонов, тем был Александр для народа Русского в родной своей земле, под владычеством татар. Он был еще юношей, когда Русскую землю посетил великий гнев Божий — страшный голод: сначала люди ели мох, древесную кору, потом стали есть всякую нечисть; родители продавали детей в рабство, чтобы только добыть себе хлеба; брат брату, отец сыну, мать дочери отказывали в куске хлеба. Люди обращались в голодных зверей: обезумев от голода и отчаяния, несчастные не гнушались есть человеческие трупы, а некоторые доходили до такого неистовства, что нападали на живых людей, резали и пожирали их... И вот, в сие-то ужасное время юный Александр Ярославич научился быть "сиротам и вдовицам заступником, беспомощным помощником", не жалел себя, чтобы облегчить чужие страдания, и "не изыде из дому его тогда никто же тощ", подобно тому, как никто не уходил и от ветхозаветного Иосифа без хлеба во время семилетнего голода.

Страшна была сила татарская для бедной Руси того времени, нечего было и думать бороться с ней тогда. И лучше всех своих современников понимал это наш благоверный Александр: он не стал раздражать грозных завоевателей бесполезным сопротивлением. Напротив, своей мудростью, своим смирением и покорностью, своим ласковым обращением и богатыми подарками достиг того, что Россия сохранила власть своих князей, что ей оставлены были ее родные законы, что татары оставили в покое Святую Церковь Православную — это заветное сокровище Русской земли. И князья Русские удержали право войны и мира без всякого посредства ханов и их сановников. Пять раз на своем недолгом веку побывал святой князь-труженик в Орде, у монголов, и один раз даже в глубине Азии, у истоков Амура. Нельзя и представить себе, сколько трудов стоили тогда эти путешествия, продолжавшиеся иногда по целому году. Несколько тысяч верст нужно было переезжать — то по болотам непроходимым, то по странам, разоренным татарами, то по степям, населенным дикими кочевниками, или же покрытым сыпучими песками. И каждый раз надобно было прощаться с родной землей, с родной семьей, прощаться навсегда, предавая их и себя в руки Божии... Не так трудно было ветхозаветному Иосифу ходатайствовать за братьев своих перед фараоном Египетским, как нашему родному Российскому Иосифу — великому князю Александру Ярославичу отстаивать родную землю Русскую перед могущественными тогда ханами татарскими. Но с одними ли татарами приходилось ему иметь дело? Нет; не раз защищал он землю Русскую от Литовцев и разных финских племен, не раз смирял он и гордых упрямых Новгородцев. А кто не знает о его славной победе над шведами на берегах Невы, о той победе, за которую благодарное потомство усвоило ему прозвание Невского? А знаменитое

Ледовое побоище на Чудском озере, когда наш Александр Ярославич разбил наголову немецких рыцарей? Ведь эти славные победы и одоления, одержанные им при помощи небесной, надолго избавили Русскую землю от дерзких покушений Римского папы и его слуг, которые пытались совратить русских людей в веру латинскую. Ведь не будь этих побед — кто знает? Может быть, Русская земля заразилась бы тем же тлетворным духом латинства, который загубил ее родную сестру — Польшу, а это было бы таким великим несчастьем, в сравнении с которым самое иго татарское есть милость Божия... Вот почему летописцы, современники Александра Невского, говорят о нем с восторгом и глубоким благоговением. "Как я, недостойный и многогрешный, дерзну написать повесть об умном, кротком, смысленном и храбром великом князе Александре Ярославиче!" — восклицают они.

Даже иностранцы, посещавшие тогда Россию, не могли не отдать дани уважения ее славному князю: "Прешед многи страны и языки, — говорит один из них, — и видех многи цари и князи, и нигде же такового красотою и мужеством не обретох, ни в царех царя, ни в князех князя, якоже великий князь Александр"...

Как яркий светильник горел в нем явно для всех дар Божий — печать Божия избрания, и этим-то даром Божиим все любовались в нем. Он был славой русского народа, его надеждой, его утехой и похвалой. "Братие мои, зашло солнце земли Русской!" воскликнул первосвященник, возвещая его кончину, и весь народ зарыдал по нем, все оплакивали его, как своего земного ангела-хранителя. Зависть и злоба, эти самые горькие отравы жизни, не находили места в его чистом сердце, исполненном доброты, кротости, сострадания, всепрощения. Дивный, озаренный лучами святости, образ истинно русского человека из глубины минувших веков встает перед нами в лице святого Александра: светлый, практический ум, широта взгляда, могучая воля, беззаветная преданность своей родине, искренность и задушевность чувства, благородство и великодушие, неизменно бодрое и трезвенное настроение духа, беспредельная любовь к Богу — вот те светлые черты, которыми изображается сей наш Российский Иосиф — благоверный князь Александр Ярославич! Вот почему благоговейно чтит его наш православный народ, вот почему наши благочестивые цари издревле почитают его своим небесным покровителем и молитвенником! Великий Петр, основав свою Невскую столицу, на берегах той реки, имя которой на веки стало связано с именем святого Александра, перенес в нее, как бы в залог Божия благословения к новому стольному граду Русской земли, святые мощи Александра и, поручая свой град его молитвам, основал славную Лавру Невскую как место достойного покоища для великой святыни: его нетленных мощей. И с тех пор все наши благочестивые цари во всех обстоятельствах жизни — и скорбных, и радостных — притекают в эту Лавру, к святым мощам своего небесного заступника, и вот уже третий император носит славное имя Александра, свидетельствуя тем, что в этом древнем русском

князе наши цари видят и для себя и для своего народа высочайший образец любви к Богу и к родной русской земле. И кто не скажет, кто не сознается, что светлый образ князя-подвижника отображается на венценосных носителях его святого имени?... Не будем говорить теперь о достославных императорах — Александре Благословенном и Александре Освободителе, в вечность отшедших; для нас, сыны великой Русской земли, довольно сегодня произнести одно превозделенное для нашего сердца имя ныне царствующего Государя Императора Александра Александровича, чтобы с глубоким благоговением перед благостными судьбами Божиими, с трепетом истинно по-русски любящего сердца сказать: воистину жив среди нас дивный образ древнерусского великого князя-подвижника в лице нашего боговенчанного Царя. Не сомневаюсь, братие, что когда я изображал перед вами в кратких чертах светлый нравственный облик Александра Ярославича, многие из вас с любовью обращали свой мысленный взор на тезоименитого ему благочестивейшего нашего Государя Императора. Но черты сходства идут далее душевных свойств их. Вспомним, что наш возлюбленный Государь вступил на праотеческий престол по смерти старшего брата своего, который умер во цвете лет, оставив обрученную ему невесту и уготованный ему царский престол... То же самое мы читаем в житии святого Александра Невского: не думал он о чести великокняжеской; у него был любимый старший брат Феодор, который был уже и с невестой обручен: "свадьба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позваны, и быть в веселия место плач и сетование": Феодор Ярославич умирает... И Александр Ярославич становится законным наследником престола великокняжеского.

Припомните, братие, недавний голод, по грехам нашим посетивший многие области нашего Отечества: кто мощной рукой подал хлеб алчущим миллионам сынов родной земли? Наш возлюбленный, благочестивейший Государь Император. Он явился подражателем своего небесного покровителя и молитвенника.

Не другому кому, а ему именно привел Бог положить начало и тому великому железному пути, который достигнет пределов отдаленных степей, куда ходил некогда Невский герой на поклон ханам ордынским, а теперь этот путь, даст Бог, понесет туда плоды христианского просвещения и будет полудиким народам говорить о славе имени Христова и могуществе Царя православного... И что говорили иностранцы о святом князе Невском, то не повторяют ли и теперь все народы о нашем благочестивейшем Государе? Не гремит ли имя его во всех концах мира, как имя могучего миротворца, мудрого Царя, перед которым невольно склоняются головы завистников, как сам он смиренно и добровольно склоняет свою венчанную главу пред Царем царствующих...

Возблагодарим же Господа, братие мои, в сей светлый день Царев, за то великое, несказанное счастье, какое мы имеем в лице своего богохранимого Царя, и помолимся, да почивает выну Божие благословение на нем и на всем

царственном семействе его, по молитвам его небесного заступника и покровителя, святого благоверного князя Александра Невского. Аминь.

(Слово, произнесенное в Троицкой Сергиевой Лавре 30 августа 1894 года)

735. У колыбели новорожденного младенца

1.

Ныне, в день Рождества Пресвятой Богородицы, предложу вам, друзья мои, слово о нашем рождении. Рождение каждого из нас событие столь важное, что стоит внимательно подумать о нем. «На Тебе утверждался я от утробы; Ты извел меня из чрева матери моей; Тебе хвала моя непрестанет» (Пс. 70; 6), — так когда-то восклицал царь и пророк Давид, размышляя о судьбах своей жизни. Ты, Господи, извел и каждого из нас из утробы матерней: Тебе хвала наша непрестанная!..

Рождение человека — это великое чудо природы, или правильнее, это великое чудо могущества, мудрости и благости Творца нашего. К сожалению, люди привыкают ко всему: великое для них от времени и привычки становится обыкновенным. Часто люди так относятся и к своим рождениям, несмотря на то, что иногда и празднуют дни своих рождений. Родился человек в мир!.. "Что ж тут особенного? — скажут: — дело обыкновенное"... Между тем рождение, по своей таинственности и многозначительности, не ниже чуда воскресения, которое для некоторых кажется столь великим до невероятности. Как зажегся во мне луч жизни? Как из ничтожества образовался состав мой в его разнообразных частях и видах? Как душа моя сочеталась с телом? Как поддерживалась, развилась и укреплялась во мне эта дивная двойственная жизнь духа и тела? Как не угасла эта жизнь в живой могиле? Как явилась эта жизнь на свет Божий?.. Это дело — достойное только Твоей премудрости и благости, Творец Всемогущий! Дело Твоего всемогущего творчества, значит, и донныне продолжается, Господи, на наших глазах, для Твоей славы...

Человек родился в мир!.. Радуются этой вести прежде всего родители дитяти: сохранилась жизнь матери и явилась новая жизнь — жизнь дитяти. Радуются вместе с тем и родные, для которых прибавился в среде их еще один семьянин — брат ли то, или сестра. Радуются и все окружающие новорожденного, для которых явился еще согражданин, соратник и прочее, и прочее. Приносятся более или менее теплые поздравления родителям с их новорожденным; родители принимают эти поздравления с радостью и благодарностью. Но за этот дар, прежде всего подобает прославление и благодарение Тебе, Всевышний Подателю жизни! Не только родители новорожденного и окружающие его, не только сам новорожденный во все время жизни своей обязан благодарить Господа за явление новой жизни на свет Божий, но и все силы неба и земли должны прославлять Господа за Его

милости и все Его совершенства, являемые в каждом новорожденном человеке.

Новорожденное дитя... Сколько отрадных дум вызывает оно в каждом мыслящем человеке!.. Не говорю об отце с матерью, для которых новорожденное дитя — дорогое сокровище, предмет самой нежной любви, самых сладких мечтаний. В колыбели спит с самыми слабыми признаками жизни и как будто безнадежное существо; но этот малютка — будущий отрок, будущий бойкий и резвый юноша, полный бодрых сил; будущий муж — отец семьи, продолжатель рода; будущий старец, убеленный сединами мудрости... Слабое и беспомощное существо спит в колыбели; но эта малютка — в будущем резвая девочка, цветущая девица, мать семьи, почтенная старица... В этих колыбелях спят будущие труженики мысли и дела, будущие честные граждане, храбрые воины, знаменитые ученые и прочее, и прочее. В этих колыбелях — дети Отца Небесного, предназначенные для вечного блаженства, для которых приходил на землю Сам Сын Божий, страдал и умер за них и которым предоставил все благодатные средства для вечной и блаженной жизни... В этих скромных колыбелях, в этих бедных слабых существах — сколько задатков будущего, великого и славного! Слава и благодарение Тебе, Всевышний Подателю жизни, за эти дивные дела Твоей силы, премудрости и милости, являемые в рождениях наших! Жизнодавче Боже наш, слава Тебе, слава Тебе во веки!.. Аминь.

2.

Появился на свет Божий новорожденный младенец: торжество и радость в доме его родителей, которых все поздравляют с милостью Божией, с новорожденным дитятею. Но, как и все на свете бывает, и тут к радости присоединяется уже забота для родителей. Новорожденное христианское дитя обыкновенно прежде всего осеняют крестным знаменем, а при крещении прежде всего на него возлагают крест. А это уже и есть видимые знаки того, что дитя с самого рождения своего бывает крестоносцем: оно и в самом себе носит, и в окружающей его среде находит зачатки болезней и скорбей. Да, новорожденное дитя — это предмет не только торжества и радости, но и предмет грусти и скорбей.

Скоро проходит светлое торжество отца и матери, обрадованных появлением на свет Божий их новорожденного младенца. Всматриваются они в своего новоявленного семьянина, вдумываются в его положение — и невеселые думы темными тучами носятся пред их взорами. А тут еще слышится и жалобный крик новорожденного. "Что ожидает тебя в будущем, ненаглядное дитя наше? Вырастешь ли ты, и на радость ли нам вырастешь? — думают про себя отец и мать. — Ты так слабо и беспомощно, ты так впечатлительно и нежно, что малейший недосмотр за тобою, лишний глоток пищи, какая-нибудь тончайшая струя воздуха могут сразить тебя вконец. Да и много ли значит самый бдительный, самый разумный уход и всевозможные предосторожности в уходе за детьми, когда есть так много тончайших,

неизведанных причин, разрушающих жизнь детскую, особенно в ранние детские годы.

Ведь говорят же, что до пятилетнего возраста умирает целая четверть новорожденных, а до десяти лет — половина, при самом усердном уходе за ними. Сколько есть так называемых повальных болезней — этих страшных бичей жизни человеческой!"... Вдумается во все это мать и плачет над колыбелью своего новорожденного. Она трепещет за его будущность, если еще и самое настоящее не причиняет ей горя. Сколько проведет она бессонных ночей, сколько прольет горьких слез, пока ее малютка не поднимется на ноги, пока сколько-нибудь не окрепнет он для борьбы с окружающими невзгодами...

Прибавьте еще к этому, что уход за детьми требует и немалых вещественных издержек, а издержки эти стоят немалых трудов и огорчений. Прибавьте к тому еще, что уже с самого раннего возраста в детях начинают развиваться дурные наклонности, которые чтоб остановить и пресечь во время, требуется и немалого терпения и большого умения; а если эти дурные наклонности разрастутся в дитяти, то они бывают тягостны для детей и в высшей степени неприятны для родителей. Представьте все это и подобное, — и вам откроется картина того тяжелого креста, который приносят дети и для себя, и для других с самым появлением своим на свет Божий.

И мы, друзья мои, переживали те тяжелые дни и годы, в которые жизнь наша была тяжелым крестом для наших родителей. Бог миловал: под тяжестью этого креста многообразных опасностей нашего детства мы не пали, а родители наши, по свойственной им родительской любви к нам, и забыли про то горе, которое они перенесли от нас в годы нашего раннего детства. Возблагодарим же Господа за великую Его милость, явленную нам в сохранении жизни нашей, тогда так почти без всякой видимой причины гибли вокруг нас десятки жизней наших сверстников на заре их жизни. Будем благодарны, друзья мои, и нашим родителям за их неусыпные попечения о нас, особенно в трудные годы нашей слабой, беспомощной, исполненной всяких опасностей жизни. Воздадим добрым нашим родителям за их добро, оказанное нам, тем более, что они свое благо и свое счастье рассчитывали и рассчитывают найти только в нашем благе и нашем счастье... Аминь.

(Два поучения на праздник Рождества Пресвятой Богородицы протоиерея П. Троицкого)

736. В чем лучшее наследство для детей?

В житии старца Зосимы, основателя Одигитриевской Зосимовой пустыни, что в шестидесяти верстах от Москвы, есть такой рассказ:

У родителей Зосимы было много детей. Трое сыновей, из коих Зосима, в миру именовавшийся Захарией, был младшим, служили офицерами гвардии в

Петербурге, а отец их был воеводою в Смоленской области. Братья были в столице, когда получили весть о смерти отца. Их любящие сердца горячо рвались ко гробу отца и к пораженной горем матери, но они не смели ехать домой, пока не получили от матери письма, в коем она звала их к себе и приказывала всем им взять продолжительный отпуск для устройства имения. Три брата прибыли в дом родительский. Отец был уже похоронен. После первых дней печали и слез, мать призвала к себе всех сыновей и сказала им: "Вы видите, дети мои, как я уже стара и слаба здоровьем; недолго мне остается жить; я желаю, чтобы вы, пока я жива, на моих глазах разделили все имение; тогда я умру спокойно, зная, что все вы останетесь без меня в мире и любви между собою: ведь раздоры бывают большей частью из-за имущества". Добрые дети, воспитанные в страхе Божиим, желали исполнить волю матери как волю Божию; испросив ее благословение, они хотели уже приступить к делу. Но мать предложила им попросить в посредники дядю их, ее родного брата.

"Нет уже, матушка, отвечали сыновья: позвольте нам, чтобы только ваше благословение и братская любовь были между нами посредниками; других нам не нужно. Будьте покойны: мы не обидим друг друга". Мать помолилась, благословила их и они приступили к делу. Мать ничего себе не взяла; три сестры, выданные в замужество, были награждены еще отцом; три не выданные замуж сестры-девицы получили свою долю тоже еще при отце. Значит, надобно было делиться только троим братьям. Братья занялись расписанием всего имущества в большой комнате, отдельной только одной перегородкой от той комнаты, где была их мать, так что она могла все слышать, что говорят между собою братья. Прислушиваясь, как происходит раздел между братьями, мать крестилась, со слезами тихо благодаря Бога, что так мирно и братски идет дело между ее сыновьями. Почти все уже было кончено, как вдруг мать слышит шум и спор между детьми. Филипп, возвышая голос, с твердостью говорит: "Я старший, я хочу взять один". — "Я не уступлю тебе", — прервал его с горячностью Илия, — половина принадлежит мне, а меньшему не дадим". — "А я разве не сын, не такой же наследник?" — скорбно возражал Захария.

Испуганная такими спорами мать поспешно входит и со слезами говорит им: "Вот, дети, не советовала ли я вам пригласить дядю в посредники?" Дети все с почтительностью встали перед нею и сказали: "Нет, матушка, теперь уже вы сами будьте посредницей между нами и решите наш спор. Я всех старше, — говорил Филипп, — я один и хочу взять на себя батюшкин долг; он не слишком велик и мне не будет тяжело это священное бремя". — "Оно будет еще легче и приятнее, если мы разделим его пополам", — прервал Илия. — "За что же вы меня хотите лишиться участия в этом священном, как сами говорите, бремени, — сказал Захария, — разве я недостойный сын моего достойнейшего родителя?"

Глубоко тронута была счастливая мать такой любовью своих детей к памяти почившего родителя; со слезами поверглась она пред иконою

Богоматери, потом стала обнимать и ограждать крестным знаменем своих добрых сыновей и решила их спор так, чтобы родительский долг все трое разделили на равные части. Так примерно и дружески разделились эти редкие братья. Пока делили они имение, все было между ними тихо, согласно и любовно; каждый старался лучше уступить другому, а когда дело коснулось долга родительского, то вышел спор, поистине достойный удивления.

Счастливы родители, которым Бог дал таких добрых детей! Не есть ли такие дети — награда им самим от Господа Бога? Ведь если бы не воспитывали они своих детей в страхе Божиим, то не видеть бы им и такой любви от них...

Апостол Христов Павел пишет: Не должна бо суть чада родителем снискати имения, но родителе чадом (2 Кор. 12; 14). И неразумные животные заботятся о своих детях: человеку ли разумному, носящему на себе образ Божий, не иметь попечения об участи своих детей? Но и доброе дело тогда только бывает добро и Богу угодно, когда делается с рассуждением. Хорошо заботиться о том, чтобы дети были и сыты, и одеты, и обуты; но такая забота еще не есть великая христианская добродетель. Так заботятся о своих детях не только добрые христиане, но и дикари, Бога истинного неведущие. Этому учит, этого требует сама природа. А вот что особенно приятно Господу Богу: если ты, христианин, воспитывая своих детей, постоянно помнишь, что они — дети Божии, что поэтому надобно воспитывать их в страхе Божиим, как будущих граждан Царства Небесного. А это-то, к несчастью, часто и забывают в наше суетное время. У иного только и заботы, как бы побольше скопить денег, накупить имений, чтобы его дети после него ни в чем нужды не терпели, как говорит он. И думает, что хорошо и разумно поступает он, что готовит он детям своим счастье в жизни. О, как часто ошибаются такие родители в своих надеждах! И вот что удивительно: иной сам ходит в лаптях, морит себя голодом, ухищряется всеми путями, и честными и бесчестными, нажить деньги, а о детях заботится: с чем они после него останутся? Да с чем ты сам-то остался после своего отца? Много ли он тебе оставил в наследство? Ведь сумел же ты нажить себе состояние; пусть и дети твои сами пробивают себе дорогу в жизни, лишь бы трудились честно, ближнего не обижали, чужого добра не трогали, а Господь благословит их и будут они не беднее тебя, да еще будут счастливее тебя: тебя, может быть, совесть иногда мучит, когда ты припоминаешь обиды, нанесенные тобою ближнему, а у них будет совесть спокойна, если будут Бога бояться и ближнего помощью не забывать. А вот горе: если ты оставишь им богатство, а они из-за этого богатства между собою перессорятся; если богатство твое пойдет прахом по лицу земному; ведь что дешево досталось, то недорого и ценится. Разве мы не видим на каждом шагу, как отцы наживают, а дети проживают; отцы ночи не спят, как бы нажить побольше, а дети ночи проводят за картами и отцовские денежки по ветру пускают; отцы и в праздник сидят за прилавком: и церковь Божию забывают в заботах о стяжаниях, а дети и в будни по театрам да

разным увеселительным заведениям гуляют и отцовскими денежками щедро расплачиваются... Несчастливые родители! Ужели вы не видите, что во всем этом не время, как жалуетесь вы, а именно — вы, сами вы виноваты кругом! Чему научили вы своих детей? Водили ли их во храм Божий в то время, когда они были младенцами, отроками, юношами? Не держали ли около себя за тем же прилавком, за которым и теперь вы сидите так неуютимо, воображая, что дело доброе делаете, что не грешно и в праздник Господень сидеть тут: "Так уж-де заведено, тем живем, от того-де питаемся!.." И не знали дети ваши тех благодатных утешений, которые особенно бывают так живы, так благотворны в детстве, когда дети молятся в храме Божиим, когда добрые родители их детской рукою подают милостыню, их рукою ставят свечи перед святыми иконами, опускают свою жертву в кружку церковную... Не знали они, бедные дети ваши, той сладости, какую испытывает доброе сердце, когда человек помогает ближнему, сироте беспомощному, когда делится своей долей с беднотою и нищетою людскою... Нет, вы не познакомили их с этими чистыми, святыми радостями; что же удивительного, что они ищут грешных радостей, и против вашей воли, против желания вашего, расточают собранное вами достояние? Что грех таить? Бывает, что они не довольствуются уже тем, что берут прямо из ваших рук, а уже сами, тайно от вас, берут, проще сказать — у вас же воруют на эти грешные удовольствия. Воруют сначала понемногу, потом больше, и доходит иногда дело до того, что несчастный отец однажды получает повестку в суд: его дети наделали долгов от его имени и отказались платить: отец-де богат — заплатит; или исполнили отцово поручение не по совести, а отец за них отвечай! Радуйся, отец, на своих милых деток! Ты ничего не жалел, чтобы собрать им богатство, а они вот тебе чем платят! Еще не закрыл ты глаз своих, не уложили тебя в сырую землю, а уже насмеялись над тобою — твои же детки любимые! Но кто же, кто виноват в этом? Ты не позаботился вложить в душу детскую страх Божий — вот сын и тебя знать не хочет. Ты думал купить ему счастье ценой золота, богатством оградить его от житейских невзгод: смотри, как непрочно такое мнимое счастье, как ненадежно богатство твое! Не христианина ты воспитал, а язычника, не человека, а сластолюбивое, неблагодарное животное... Жестоко слово сие, братие мои, но кто не видит, что оно справедливо? Не копи же, христианин, богатства детям своим: учи их жить по-Божьи, а богатство, если оно не вредно им, само к ним придет — Бог его пошлет им! А если судит им Бог и в бедности пожить, то ведь воля Божия все же лучше всякого нашего человеческогомышления: отдайся сам и отдай детей своих в руки Божии! Не заботься о том, сколько оставить им имущества: позаботься о том, чтобы душа их была богата любовью к Богу и ближнему, богата живой верой в Промысл Божий, упованием на Бога и желанием угождать Богу. Вот и будут они счастливы на всю жизнь здешнюю, и через здешнюю жизнь достигнут жизни будущей — вечной и блаженной... Аминь.

737. Крест Христов — наше оружие на врагов

«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко!»

Достоин и праведно поклоняться Кресту Христову, ибо сим благословенным древом была умерщвлена смерть и дарована жизнь. Древом райским мы были умерщвлены, а древом крестным оживотворены; первым изгнаны из рая, вторым восходим на небо; первым нас победил враг, вторым мы побеждаем врагов наших: посему достойно всякого почитания сие древо благословенное. Если в большом почете хранилось в храме Соломоновом то оружие, которым Давид обезглавил Голиафа, то тем большего почитания и поклонения достойно оружие крестное, которым Христос не человека, но диавола, сего адского Голиафа, со всем его воинством победил. Думал гордый Голиаф, что уже нет во Израиле человека, который мог бы его одолеть, и однако же, к большому стыду своему, был обезглавлен юным и кротким Давидом. Так и прегордый диавол думал, что никто его не может одолеть: он всех людей побеждал — от Адама и до Христа, он и святых людей ветхозаветных низводил в темницы адские, но распялся на древе крестном Христос Господь и яко кроткий Давид Своим распятием победил его. Человек безоружный не может противиться вооруженному: куда тот его повлечет, туда он и идет, что прикажет делать, то и делает; вот также до Христова пришествия люди не могли противиться диаволу, потому что не имели оружия крестного. Весь мир поклонялся тогда идолам, кроме избранного народа Божия, да и в этом народе многие впадали в идолопоклонство. А когда Христос Господь распялся на древе крестном, то все идолы пали, бесы вострепетали, люди обратились к вере Христовой: уже не приносят они бесам в жертву своих сыновей и дочерей, но приносят истинную жертву Богу истинному, как Творцу и Создателю своему. Правда, что в Церкви первенствующей христиане имели всякую ревность и любовь к Богу: какие труды, какие подвиги несли ради любви к Богу святые Апостолы, святители, преподобные и особенно мученики! А ныне охладела в сердцах человеческих любовь по слову Христову: за умножение беззакония изсякнет любви многих (Мф. 24,12), а где нет любви, там нет и страха Божия. Многие, например, приходят в церковь не затем, чтобы молиться Богу со страхом и трепетом, а затем, чтобы заниматься разглагольствованием: стоит человек, оглядывается туда и сюда, держит себя так неприлично, как порядочный человек не станет вести себя в доме соседа. Когда человек входит к царю, то с каким страхом он входит! Посмеет ли он оборачиваться туда и сюда, смеяться, бесчинствовать или с кем-либо разговаривать, когда говорит с царем или просит его о чем-либо? Так и должно быть: если бы он стал бесчинствовать пред лицом царя, то, пожалуй, поплатился бы за то головою. Но вот он приходит к Богу, Который есть Царь над всеми царями, и нисколько не страшится. Боятся люди человека, который может убить тело, и не боятся Бога, Который душу и тело может ввергнуть в геенну огненную, не боятся Того, Кто может на том самом месте, где они бесчинствуют, повелеть

земле разделиться и поглотить их, как Дафана и Авирона. Или они думают, что Бог не может гневаться? Но мы хорошо знаем, что Христос Господь никогда так не был разгневан, как прогневался Он на бесчиние в храме: никого во всю жизнь Свою не бил Он, но когда увидел, что люди занимаются в церкви торговлей и разными бесчинствами, тотчас сплел бич из вервий и изгнал из церкви всех бесчинствующих, возглашая с великой ревностью: «Дом Мой дом молитвы наречется, вы же сотвористе его вертеп разбойником!» (Мф. 21; 13). О Христе Спасителю! Если бы Ты и ныне вошел видимо в церковь Твою, если бы увидел, как там бесчинствуют: пощадил ли бы Ты кого-нибудь?.. Велико бесстрашие и ныне в церкви! Где повидаться с кем-нибудь? — В церкви. Где поговорить? — В церкви. Где поздравить друг друга, спросить о жене, о детях и о прочем? — В церкви. Будто церковь на то и построена, чтобы в нее сходились люди для разговоров, а не для молитвы Божией. Учит нас сама Церковь Божия, как должно стоять в храме: в храме стояще славы Твоя, на небеси стояти мним, — то есть в церкви каждый христианин должен стоять так, как бы он не знал, где стоит: дабы тело его было в церкви, а умом он был на небе и молился бы так, как на небе молятся. А как молятся на небесах? Это скажет нам святой Иоанн Богослов: «...бысть безмолвие на небеси» (Откр. 8; 1), то есть великая тишина, все молчат, все со страхом предстоят престолу Божию. «И двадесять и четыре старцы подоша пред Агнцем» (Откр. 5; 8) падают и поклоняются престолу Божию.

Пророки Исаия и Иезекииль видели, с каким страхом предстоят пред Богом Херувимы: они двумя крылами закрывают лица свои, двумя — ноги свои и двумя летают. Это покрытие лица и ног, по толкованию святых Отцов, означает великое их благоговение перед Богом. Так бы подобало молиться и каждому человеку, имея пред очами своими пример Херувимов, как поучает святой Златоуст: "сие помышляй, человече, востани, оставь землю, взойди на небо: и ты стоишь с Серафимами, и ты поешь с ними. Если ты молишься Богу, если ты славословишь Его, то ты уже стоишь на небе между Серафимами, с ними и ты распростирай крила, с ними и ты летай около престола Царева".

Так ли мы братие молимся? Или только бесчинствуем?.. Где Херувимы со страхом взывают: Свят, Свят, Свят Господь, там — один празднословит о купле и продаже, другой — о конях, иной еще о чем-либо неподобающем. Где Херувимы трепещут, там бранный человек стоит без страха. Где святые падают на лица свои, там грешник ведет себя дерзновенно. В Ветхом Завете, когда кто бесчинствовал близ кивота Господня или только касался его неблагоговейно, бывал казним смертью. А кивот Господень был только тенью престола Господня. Ныне на престоле сем Сам Господь Христос в Святых Тайнах Своих присутствует, и — о милосердие Его неизреченное! — Он не казнит бесчинствующих даже в святом алтаре! Лучше таковым и в церковь не ходить, нежели оскорблять Бога и другим препятствовать в молитве. Иной богобоязненный и хотел бы помолиться и услышать слово Божие, но не может: около него происходит суетное разглагольствие. Кому

же подобны те, которые и сами не молятся и другим мешают молиться? Думаю, что — диаволу... Иной скажет мне: "И рад бы я хорошо помолиться, да не могу: враг меня искушает к празднословию". Не оправдывайся, человече: ты сам виноват, диавол не может тебя насильно принуждать, если бы ты не желал: теперь уже диавол бессилен. До Христова пришествия он имел силу, потому что у людей не было оружия противиться ему, а теперь у нас есть крест Христов: только положи на себе крестное знамение — и он тотчас убежит от тебя. Он связан крестною силою, а если связан, то как может тебе повредить? Если же вредит — ты сам свяжи его, то есть положи на себе знамение креста Господня — и он будет связан. Влагает ли тебе в ум диавол худые мысли? Положи крестное знамение на челе твоём — и он убежит от тебя. Принуждает ли тебя обращать очи туда и сюда? Положи крестное знамение — и он удалится от тебя. Понуждает ли твой язык разглагольствовать! Крестом прогони его. Доносит ли до ушей твоих суетные слова других? Огради свой слух крестом Христовым. Это советует тебе и святой Иоанн Дамаскин, который говорит: "Крест дан нам в знамение на челе так же, как Израилю было дано обрезание. Крестом отличаемся мы верные от неверных, крестом знаменаемся, крест есть щит, оружие и одоление на диавола, это — печать, чтобы не мог прикоснуться к нам всегубитель". Подобное говорит святой Ефрем: "Да полагаем знамение Животворящего Креста на челе, на персях, на устах и на всех членах наших — им будем вооружать себя".

То же подтверждает и святой Златоуст: "Мы изображаем крест с великим тщанием и на челе, и в мыслях; не достаточно начертать его просто перстом, но прежде должно начертать произволением, с великою верою. И если так изобразишь его, не посмеет приблизиться к тебе ни один злой дух, видя тот меч, от которого он уже получил рану: если мы, видя места, где совершается казнь над осужденными, чувствуем страх, то подумай, что испытывает диавол и бесы, видя оружие, которым Христос сокрушил всю силу их".

Вот и вся Церковь сегодня воздвигает Крест Христов, чтобы и ты под сим знаменем воинствовал и побеждал врагов своих. И земного царя войны, когда держатся знамени, то крепче стоят против супостатов, и тот воин, который потерял знамя из виду, скорее погибает. И Константину Великому явилось знамение Креста на небе, когда он воевал против Максентия, и услышал голос: сим побеждай, и когда он приказал сделать изображение Креста на оружиях, тогда победил врагов. Так и нам сегодня является Крест Христов на небе церковном, чтобы и мы сим знаменем побеждали врагов своих и крепко его держались. Возносится и воздвигается Крест Христов, чтобы бесы ниспали и были побеждены, а мы восстали и стояли твердо. Возносится и воздвигается Крест Христов, чтобы мы, уязвленные жалом змииным — грехом, исцелились, взирая на него. Так и Моисей велел взирать умирающим от угрызения змииноного в пустыне на медного змия, вознесенного на древе, и те, которые взирали, исцелялись, а которые не

хотели взирать, умирали. Это был прообраз воздвигаемого ныне Креста Христова: кто взирает на него с верою, тот исцеляется от греха, а кто не хочет взирать, тот погибнет. Возносится и воздвигается Крест Христов, дабы мы, взирая на него, вспоминали страдания Христовы, которые Он претерпел ради нашего спасения, и благодарили Его безмерное к нам благоутробие. Воздвигается и возносится Крест Христов, дабы мы поклонялись ему и знали, чрез что мы получили спасение.

(Из творений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

738. Дружба (На день святого апостола Иоанна Богослова)

О дружбе хочу ныне беседовать с вами, братия мои, — о дружбе, пример которой дан всем нам Самим Спасителем нашим. Иисус Христос весь был любовь, всех людей без исключения Он любил; однако же и Он имел избранных любимцев, от них же первый — святой апостол и евангелист Иоанн Богослов, друг и наперсник Христов. Подобно Христу Спасителю и каждый из нас может иметь избранных друзей, хотя и заповедано нам любить всех людей без изъятия, как себя самих. Да, любовь братская ко всем — сама собой, а дружба — особое дело.

Конечно, чего бы лучше, если бы все мы были не только братски расположены друг ко другу, но и по всему были бы друзьями между собою, подобно тому, как это было в первые времена христианства, когда у всего общества верующих было, по слову Писания ...одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее (Деян. 4; 32). Но те времена давно прошли и едва ли когда возвратятся. Такое дружеское братство будет разве только в будущем веке — в блаженной вечности. А ныне и за то каждый благодари Господа Бога, если Он благословит тебя найти хотя одного-то себе друга, человека по сердцу, друга в собственном смысле.

К стыду нашему, надо сказать, что ныне и подобные-то примеры истинной дружбы стали большой редкостью, хотя — кто бы, кажется, в ней не нуждался? Для кого верный друг — лишний человек? Друг — это ведь — другой я.

Какая драгоценная находка — быть сам-друг во всех обстоятельствах жизни, жить душа в душу с тем, на кого я, как на себя во всем могу положиться. Верный друг, — говорит древний мудрец, — крепкая защита: кто нашел его, тот нашел сокровище. Верному другу нет цены и сравнить его ни с чем нельзя. Верный друг — лечебное пособие для жизни... (Сир. 6; 14-16).

"Верному другу нет ничего равноценного", — говорит и один из новозаветных подвижников, преподобный Максим (в "Слове о любви").

"Друг денег дороже", — говорит и народная мудрость. Вот что такое дружба. И однако же примеры дружбы истинной, нелицемерной так редки!

Отчего это? Конечно, от упадка в нас веры и благочестия. Согласитесь: какой можно ожидать верности от человека, для которого нет ничего святого на земле? Какого ждать уважения к святости дружбы от того, кто не привык никого и ничего уважать на свете и кто помешан на своих лишь выгодах. А таких людей ныне сколько на свете!.. Дружба — это высшая степень любви. А среди нас и обычная-то любовь, всем от Христа заповеданная, как мало проявляется! Что же удивительного, если товарищество и ныне между нами процветает (и еще как процветает!), а дружбы нет, и не видно, и не слышно? Правда, зваться друзьями — и ныне многие зовутся, но это или — друзья застольные, которые пока тебе счастливится, то они — второй ты, а как только станешь несчастен, они же против тебя, и спешат, по слову мудрого, скрыться от лица твоего (Сир. 6; 10-12), или — друзья только на худые дела. Это уж не друзья, а враги. "Искренний друг, — говорит святой Максим, — тот, кто в скорби, нужде и несчастьи, и во время искушения ближнего терпит с ним все это неизменно и великодушно".

Но если истинного друга так трудно найти, то как же надобно дорожить другом, если такой уже есть у кого! "Друга ищи, а найдешь — береги", — такова заповедь наших предков. Не оставляй старого друга, — говорит сын Сирахов (9; 12). Не покидай друга твоего и друга отца твоего, — учит Соломон (Притч. 27; 10). Ныне нередко слышны жалобы, что молодежь в мирских, например, делах и слушать не хочет стариков, отчего старики в иных деревнях перестали даже и на сходы являться. Потому и нет порядка в мирских делах. Да и повсюду ныне молодое поколение отличается своеволием, самонадеянностью и задором. Следует ли это терпеть? Дети никогда не должны пренебрегать советами родителей, а если нет родителей, то советами отцовых друзей. Старый друг, да к тому же и старик, лучше новых двух. Отцовы друзья — изведенные и опытные друзья, а юные — какие советники? Послушался таких молодых друзей сын Соломонов, не захотел послушать мудрого совета отцовых друзей — и потерял добрую половину своего царства. Какая надежда на таких советников? Пусть отцов друг и не согласится с тобою в чем худом, но кому не известно, что только "недруг поддакивает, а друг спорит? Тот и друг, кто предостерегает, а на худое — недруг". С таковым ниже ясти, — говорит Апостол.

Впрочем, если кому откроется нужда разорвать дружбу, то надо всегда это устраивать так, чтобы разрыв последовал, сколько возможно, без ссоры, без оскорблений, так — по-дружески же. "Бог с тобой, друг: не могу я с тобой больше дружбы водить", — скажи бывшему своему брату и другу, и при этом, само собою понятно, объясни, почему ты решился разорвать с ним дружбу. Почему знать: может быть, он лучше пожелает сам измениться, чем потерять твою дружбу. Прекрасное наставление относительно сего дает нам преподобный Максим: "Не будь скор на отвержение духовной любви. Кого вчера почитал за духовного брата и за добродетельного, не считай сегодня порочным и злым. Но, долго терпя любовию, вспомни вчерашние добрые твои о нем суждения и отложи от души сегодняшнюю ненависть".

Вообще, самое лучшее: во-первых, никогда не торопиться заключением дружбы, как говорили наши деды: "Не в три дня, а в три года узнавай друга"; во-вторых, если уж заключена дружба, то всячески поддерживай ее, да не будет отвергнутый друг хуже недруга.

А если у кого и нет друга по сердцу, зато у каждого из нас есть Друг на небе — Друг единственный, несравненный, неизменный, Господь наш Иисус Христос. Вы друзи Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам (Ин. 15; 14). Кто хочет иметь Божественного Друга, тот исполняй Его святые заповеди. Вот указание и того, с кем можно, а с кем нельзя водить дружбу. Кто готов вместе с тобой благоугождать Господу Иисусу исполнением Его заповедей, с тем и дружись. А кто не имеет к тому расположения, от такого человека держись подальше: он в друзья тебе не годится!..

Что может сделать христианская дружба

В Армянском городе Милитине жили два воина, Неарх и Полиевкт. Они жили очень дружно и любили друг друга, как родные братья. Однако же они были не одной веры: Неарх был христианин, а Полиевкт — язычник. Неарх часто жалел, что друг его, человек добрый и хороший, остается в идолопоклонстве, и всеми мерами старался обратить его ко Христу. Для сего он часто читал ему Святое Писание и рассказывал об Иисусе Христе. В одно время в Милитине был получен указ императора Декия, коим предписывалось казнить всех христиан, которые не поклонятся идолам. Неарх опечалился, что ему не удалось еще обратить ко Христу Полиевкта и что теперь ему придется расстаться с ним. Полиевкт заметил эту печаль и спросил его, о чем грустит он?

— Скорблю о разлуке нашей, — отвечал Неарх.

— О какой разлуке? Разве что может разлучить нас? — сказал Полиевкт. — Наша дружба неразлучна до смерти!

— Я христианин, — объяснил ему друг, — меня поведут на смерть за веру мою, а ты тогда оставишь меня: ведь ты — идолопоклонник.

— Друг мой, — отвечал с сердечным чувством Полиевкт, — ничто не разлучит нас. В эту ночь мне явился Иисус Христос, Которому ты служишь; Он снял с меня мою одежду и надел на меня другую, новую, красоты несказанной.

Неарх повеселел. "Это значит, — сказал он, что ты отбросишь языческие заблуждения и облечешься во Христа — познаешь Его!"

— А разве я уже не познал Христа? — сказал на это Полиевкт. — Разве не горело у меня сердце, когда ты мне говорил о Нем и читал Святое Евангелие? Отныне я хочу совершенно быть Его рабом и готов исповедать имя Его.

И он пошел на площадь и перед язычниками открыто исповедал имя Христово. Его стали мучить и осудили на смерть. Идя к месту казни, он

увидел в толпе друга своего Неарха и закричал ему: "Спасайся, друг! Не забудь о дружбе нашей!" — и радостно склонил он свою голову под меч...

(Из "Круга Поучений", протоиерея Белоцветова)

739. Святая радость о Боге Спасителе

«Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем» (Лк. 1; 46-47).

1.

Чудная песнь, восхитительная песнь, божественная песнь! Так и радуется сердце, когда поют ее. Видно, от большой радости воспета она. Да, действительно от большой радости. Ведь это — песнь Пресвятой Девы Богородицы: это Она так радовалась о Боге Спасителе, когда Он призрел на смирение Ее; это Она так величала Господа, вскоре после того, как приняла благовестие от Ангела. Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем! — Но, братие мои, эта песнь Богородицы воспета была Ею здесь, долу, на земле. Как же чудны, как восхитительны должны быть Ее песни там — горе, на небе, где Она зрит Своего Господа лицом к лицу... О, послушал бы тех горнех, небесных Ее песней!.. Послушал бы, как Она там вместе с Ангелами воспевает Господа и вместе со святыми радуется о Боге Спасителе! Послушал бы, как теперь там, подражая Ей, как Ликоначалнице, тысячи тысяч и тьмы тем голосов, разливаясь подобно морским волнам по беспредельному пространству, сливаются наконец в один радостный голос и составляют одну хвалебную песнь!.. О, какой чудный, восхитительный хор слышали бы мы!.. А придет время услышать; о, когда бы поскорее наступило это вожделенное время! Некоторые из нас, может быть, и сами присоединятся там к лику поющих: и, о если бы всех нас сподобил Господь молитвами Пресвятой Девы Богородицы!

Да, придет это вожделенное время. И почему не желать нам ускорения его? Не желать неба? Но разве мы не для неба сотворены? Разве не для неба мы здесь живем? Разве не на небо мы должны каждую минуту готовиться? Разве не для неба мы должны день и ночь трудиться?

Разве не на небо мы должны устремлять и ум и сердце? Горняя мудрствуйте, — пишет апостол Павел. Не желать неба? Да разве это естественно? Как же из темницы не желать на волю? Как же из мрака не проситься на свет? Как же в земле чуждой не плакать по стране родной? Увы мне, яко пришельствие мое продолжися! — взывал, и конечно не один раз, царь-пророк. Не желать неба? Но ужели это возможно, как подумаешь о том, что — там, на небе? Ах, ведь там наш сладчайший Иисус, прекраснейший из всех сынов человеческих; там наша Владычица, Пресвятая Дева Богородица, честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим! А сами Серафимы и Херувимы, Архангелы и Ангелы, а пророки, апостолы, святители, преподобные, мученики, о, ведь они все там, в Царствии Отца Небесного! Не желать неба? Да что же лучшего мы можем желать себе?

Разве желание неба не самое святое желание? Чем больше мы будем желать неба, тем меньше будем привязываться к земле (а нам вовсе бы к ней не надобно привязываться); чем чаще будем воздыхать о жилище святых, тем реже будем ходить в собрание грешников (а нам и никогда бы не надобно туда ходить); чем сильнее будем плакать о сладостях райских, тем противнее нам будут удовольствия земные. О Царице Небесная! Обрати все желание наше к небесному, возвыси всю нашу душу к горнему, истреби в нас всякую плотскую страсть, умертви всякую нашу привязанность к земле, что нам в этой земле? Она чужая нам страна. Небо наше родное отечество. О, там так хорошо, так светло, так отрадно, там такие чудные красоты, там такое восхитительное пение!

Будем, братие мои, будем больше желать неба, будем сильнее воздыхать о красотах вышнего Иерусалима, о песнях горнего Сиона.

Так, желание неба есть самое святое желание. Желай от всей души туда; только с терпением ожидай исполнения сего желания; радуйся, если бы скоро тебе нужно было оставить сей мир; только будь готов с радостью оставаться и здесь, если угодно святой воле Божией; желай скорее ко Христу, только желай со Христом и о Христе; желай чаще песней небесных, только не переставай на земле петь Господеви. И еще обращаемся к Тебе, Пресвятая Дево Богородице: мы никогда не перестанем к Тебе обращаться! Отверзи нам вход в Царствие Небесное, чтобы мы, спасенные Тобою, и там могли петь Твою чудную песнь: Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем. Аминь.

2.

И еще в основание моего слова возьму я песнь Богородицы: Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем! И еще повторяю я эту песнь: величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем! О, я непрестанно пел бы: величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем! — Такова, слушатели, наша душа: она любит радоваться о Боге; она той песнью не может нарадоваться, в которой воспевается радость о Нем. Бог — неисчерпаемый источник радости для нее; она готова всегда, готова непрестанно радоваться о Нем.

Отчего же так непродолжительно, так мало, так мгновенно мы радуемся о Боге? Что же препятствует нам всегда, непрестанно радоваться о Нем? Грехолюбивая плоть препятствует, грехолюбивая плоть, с которою соединена наша душа: не понимая, не чувствуя, что есть радость о Боге, она не даст и душе радоваться о Нем. Так, душа, доколе ты соединена с грехолюбивой плотью, не жди себе полной и постоянной радости о Боге. Пошлет Бог тебе сию радость — радуйся; не дает тебе плоть радоваться — плачь и лей слезы о том, что тебе плоть не дает радоваться о Боге. Ах, если бы ты знала, как твои слезы по Боге дороги для Него и спасительны для тебя: ты бы день и ночь стала плакать, ты бы стала постель смачивать этими слезами! Ведь эти слезы хранятся у Бога, как святыня: каждой каплей их дорожит Он, как драгоценностью. Да, Бог любит, как мы радуемся о Нем; но

Он не менее любит, когда мы и плачем по Бозе. О, Ему все наше дорого, что мы делаем для Него! Итак, плачь, проливай слезы, когда грехолюбивая плоть не дает тебе радоваться о Боге. Но увы, Господи, плоть и здесь препятствует нам: ей и слезы наши о Тебе неприятны, она и плакать о Тебе не дает нам... О, когда мы избавимся от нее? Когда она ничем не будет препятствовать нам? Когда мы узрим Тебя, Господи, и возрадуемся, и радости нашей никто не отнимет у нас? Когда мы от своего лица вечно будем петь песнь Богородицы: Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем? Царице Небесная! Ускори на молитву и потщися на умоление: преложи нас от уз, подаждь нам и спасение. Аминь.

3.

И сие слово начинаю я песню Богородицы, слушатели мои, и не думаю наскучить вам ею: это такая песнь, которую никогда не скучно повторять. Она исполнена такой радости, что и в самые горькие минуты возрадуешься духом, если только достанет у тебя сил петь ее. Итак, мы теперь радуемся, когда поем эту песнь; какую же радостью было исполнено сердце Пресвятой Богородицы, когда Она в первый раз воспела эту песнь? Не нашему нечистому сердцу чувствовать эту радость: высоту ее могут понимать только Ангелы Божии.

Но вот, слушатели, еще песнь, которая пришла мне теперь на мысль, песнь, которую Святая Церковь поет от лица Пресвятой Девы Богородицы. Ах, от одного воспоминания этой песни наполняется сердце скорбью! Послушайте ее: Увы Мне, Чадо Мое, увы Мне, Свете Мой, Утроба Моя возлюбленная! Вам не нужно сказывать, к Кому была обращена эта плачевная песнь: так плакала Матерь Божия, когда стояла пред бездыханным телом Сына Своего и Бога. О, кого не поразит скорбью сия скорбная песнь? Какую же скорбью было преисполнено сердце Матери Божией, когда Она так скорбела! Не нашему сердцу знать эту скорбь: глубину ее могли чувствовать только разве стоявшие при кресте умершего Господа Иисуса. Итак, слушатели благочестивые, в настоящей жизни и Матерь Божия много страдала; можем ли же мы так здесь жить, чтобы нам все радоваться, все веселиться? Нет, надобно нам скорбеть и страдать: без скорбей и страданий никому нельзя войти в Царствие Небесное. Матерь Божия после радости Благовещения не много в жизни видела радостей. И ты, христианин, после радости жди себе какую-нибудь скорбь, непременно жди, ибо она непременно придет, ибо она для тебя спасительна. Такой у Промысла Божия закон для ищущих спасения: после радости непременно бывает скорбь. Такой у Бога порядок и в видимой природе: после ведра следует ненастье. Что же это значит? Почему Богу угодно, чтобы мы в жизни испытывали так много горя? У Бога все премудро устроено, и все для нашего спасения, все для нашего блаженства. Не дает нам Бог на земле много радоваться, чтобы мы слишком не привязывались к земному; посылает нам в жизни Бог часто скорби, чтобы нам не слишком тяжело было расставаться с жизнью; не дает Бог нам много веселиться на земле, чтобы нам веселее было жить на небе.

Да, на небе весело; но еще веселее нам будет там, когда мы здесь на земле побольше пострадаем, поплачем, поскорбим ради Господа. Нынешняя временная наша скорбь готовит нам вечную радость на небе; нынешнее наше горе есть семя будущего веселья; и потому, чем больше у кого горестей и скорбей, претерпеваемых ради спасения, тем больше у того будет там утешения и радостей. Тяжело скорбеть в жизни, утомительно трудиться; зато там весело будет радоваться, зато там сладко будет покоиться.

Царица Небесная! Мы готовы бы умолять Тебя, чтобы Ты послала нам больше бед и скорбей, когда они так нужны и спасительны для нас; но, Мати Божия, Ты знаешь, Ты испытала, как тяжело бедствовать и скорбеть; и потому молим Тебя, Радосте всех скорбящих, спаси нас от бед и скорбей; а если уж нам нужны беды и скорби, если они неизбежны, то помоги там терпеливо переносить эти беды и скорби! Аминь.

(Три поучения протоиерея Р. Путятинна на песнь Богоматери)

740. К уходящим от проповеди

«...горе же мне есть, аще не благовествую» (1 Кор. 9; 16).

Радуется сердце проповедника слова Божия, когда он видит, что его слушают с любовью: это лучшая для него награда. Но что он чувствует, когда замечает, что лишь только он вышел на амвон, как многие стали выходить из церкви?.. Что значит это исхождение? "Не нужно нам твоей проповеди: и без тебя знаем, что худо, что хорошо: учи сам себя"... Но знают ли они, эти ленивые посетители храма Божия, знают ли, как больно они оскорбляют проповедника своим невниманием? Ведь это не светский оратор, который вышел говорить по собственному желанию; ведь проповедник не от себя говорит: он говорит от имени Церкви, из послушания Церкви, говорит как служитель Христа потому, что это — его святой долг, святая обязанность. Может быть, сознавая свою духовную нищету, он и уклонился бы от проповеди, но что же ему делать, если — это его дело, за неисполнение коего он даст Богу ответ: ...горе... мне... аще не благовествую!.. Послушайте вот, как изливал свою пастырскую скорбь один из лучших проповедников, сельский пастырь, живший лет двести назад. Он не был ленив в проповеди слова Божия и однако же не давал никакой цены своему проповедничеству и считал себя рабом неключимым, который и в малой мере не сделал того, что должен был сделать. «Увы мне, горе мне, — взывал он, — лучше бы мне не родиться, чем видеть тяжкое оное испытание, когда Господь будет судить меня за похищение священного сана и за леность служения моего! Я скрываю данный мне талант, зарываю его ленью и нерадением, сном неумеренным, люблением мечтательных прелестей мира сего многоятежного... Ох, горе мне! Какой ответ дам я страшному и праведному Судие? Когда Он спросит меня о данном мне таланте в оный день, страшный и ужасный, пред Ангелами и Архангелами и пред всею вселенною, что скажу

я в свое оправдание? Ведь я должен буду сказать Ему: "Я о жене попечение имел, дочерей наряжал, ходил на пиршества, чаши благословлял, на браках веселился и первые места занимал... В то время разошлись овцы Твои по стремнинам и удолиям и там растерзаны хищными зверями. Я погубил таланты Твои!" И скажет тогда Судия праведный немилостивым ангелам: "Возьмите ленивого раба и губителя овец Моих, свяжите ему руки и ноги вечною неволей и бросьте во тьму кромешную!" Кто сего не убоится?

Смотрите же, возлюбленные, на бедствие пастырей церковных и не скучайте, когда они поучают вас, хотя бы и долгое время, но с верою слушайте их. Не надсматривайте за их делами, но полезному от уст их внимайте, как бы вы слушали Самого Иисуса Христа. Ведь они не свое слово вам вещают, но волю Божию, повеления Божии вам предлагают, приводя вас в послушание Христу. Поймите это, ибо я истину говорю вам: хотя пред Богом я — ложь, но вам правду возвещаю. Когда говорят вам учителя ваши и отцы духовные, веруйте, что они говорят вам не свое, но Божие, возвещают вам то, чего хочет от вас Бог. Добрый вождь стада Христова есть истинный его кормитель: он питает чудными и сладкими снедами не тело, но душу невидимую — невидимым словом Божиим. Как отцы ваши проводят вас чрез стремнины и темные непроходимые места, так и он, вождь церковный, ведет тебя одной рукою, а в другой держит светлый светильник и показывает тебе рвы и пропасти, где гнездятся змеи ядовитые. Он говорит тебе: "Не ходи сюда, здесь лежит змей, чтобы он не уязвил ногу помысла твоего, и ты не умер навеки; не ходи вон туда: там лежит сеть смертоносная, врагом твоим расставленная"... Пастыри Церкви получили от Бога талант учительства, и горе им, если они не будут учить вверенных им овец! Мы не только будем мучимы за беззакония, но если даже только не творим добра, иных не научаем, то и за это подвергнуты будем нестерпимой муке, вечному осуждению».

Ревностный пастырь-проповедник не только увещавает своих пасомых слушать слово проповеди церковной, но и самих побуждает учить и вразумлять братски друг друга. "Послушайте, говорит он, возлюбленные, еще вот что: не все на учителей возлагайте, не все на наставника, ибо у всякого есть свой талант, данный от Бога. Всякий из вас имеет разум, имеет дар слова: можете и вы быть полезными друг другу во благое. Так как вы всегда друг с другом обращаетесь и лучше нас знаете пороки ближних своих, имеете друг к другу и смелость, и любовь, и обхождение, то больше нас можете быть полезными один другому. Если захочешь, то можешь и запретить, и умолить, и научить, истину возвестить. Наставник духовный у вас один, а вас много; можете и вы быть учителями друг друга. И, во-первых, если имеешь богатство, помоги ближнему в нужде. Если знаешь искусство, научи других. Если имеешь разум светлый, подай добрый совет требующим. Кто не имеет богатства, чтобы дать бедному, от того Бог и не требует этого. А слова, полезного ближнему, от всех Бог потребует. Знаю и то, что многие скажут мне: "Стыжусь брата моего и не могу обличать его беззакония, чтобы

он не возненавидел меня". О человек! Для чего брата своего стыдишься, а Бога не боишься? Свою честь бережешь, а видя Христа честимого, пренебрегаешь этим?.. Всякий христианин, делающий беззаконие, как бы издевается над законом Христовым. А если ты видишь это и молчишь, то ты предатель своего Господа.

Прошу вас, возлюбленные, не скрывайте нерадением своим таланта Господня. Каждый из вас имеет домашних: жену, детей, слугу; их пусть научает, им да запрещает. Вижу я, как многие из вас заботятся о пище и одежде своих подчиненных, как вы нередко даете пиры друзьям своим, даже иногда и помогаете ближним в различных нуждах, ходите на крестины и похороны. А для научения ближних добродетели ни одного слова не скажете! Не достойно ли это жалости и смеха? Ей, молю вас, не презирайте друга, душою погибающего! Если потрудишься ближнего научить добру, то великую награду получишь от Бога и наследуешь блаженство, которое дано имеющему десять талантов. Помни же, возлюбленный: получивший пять талантов — это учитель, а получивший один талант — это ученик. Но и ученик пусть не говорит: "Я ученик: не моя забота учить ближнего". Это и есть лукавый и ленивый раб: великая беда постигнет его в день Страшного суда. Ты скажешь, может быть: "Не нужно слов и увещаний: все знают, что добро, что худо". Нет, друг мой и возлюбленный брат, не думай так. Хотя и точно все знают, что такое зло, однако надо обличать делающих злое. Когда увидишь кого преданным любодейству, то скажи ему: "Друг мой, нехорошо это; страшный ответ дашь за то, что ты делаешь". Не убоится ли? Не покраснеет ли? Не устыдится ли? Знал он и прежде, что худо так делать, но был увлекаем похотью. Одержимые горячкой знают, что холодное питье им вредно, однако же пьют; а если кто их удержит в это время, то покидают. Так и ты: если увидишь брата своего, делающего беззакония, то возбрани ему; если не послушается, поди за ним и удержи его: может быть и устыдится. Только не думай однократным увещанием исправить согрешающего — это невозможно, но исправляй мало-помалу, постепенно. Когда увидишь пьяницу, идущего в корчемницу, поиди с ним и ты, имея добрую мысль; подражай Господу, сшедшему с небес для твоего спасения. Скажи несчастному брату: "Друг мой, когда ты увидишь меня, делающим грех, то удержи меня, потому что забываю страх Божий; когда я бываю пленен какой-либо страстью, то делаюсь как бы безумным, вне себя; а если кто обличит меня, то как бы разбудит от сна". Тогда и друг твой стерпит обличение, когда увидит, что и ты сам требуешь обличения, что ты не упрекаешь его, говоришь ему не как учитель, но как друг и брат. Скажи ему: "Вот, я удружил тебе, напомнив полезное; и ты, если увидишь меня согрешающим, запрети, исправь; если увидишь меня гневающимся, лихоимствующим, — удержи, свяжи наставлением". Вот это и будет дружество, угодное Богу усугубление таланта". Затем пастырь-проповедник снова обращается к себе, к своему сану духовному: "А мы, священники, что скажем? Что произнесем? Если так должны поступать принявшие один талант, то есть миряне, и

заботиться о спасении других более, чем о своей душе, то тем более должны трудиться мы, получившие пять талантов. Спаситель сказал: ему же дано будет много, много взыщется от него" (Лк. 12; 48).

Тяжело служение проповедника слова Божия. Станет он обличать пороки без всяких прикрас, как подобает говорить проповеднику правды Божией, — говорят: "Слишком строг, не имеет любви христианской"; станет увещавать в духе братской любви, говорят: "Скучно слушать, все это мы и без него знаем..." Что же ему делать? Ужели замолчать? Но слово Божие требует, чтобы он неумолчно говорил правду Божию, обличал, умолял, запрещал, иначе — говорит: душу грешника от руки твоей взыщу!.. А тут — его и слушать не хотят: он к амвону, а слушатели из церкви вон... Но разве не ответят Богу эти люди за то, что бегут от проповеди, оскорбляют проповедника и нарушают чин церковный, повелевающий стоять в церкви до конца службы?.. Почему они знают, что проповедь для них бесполезна? Ведь они еще не слышали ее! А может быть, она-то и нужна для их души; может быть, враг потому-то и влечет их вон из церкви, чтобы лишить их слова полезного, которое — кто знает? — может быть, тронуло бы сердце и пало бы на него добрым семенем... Никто не знает, откуда придет к его душе глас Божий, зовущий к покаянию.

741. Чьи скорби легче?

«Многи скорби праведным» (Пс. 33; 20), — говорит Писание, но сии скорби поражают их только извне, а боголюбивых душ их не касаются; напротив того, самолюбцев скорби поражают не только извне, но и в самое сердце. Вот почему скорбей гораздо больше у самолюбцев, нежели у боголюбцев. Боголюбцев скорби и беды только окружают, но не погружают; бодут, как терние розу, но не прободают; покрывают, как мгла солнце, но не помрачают; бьют, как волны камень, но не разбивают: их духовное сокровище — Царствие Божие — есть внутри их (Лк. 17; 21): оно, как якорь удерживает обуреваемый корабль, поддерживает в их душах благую надежду. Не то бывает с самолюбцами: они как трость и малым ветром неблагоприятия колеблются и сокрушаются. Боголюбцы лишаются чести, славы, богатства мирского, но не лишаются своего внутреннего сокровища; честь, слава и богатство их не утешают, они не ищут их, а потому и когда потеряют их, то не скорбят. Течет ли к ним богатство — они не прилагают к нему сердца, а довольны своим внутренним сокровищем. Дается ли им честь — они принимают ее только из послушания, принимают не как честь, но как бремя, от Бога возложенное, которое и должно носить во славу Божию и на пользу ближнего. Прославляют ли их — они не приписывают себе славы, потому что всякая слава единому Богу подобает. Поэтому не о чем и скорбеть им, когда у них отнимается то, чего они не искали.

Лишаются и самолюбцы всего этого, но лишаются со скорбью и плачем. С великим старанием они собирают свои сокровища; с великим опасением хранят; с великой болезнью и сетованием расстаются с ними. Какая же радость может быть там, где постоянная забота, страх и печаль? Что за радость — по наружности блистать в золоте, а в душе мраком страха покрываться? По наружности славиться, а в совести испытывать бесчестие? Поистине в этом — только прелесть и обман! Радоваться можно только сердцем, так же как и печаль бывает только в сердце. Если даже самолюбцы и не лишаются своих сокровищ теперь, как боголюбцы, однако же они будут принуждены их оставить, оставляя мир сей.

Боголюбцы терпят от людей злословия, клеветы и поношения, но совесть их спокойна; осуждает их мир злоречивый, но Бог их оправдывает, и потому они в самом поношении утешаются. Терпят поношения и самолюбцы, но терпят не от людей только, но и от своей же совести, а это — тяжкое поношение! Этот обличитель везде с ними, нигде не перестает их осуждать, обличать, укорять, поносить за преступление закона Божия и устрашать праведным судом Божиим; как бы ни скрывали они свои злодеяния от сего надзирателя, но скрыть не могут, ибо он — внутри их самих, он видит и обличает их тайные советы сердечные.

Боголюбцы имеют своих врагов, но не питают к ним вражды, злобы, мщения, и потому в душе они имеют мир и покой, хотя совесть их и беспокоит. Имеют и самолюбцы своих врагов, а лучше сказать — сами они враждуют между собою; но при этом они больше сами себя и беспокоят, нежели враги. Нельзя и высказать, сколько они употребляют трудов и забот, сколько тратят денег, сколько отирают порогов у своих защитников и судей, чтобы отплатить злом за зло, обидою за обиду, — сколько сплетают клевет друг против друга и через то не только сами себя, но и других немало тревожат. Они ищут славы, но еще больше бесславят себя, ищут чести, но еще больше себя же бесчестят. Кто когда похвалил злого клеветника? Они и сами такими людьми гнушаются, а в себе того не примечают. Какое жалкое состояние! Если бы можно было заглянуть им в душу, то открылось бы, что она возмущается разными помыслами больше, чем море волнами...

Не так бывает с боголюбцами: они тихи, мирны, покойны. Хотя враги их ненавидят и озлобляют, однако же они своими душами, яко чада мира и покоя, безмятежно и сладко почивают на пресладком лоне любви Божией. Боголюбцы боятся единого Бога, и потому никого, кроме Него, не боятся и пребывают под всеильным покровом его крил безопасны. А самолюбцы отринули страх Божий и потому принуждены всего опасаться. Кто не боится Создателя, тот должен бояться создания. Бегают нечестивый ни единому же гонящу (Притч. 28; 1). Одна уже совесть гонит его хуже всякого гонителя: где бы он ни был, что бы ни делал, везде она гремит над ним и устрашает его. Кого не боится судья неправедный, нарушающий указы царские? Даже самые слуги и рабы его для него страшны, друзья у него не без подозрения. Так и всякий законопреступник там боится страха, где нет страха. Страх от

домашних, страх от чужих; страх от врагов, подозрение и страх от друзей; страх, как бы не потерять чести; страх, как бы не лишиться богатства; страх, как бы не подвергнуться царскому гневу; страх, как бы не пострадать от злодеев; страх, как бы не посрамиться перед людьми добрыми; страх от совести, страх от суда Божия; страх от геенны, страх от диавола... Так везде встречается страх того, кто не боится Бога! Что уже за жизнь, когда душа находится в такой тесноте!. Что за радость и утешение там, где такое смущение совести!..

Не то у боголюбца. Он всегда и везде говорит с пророком: Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся; Господь защититель живота моего: от кого утрашуся? (Пс. 26; 1). На Бога уповах, не убоюся: что сотворит мне человек (Пс. 55; 12). Аще бо и пойду посреде сени смертных, не убоюся зла, яко Ты со мною еси. Боже (Пс! 22; 4). Что может быть вожденнее, как и посреди сени смертной ничего не бояться? Заключают боголюбцев в темницы, налагают на них узы, но никто не может лишить их духовной свободы, потому что духа никто не может связать. Их уязвляют ранами, но свидетельство чистой совести облегчает их страдания, ибо они все сие страждут ради правды, и потому радуются и веселятся духом (1 Пет. 3; 14).

Заключаются и подвергаются ранам и самолюбцы, но за свои злодеяния, а потому и страждут не только телом, но и душою. И хотя многие из них своей хитростью иногда избегают такой беды, но мучений совести — этого своего домашнего и внутреннего мучителя, и вечной муки в темнице ада не избегнут, аще истинным покаянием не очистят себя.

Разлучают боголюбцев с отцом и матерью, с братьями и друзьями, но не могут удалить их от Бога, Который с ними везде — и в темнице, и в ссылке — и утешает их Своим присутствием паче отца и матери, братьев и друзей.

Разлучают и самолюбцев с их друзьями и через то лишают их всякого утешения.

Изгоняют боголюбцев в чужую страну, но поелику они не имеют зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуют (Евр. 13; 14), то им и странствовать все равно: вся жизнь их в мире сем есть ни что иное, как ссылка, из которой они всегда взирают к отечеству своему — горнему Сиону» и вздыхают, в жилище... небесное облещися желающе (2 Кор. 5; 2).

Идут в изгнание и самолюбцы, но поелику своего счастья они ищут на земле, то лишась его, плачут неутешно и бесполезно, и чем больше о нем вспоминают, тем больше сокрушаются.

Плачут в мире сем боголюбцы, но и плачь их бывает радостью растворен, они плачут или о том, что их пришельствие на земле продолжится (Пс. 119; 5), или о том, что по немощи плоти не могут проявить достойной любви к Человеколюбцу Богу; или о том, что видят закон Божий в попрании от беззаконных, как говорит пророк: Печаль прият мя от грешник, оставляющих закон Твой (Пс. 118; 53). Но так как сия печаль есть печаль по

Бозе, то она бывает причиной радости, и как после дождя прохлаждается воздух, так после сих слез сердце исполняется божественного утешения.

Плачут и самолюбцы — о потере богатства, чести, славы, и чем больше плачут, тем больше прилагают к печали печаль, ибо сия печаль их есть, по учению святого апостола Павла, (сего) мира печаль, которая смерть соделовает (2 Кор. 7; 10).

Так, не одни боголюбцы, но и самолюбцы страдают в сем мире. И для тех, и для других страдания, но причина страданий не одна и та же. Боголюбцы страдают правды ради, а самолюбцы — злодеяний своих ради. Первые страдают неповинно, и потому не только не скорбят, но и радуются в своих страданиях (Кол. 1; 24): телом страдают, а духом веселятся. А вторые страдают по делам своим и вдвойне страдают: и телом, и душой, угрызаемые в совести паче всякого мучителя. Ясно, что они страдают больше, чем боголюбцы... Наконец, для боголюбцев с концом их жизни настает конец и страданиям: «мало ныне... прискорбии бывше в различных напастех, великое получают веселие» (1 Пет. 1; 6, 8) и еже бо ныне легкое печали их тяготу вечныя славы соделовает им (2 Кор. 4; 17). А самолюбцы с концом жизни земной и временных мнимых утешений переходят к вечным истинным скорбям и бедствиям. Так, от боголюбия — всякое блаженство, а от самолюбия всякое окаянство происходит...

(Из творений святителя Тихона Задонского)

742. Святой князь — инок-привратник

Не дивно, когда простой человек от убожества идет в святую обитель, чтобы там трудиться в нищете и смирении; вот дивно, когда от богатства и почестей человек спешит укрыться под убогой одеждой монашеской. А у нас на Руси были и князья-иноки. Вот трогательный рассказ из "Патерика Печерского" о преподобном Николае Святоше, сыне Черниговского князя Давида Святославича.

"Помыслил он, как все обманчиво в этой суетной жизни и, оставив княжение и честь, и славу и власть, и все то ни во что вменив, пришел в Печерский монастырь и сделался иноком. Это было в лето 1106, февраля 17. Три года пробыл он на поварне, работая на братию; своими руками колот дрова для приготовления пищи, часто даже носил их с берега на своих плечах, и с трудом братья его, Изяслав и Всеволод, удержали его от такого дела. Однако этот истинный послушник просил и молил, чтобы ему еще хотя с год поработать в поварне на братию. После же этого приставили его к монастырским воротам. И пробыл он тут три года, не отходя никуда, кроме церкви. Оттуда велено было ему перейти служить на трапезе. Наконец, волею игумена и всей братии принужден был он иметь свою келлию, которую сам и построил, и огород насадил своими руками. Говорят также об этом блаженном Святоше, что никто никогда не видал его праздным, всегда в

руках у него рукоделье, чем он и выработывал себе на одежду. На устах его постоянно была молитва Иисусова: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!" Никогда не вкушал он ничего иного, кроме монастырской пищи: хотя он и много имел, но все то отдавал на нужды странных и нищих и на церковное строение.

Еще во время княжения имел этот блаженный князь Святоша врача весьма искусного, по имен Петр, родом сириянина. Этот Петр пришел с ним в монастырь, но, видя его вольную нищету на поварне и у ворот, расстался с ним и стал жить в Киеве, врачую многих. Он часто приходил к блаженному и, видя его во многом злострадании и безмерном прощении, увещевал его, говоря: "Князь, следовало бы тебе побереечь свое здоровье и не губить так плоть свою безмерным трудом и воздержанием: ты когда-нибудь изнеможешь так, что не в силах будешь нести лежащее на тебе бремя, которое тебе угодно было принять на себя Господа ради. Бог хочет не поста или труда непосильного, а только сердца чистого и сокрушенного. Да ты и не привык к такой нужде, какую переносишь теперь, работая как подневольный раб. И благочестивым братьям твоим, Изяславу и Всеволоду, в великую укоризну твоя нищета. Дивлюсь я твоему желудку: как терпит он такую пищу? Бывало отягощался сластями, а теперь суровое зелье и сухой хлеб принимает. Берегись! Когда-нибудь недуг соберется отовсюду, и нельзя уже мне будет помочь тебе. И оставишь ты плачь неутешный братьям своим".

И так часто говорил он ему, сидя с ним в поварне или у ворот: научен он был братьями князя. Блаженный же отвечал ему; "Брат Петр! Много думал я и рассудил не щадить плоти своей, чтобы снова не поднялась во мне борьба: пусть под гнетом многого труда смирится она. Сказано, брат Петр, что «сила Божия в немощи совершается» (2 Кор. 12; 9). Я благодарю Господа, что Он освободил меня от рабства миру и сделал слугой рабам Своим, этим блаженным черноризцам. Братья же мои пусть за собой смотрят: каждый свое бремя должен понести. Жену и детей, и дом и власть, и братьев и друзей, и рабов и села — все это оставил я ради Христа, я обнищал ради Бога, чтобы Его приобрести. Да и ты, когда врачуешь, не велишь ли воздерживаться в пище? А для меня умереть за Христа — приобретение, а сидеть на сорной куче подобно Иову — царствование. До прочего же тебе и научившим тебя дела нет".

Когда тот блаженный бывал болен, врач, видя то, начинал готовить лекарственное зелье против недуга. Но прежде чем он приходил, князь уже выздоравливал: никак не давал он лечить себя. И много раз повторялось это. Однажды разболелся сам лекарь, и Святоша послал сказать ему: "В третий день ты исцелеешь, если не будешь лечиться". Послушался сириянин — и в третий день исцелел по слову блаженного. Святой же, призвав его, сказал: "Через три месяца я отойду из этого мира". Сириянин же пал к ногам князя и со слезами говорил: "Увы мне, господин мой и благодетель мой, жизнь моя дорогая! Кто призрит на меня чужеземца? Кто напитает многих людей, нуждающихся в пище? Кто будет заступником обидимых? Кто помилует

нищих? Не говорил ли я тебе, князь мой, что оставишь ты плач неутешный братьям своим? Не говорил ли я тебе, князь мой?.. Ты исцелил меня, сколько словом Божиим и силою Его, столько же и своею молитвою. Куда же теперь отходишь, пастырь добрый? Открой мне, рабу твоему, язву смертную и, если я не вылечу тебя, пусть будет голова моя за твою голову и душа моя — за твою душу! Не отходи от меня молча; открой мне, господин мой: откуда тебе такая весть? Я жизнь мою отдам за тебя. Если Господь известил тебя о том, моли Его, чтобы мне за тебя умереть... Знает и зверь, где скрыться, когда взойдет солнце, и ложится в логовище свое (Пс. 103; 20, 22). И птичка находит себе жилье, и ласточка гнездо себе, где положить птенцов своих (Пс. 83; 4). Ты же шесть лет живешь в монастыре, и не знавал я места твоего". Блаженный же сказал ему: "Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на человека: ведает Господь, как пропитать всю тварь, и может заступать и спасать бедных. А братья мои пусть не обо мне плачут, а о себе и о детях своих. Во врачевании же я при жизни не нуждался, а мертвых и врачи не могут воскресить". И князь сошел с врачом в пещеру, вырыл себе могилу и сказал сириянину: "Кто из нас более желает этой могилы?" И сказал сириянин: "Пусть будет, как кто хочет; но ты живи еще, а меня здесь положи". Тогда блаженный сказал ему: "Пусть будет, как ты хочешь". Итак, постригся врач и три месяца день и ночь пребывал в постоянном плаче. Блаженный утешал его, говоря: "Брат Петр! Хочешь ли, я возьму тебя с собой?" Он же со слезами отвечал ему: "Хочу, чтобы ты пустил меня, чтобы мне за тебя умереть. Ты же молись за меня". И сказал ему блаженный: "Итак, дерзай, сын мой, будь готов: в третий день отойдешь ко Господу". По прошествии трех дней врач причастился Божественных, Животворящих Таин бессмертных, лег на постель свою, оправил одежды и, протянув ноги, предал душу в руки Господа, как предсказал блаженный. Князь же Святоша жил после того тридцать лет, не исходя из монастыря до самого преставления в вечную жизнь. Когда же он умер, едва не весь город был на погребении его. Брат же блаженного Святоши, узнав о смерти его, прислал с мольбой к игумену, прося себе на благословение крест от парамана святого, его подушку и кладку, на которой он преклонял колена. Игумен дал князю, сказав: "Да будет тебе по вере твоей". Изяслав же, приняв, честно держал у себя и дал игумену три гривны золота, чтобы не даром взять знамение братнее. Однажды так разболелся этот князь, что все уже отчаялись за него. И, видя его при смерти, сидели возле него жена и дети и все бояре. Он же, приподнявшись немного, попросил воды из Печерского колодца и онемел. Послали за водой. Игумен же взял власяницу Святошину, отер ею гроб святого Феодосия и дал посланному от князя, чтобы надеть ее на него. И прежде, чем вошел несший воду и власяницу, больной вдруг проговорил: "Выходите скорее за город, навстречу преподобным Феодосию и Николе". Когда же вошел посланный с водой и власяницей, князь возопил: "Никола, Никола Святоша!" И дали ему пить той воды, и надели на него власяницу, и он тотчас выздоровел. И все прославили Бога и угодников Его. И всякий раз,

как Изяслав делался болен, он надевал на себя эту власяницу и так выздоравливал. Во время всякой войны он имел на себе эту власяницу и оставался невредим. Однажды же, согрешивши, не посмел надеть ее и был убит в сражении. И велел он в той власянице положить себя.

Рассказывают и о многих других великих делах святого. Никто на Руси не сделал того, что он: ни один князь по своей воле не вступил в иночество. Воистину в этом он превзошел всех князей Русских!"

743. Блажен от юности Бога возлюбивший!

«Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и дом отца твоего» (Пс. 44; 11)

Исполнилось в точности сегодня твое пророчество, венценосный Давиде! Есть у тебя ныне предсказанная тобою Дщерь, Которая слушает тебя, повинуется глаголам твоим! Посмотри на Марию, взгляни на Сию трехлетнюю Отроковицу, Которая с веселием сегодня входит в храм Господень и в таком юном возрасте всецело посвящает Себя Своему Творцу и Владыке. Смотри: ни дом отца Ее, ни любовь родственная, ни любимые подруги — ничто не может остановить Ее: Она все оставляет, все забывает, чтобы быть угодною в очах Царя Небесного, дабы Он возжелал, как ты говоришь, доброты Ее. Но скажи нам, божественный пророче: какая нужда была для Сей Отроковицы, в таком юном возрасте, так решительно разрывать узы мира сего? Или без этого Она не могла так угодить Царю Своему? Ужели у Нея только одно это средство и было, чтоб привлечь к Себе Его сердце?

Воистину так, слушатели благочестивые! Кто хочет заслужить любовь у Сего Царя, тот должен все забыть, все оставить, и к Нему единому прилепиться всей душой, прилепиться от юности, от младенчества.

Думают некоторые, будто можно служить и Богу и миру: и Царство Небесное получит, и плоти своей угождать. Напрасно обольщают себя таковые: «Аз бо есмь... Бог ревнитель, — говорит Сам Господь в Священном Писании, — и славы Моя иному не дам» (Исх. 20; 5. Ис. 48; 11). Не надейтесь, чтобы вы могли в одно и то же время и Мне угодить, и миру: разделенного сердца Я не люблю. Я не могу смотреть без огорчения, чтобы кто другой имел участие со Мною в душе человеческой, за которую я так дорого заплатил: я Кровь Мою за нее проливал. Ни кий же раб может двема господином работати: ибо или единого возненавидит, а другого возлюбит; ни единого держится, о другом же нерадети начнет: «не можете Богу работати и мамоне» (Лк. 16; 13). Был в Лаодикийской Церкви один епископ, которого нельзя было назвать ни добрым, ни злым: в ином он угождал Богу, а в другом служил плоти и миру. Что же сказал ему Бог в Апокалипсисе? ..ни студен еси ни тепл: сего ради изbleвати тя от уст Моих имам (Откр. 3; 15-16). Были подобные люди и в народе Израильском, которые и Богу

поклонялись, и Ваалу; но и им сказано было: «доколе вы храмлете на обе плесне ваши; аще есть Господь Бог, идите вслед Его; аще же Ваал есть, то идите за ним» (3 Цар. 18; 21). Видите, братие, что нельзя нам одной половиной сердца любить Бога, а другой серебро или другое что. Бесполезно, например, одной рукой строить церковь, а другой обижать бедных людей; одной рукой раздавать милостыню, а другой считать деньги, за которые правду продали; желудком поститься, а языком ближнего съедать; вина не пить, а блудными помыслами услаждаться. Надобно уж что-нибудь одно избрать: горе ...грешнику, — говорит сын Сирахов (2; 12), — ходящу на две стези!. Если мы действительно желаем заслужить милость и любовь у Бога Творца нашего, то нам уже нельзя любить ничего грешного, проститься навсегда со всяким греховным удовольствием, и не только проститься, но и от самих себя отречься, по слову Христову: «...иже хочет по Мне ити, да отвержется себе...» (Мк. 8; 34).

Какого же отвержения требует Бог от того, кто хочет показать свою любовь к Нему? Такого, чтобы человек не только оставил все, что привязывает его к миру, но чтобы мыслью своею не обращался к нему: забуди люди твоя и дом отца твоего — забудь, совсем из памяти выбрось! И хорошо сказал это пророк; многие оставляют делом, но не оставляют сердцем и умом своим; многие, например, не хотят жениться, якобы ради Бога, а в сердце часто оскверняются греховными пожеланиями; многие снова возвращаются на прежние грехи потому, что не стерегли своего сердца, и сбывается на них слово Евангельское: «никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять управлен есть в Царствии Божии» (Лк. 9; 62). С ними бывает то же, что случилось с женой Лотовой: вышла она из Содомы, но погибла так же, как если бы была в Содоме. Хотя они и сохраняют чистоту телесную, но бывают нечисты духом, сердцем, — а это даже хуже первого... Хороший садовник старается с корнем вырвать сорную траву, чтобы она не могла опять вырасти: так и мы должны все греховное так оставлять, чтобы и мыслию к нему не возвращаться. Наш невидимый враг есть хитрый змий: лишь бы ему удалось голову просунуть — он и с хвостом там будет, — лишь бы он заметил, что человек услаждается грешным помыслом, который от него же вложен в сердце его, — он уж научит его, как и делом исполнить желание греховное. И всегда так бывает: прежде всего является в сердце греховное желание — похоть, похоть же, по слову святого апостола Иакова, «заченши раждает грех, грех же содеян раждает смерть души» (Иак. 1; 15).

И чем раньше человек прилепится сердцем своим ко Господу, тем лучше для него. Чего не сделает человек в юности своей, то едва ли уже сделает когда так, как можно сделать в юности. Чем наполнишь глиняный или деревянный новый сосуд, того запах и останется в нем навсегда; так и человек: к чему приучит себя в молодости, от того трудно ему будет отстать и в старости. Вот почему и учит сын Сирахов: «Суть ли ти чада, накажи я, и преклони от юности выю их» (Сир. 7; 25); и приточник: «не преставай младенца наказовати... ты бо побиеша его жезлом, душу же его избавиши от

смерти» (Притч. 23; 13, 14). Это должны глубоко запечатлеть в своей памяти родители, чтобы не подвергнуться той казни, которую понес ветхозаветный первосвященник Илий, отец двух святотатцев Офни и Финееса, за то, что не воспитывал их в страхе Божиим и не удерживал от злых дел (1 Цар. 2; 34). Может ли такая любовь назваться любовью? Не есть ли это напротив — ненависть, самая недостойная родительского сердца? Пусть и сами дети не забывают, что все их счастье зависит от того, как проведут они свои юные годы: если они в юности не захотят приучить себя к добродетели, то не привыкнуть им к ней никогда: они и умрут в тех пороках, в которых вырастут, как говорит праведный Иов (20; 11): чьи кости наполниша грехов юности его... с ним они и в персти, то есть во гробе, уснут. А если в сердцах от юности укоренятся добрые мысли, добрые привычки, то уже нелегко будет диаволу совратить такого человека на греховный путь. Пример сему — целомудренный Иосиф: с детства привык он, живя при своих праведных родителях, почитать Бога превыше всего, поэтому не могло потом повредить чистоте его доброй души даже то, что он жил в Египте среди самых развращенных людей.

Вот что значит посвятить себя от младенчества Господу Богу! И это будет для Бога жертва самая достойная, приношение самое Ему приятное. Некоторые толкователи слова Божия говорят, что Бог отверг приношение Каина за то, что он отобрал и принес Богу самые негодные плоды. Есть и теперь немало людей, которые, подобно Каину, всю свою молодость проводят в пороках, то есть отдают диаволу, и только под старость, почти накануне своей смерти, хотят Богу послужить. Как не поймут такие люди, что они в сем случае весьма оскорбляют Творца своего, приносят Ему лишь остатки того, что поднесли уже врагу Его — диаволу? Правда, Господь человеколюбив и многомилостив: не отвергает нашего покаяния и тогда, когда мы приносим его в старости. Но несравненно приятнее Ему тот, кто предает себя в волю Его от юности. Благо есть, — говорит пророк Иеремия, — мужу, егда возмет ярем Господень в юности своей (Плач. 3; 27). Не говорит тут пророк, что хорошо взять на себя ярем Господень когда хочешь, но особенно, говорит, что хорошо взять его в юности. Вот почему праведные родители пророка Самуила привели младенца своего (будущего пророка) в скинию Божию, лишь только он был отнят от груди; вот почему несравненный в рожденных женами Предтеча Христов с возрастом телесным преуспевал и в добродетелях, почти от пелен воспитываясь в пустынях; вот почему и Богоизбранная Пречистая Дева в столь юном возрасте соделалась Невестой Жениху Небесному — Господу. Тем более радостен для нас праздник Ее Введения во храм, что живя в сем храме, Она уготовила Себя благодатью Святаго Духа, чтобы быть храмом и вместилищем всеми неместимому Царю Своему и Господу, Который, несказанным образом родившись от Нея, спас от державы смертной и освободил от рабства диаволу. Будем же, братие, светло праздновать сей праздник и потщимся, елико можно, подражать его Виновнице: забудем все блага мира сего,

обручим наши души краснейшему всех красот Сыну Ее, обручим себя немедленно, если не потеряли еще золотого времени юности, то от самой юности поспешим обручиться с Ним, если желаем истинно удостоиться любви Его и тех красот, которые обещает Он Своей невесте в Писании. А Ты, о Храме и Дверь, Палата и Престол Царев! Ты умоли в сей светлый день входа Твоего во храм Создателя всяческих, да созиждется Ему храм в наших душах, и да почиет в наших сердцах благодать Его Всесвятаго Духа от ныне и до века! Аминь.

(Из поучительных слов Гедеона, епископа Псковского, на Введение во храм Пресвятой Богородицы)

744. Зачем девочкам грамота?

Люди простые нередко говорят о себе: "Мы люди темные, где нам всякую мудрость знать?" Хорошо, что они сознают темноту свою, но вот что нехорошо: мало они думают о том, как бы выйти из этой темноты на свет Божий, как будто им не хочется расстаться с той темнотой, к которой они привыкли... Например, им говорят: обучайте детей своих грамоте, посылайте в школу не мальчиков только, но и девочек; грамота — великий Божий дар: не лишайте сего дара деток своих!

А простецы на это отвечают: "Зачем нашим девочкам грамота? Знали бы они свое дело женское: щи да кашу сварить, за скотинкой ходить, одежду пошить да помыть, и довольно с них!"

Вот поистине неразумное рассуждение, только темные люди и могут так рассуждать! Как будто женщина — не человек, как будто ей вовсе не нужно знать заповедей Божиих, как будто для нее совсем лишнее дело почитать, например, слово Божие, жития святых угодников Божиих, прочесть молитвы перед святыми иконами... Ужели все это — лишнее дело? За что же вы хотите лишить ее того великого духовного утешения, какое человек имеет в чтении книг божественных? Да разве худо, если мать сама будет учить своих детей грамоте? Разве худо, если она может сама написать мужу записочку, если он отлучился куда, или прочесть полученное от него письмецо?.. Разве худо, если она даже и по хозяйству что-нибудь вычитает из хорошей книжки?..

Нет, друзья мои, не так рассуждают об этом люди добрые. Вот что, например, писал одному умному крестьянину, который сам занимался в школе с детьми, в Бозе почивший великий подвижник нашего времени, святитель Христов Феофан Затворник. "Бог в помощь спасения, возлюбленный о Господе! Труды твои по обучению детей благословенны.

Да поможет тебе благодать Божия продолжать полезное для других и спасительное для тебя дело. Пишешь, что встречаются затруднения со стороны родителей к обучению девочек. Очень и очень жаль. Но может быть они увидят хорошие плоды от девочек, уже обученных, и тем расположатся

отдавать и прочих на обучение. Отговорки... Да какие законные и разумные отговорки можно придумать? Одно только неведение должного дела. Молиться надо, чтобы Господь дал родителям понять свою ошибку и поревновать об учении своих дочерей. На отговорки их скажу малое нечто.

1. Говорят, что "хоть и выучится, а все не барин ее возьмет. Такая же будет крестьянка". — Будто грамоту знать только и пристало господам! Всем пригодно уметь читать и везде уж все учатся, и крестьяне, — девочки и мальчики. Зачем отставать от других? Что замуж выйдет за крестьянина же — что тут плохого? Да ведь мальчики-то все уж умеют читать, надо и невест им готовить умеющих читать, чтобы ровнее были. Когда муж и жена умеют читать, то, придет праздник, дома будут читать Евангелие или жития святых, или другую хорошую книгу. То муж почитает, то жена, и время будет идти душевспасительно. И мужу охотнее в праздничное время дома сидеть, когда и жена грамотна; а то скажет: "Что мне с тобой, неграмотной, сидеть?" — и пойдет... И то может случиться, что грамотная жена почитает в книге, и если муж собьется с пути, она будет знать, что при случае ему напомнить. Нет, нет... да, Бог даст, и образумит... А когда деток Бг даст, мать грамотная сама выучит их грамоте между делом. Так и пойдут по селу грамотные, хоть и школ не будь.

2. "Неграмотная, как неведущая, согрешит — меньше взыщется"... Да ведь это и с мальчиков так, и со всех, кто не знает грамоте. Так что же? И грамоту с лица земли согнать? Да и Евангелие-то надо спрятать, чтобы его в церкви не читали? А Бог посылает на землю пророков и апостолов — и Сам Своим лицом приходил на землю, и волю Свою святую нам открыл, как жить нам должно, чтобы спастись, и все это в Божественном Писании повелел начертать, и чтобы все люди читали и видели, чего от нас хочет Бог... Знать волю Божию и то, какие дела суть добродетели, какие — грехи, мы все должны, и кто сего не делает, тот грешит пред Богом. И выходит, что кто держит себя в темноте и безграмотности, дважды грешит — и тем, что не знает воли Божией, и тем, что не употребляет средств узнать ее, и нарочно держит себя в темноте. А кто и детей своих держит в той же темноте, тот третий грех творит — мальчиков ли, или девочек не учит. Родителям-то и самим следовало бы поскорее выучиться грамоте, чтобы читать, что говорит Господь во святом Евангелии, и святые апостолы от Его лица в "Апостоле". Но уж коли время пропущено, хоть детей своих пусть обучают.

3. "Выучи — в монастырь пойдет"... В монастырь тянет не грамота, а особое Божие звание. Если у кого есть дочь, желающая идти в монастырь, зачем ей мешать? Бог зовет — и пусть идет: себя спасет и за родителей помолится. А то выходит, что будто беда какая случится, если чья дочь в монастырь пожелает. Это есть милость Божия и к дочери и к родителям. Но совсем не бывает так, чтобы грамотная пошла уж непременно в монастырь. А то будет, что грамотная будет читать хорошие книги, и из них уразумеет лучше, как душу спасти; и уразумевши, жить так станет, и других тому научит. Спасаются не в одном монастыре. И в семейном быту спасаются — и

во всяком звании и состоянии. Но грамотной или грамотному удобнее спастись, потому что через чтение легче разуместь, как душу свою спасать.

4. Вот тут ответ и на четвертую отговорку, что "спастись можно и неграмотной". Можно; как против этого спорить? И грамотные погибают и неграмотные спасаются. Все от доброй воли, или куда сердце лежит. Уж на это всякий сам смотри, грамотный и неграмотный. Но вот спросить бы таковых: в чем, думают они, состоит спасение родителей? Главное — в добром воспитании детей. Надо их научить всякому доброму пути. Мало ли бывает у матерей времени, особенно вечером, когда ни они, ни дети ничего не делают? Особенно под праздники и в праздники? Отца нет дома, мать поговорила бы что, да не умеет. Дети шалят или спят. Время попусту проходит. А коли бы она грамотна была, развернула бы книгу и читала, особенно жития святых. Все бы охотно слушали. И сами себя учили бы, и детей. Вот и удобнее спасение. Многие другие от грамоты удобства есть ко спасению. Остерегай только, чтобы не загордились и много о себе думать не стали.

5. Говорят, что "замуж выйдет и все забудет". Да зачем же бросать им читать, выучившись? Как выучиться, так и купи книжку, — вот есть много дешевеньких, — и заставляй ее читать... вечерами, когда свободно, а то в праздник. Так и не забудет. Привыкнет так почитывать у отца с матерью — и замужем так будет делать, тем охотнее, что и муж будет грамотный. А я думаю еще, что грамоту трудно забыть. Кто хорошо выучится, как ее забыть? Ведь это то же, что мастерство. Кто чуть-чуть выучится мастерству и бросит, конечно, можно забыть. А кто хорошо выучится, тот не забудет. Так и в грамоте.

6. "Прясть стала"... есть о чем жалеть! Много ли девочка нарядит? И прядут-то они больше затем, чтобы выучиться прясть. Выучиться же сему они могут и обучась грамоте. Днем пусть грамоте учатся, а вечером прядут. То и другое будет идти рядом. И что будет-то! Мастерница какая может выйти. Есть теперь книги со всеми мастерствами: описано, что как делать. Купи ей тогда такую книжку. Почитает, и чему-чему она там ни научится — всем женским мастерствам! Времени же на обучение много не потребуется, девочки сметливее мальчиков. Скоро перенимают и навыкают читать. Все сие и подобное передавай родителям. Авось вразумятся. Возьмут в толк — добре, а не возьмут — Господь будет им судья. Сам же не унывай, и все продолжай трудиться. Когда обучишь всех мальчиков — и, о если б и девочек! — закваска будет положена, и грамота уж не переведется на селе. Ибо како грамотный отец захочет оставить сына своего необученным?.. Благословение Господне буди на тебе и семействе твоём, и всех учениках и ученицах твоих, и всех селянах. Всех Господь да спасет и помилует! — Многогрешный Феофан епископ" (Прибавление к Церковным Ведомостям, 1894, № 32).

Не будем ничего прилагать к сему богомудрому наставлению святителя Божия; скажем только: кто хочет видеть, что может сделать для своего

дитяти умная, грамотная мать, тот почти жития великих вселенских учителей и святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, блаженного Августина и других... О, если бы все матери-христианки были таковы! Ведь тогда воистину был бы рай на земле!..

745. Русский целитель — бессребреник

Когда прославлен бысть преподобный отец наш Антоний Печерский исцеления дарованием, прииде к нему из Киева в пещеру блаженный Агапит, желая душевного исцеления чрез! пострижение во святыи иноческий чин: еже и получи. Великий той муж сам служаще болящим, и молитвою своею тех исцеляше: обаче (однако), покрывая дарование, молитве своей данное, зелие тем от брашна своего, аки бы то врачебное было, подаяше. Сие убо видев блаженный Агапит, многая лета труждашеся, ревнуя (подражая) в подвизах святому старцу: ибо егда разболяшеся кто от братий, оставляше блаженный келлию свою, и служаще болящему брату, воздвизая (поднимая), полагая, и на своих руках износя, Бога же непрестанно моля о спасении болящего, аще и продолжаещеся иногда болезнь кому: сице (так) Богу благоволящу, да веру и молитву раба своего Агапита умножит. И тако последуя подвигом преподобного Антония, сподобися блаженный сей Агапит причастник быти тояжде с ним и благодати: исцеляше бо молитвою своею всех болящих, имже такожде подаяше зелие, еже брашна ради своего варяше. Того ради и врач прозван бысть, и мнози болящии приходяду к нему и здрави отходяду.

Бысть же в то время во граде Киеве врач некто, родом и верою арменин (из арминиан, еретиков), хитр зело во врачевании, ибо токмо воззрев на болящего к смерти, абие поведаше ему день же и час смерти, темже такового никакоже уже врачевати хотяше. От сицевых (таковых) болящих принесен бысть един в Печерский монастырь, иже бысть первый у князя Всеволода болярин, егоже арменин во отчаяние введе, прорек ему по осми дней смерть. Блаженный же Агапит, сотворив молитву о нем, даде ему в снедь зелия, еже сам ядаше, и здрава его сотвори: и абие (тотчас) промчеша о нем слава по всей земли Российской.

Армении же зависти стрелою уязвлен, нача укоряти блаженного, и посла в Печерский монастырь некоего на смерть осужденного, емуже смертного зелия дати повеле, да вкусив пред Агапитом, умрет. Блаженный же, видев сего умирающа, даде ему тогожде зелия, еже сам ядаше, творя молитву о нем: и тако избави от смерти повинного смерти. И оттоле наипаче вооружися на блаженного иноверный той арменин, и наустити единовверных своих, да подадут самому Агапиту смертное зелие испити: блаженный же, испив, без вреда пребысть. Весть бо Господь благочестивыя от напасти избавляти, иже рече: аще и что смертно испиют, не вредит их (2 Пет. 2; 9, Мк. 16; 18). Посем разболеся в Чернигове князь Владимир Всеволодович Мономах, егоже с

прилежанием врачеваше арменин: обаче ничтоже успе, но паче недуг бываше болий. Темже князь уже при кончине сый, посла ко игумену Печерскому, уже тогда сушу Иоанну, моля, да послет к нему в Чернигов блаженного Агапита, врачевания ради. Игумен же, того призвав, извести ему моление князя, но блаженный Агапит, иже николиже виден бысть исходити вне врат и врачевати кроме монастыря, со смирением отвеща: "Аще ко князю сицеваго ради дела иду, то и ко всем иду. Молю тя, отче, да не будет ми пред монастырская врата изыти, славы ради человеческия, от неяже обещахся пред Богом до последнего моего издыхания бежати: аще изволиши, во ину паче страну иду, и потом возвращуся семо, егда нужда сия минет". Разумев же посланный от князя, яко не возможет самого блаженного Агапита к своему господину призвати, нача молити, да поне (по крайней мере) зелия на исцеление подаст. Принужден убо игуменом, блаженный даде посланному зелия от своего брашна: егоже егда князь вкуси, абие здрав бысть, молитв ради блаженного. Тогда князь Владимир Мономах прииде сам в Печерский монастырь, хотя видети, кто есть, имже Бог здравие ему дарова. Но Агапит скрыся: темже князь принесенное тому злато даде игумену. Обаче (однако) не по мнозе посла паки тойже Владимир единого от бояр своих со многими дары к блаженному Агапиту: егоже посланный в келлии обрет, положи пред ним еже принесе. Блаженный же рече ему: "О чадо, аз николиже (никогда) от кого что взях: понеже николиже исцелих силою моею, но Христовою, не требую убо и ныне сего". Отвеща боярин: "Весть, отче, пославый мя, яко не требуеши ничесоже, но молюся ти, утешения ради сына своего, емуже Бог здравие тобою дарова, приими сие, и даждь нищим". Глагола убо ему старец: "Понеже тако вещаеши, с радостью прииму. Рцы же пославшему тя, яко и от прочих, елика имать, ничтоже взяти возможет с собою, от жития отходя: темже да раздаст я нищим, молю, да не преслушает мя в том, да не что горее постраждет". Сия рек, взя блаженный Агапит принесенное злато, и иде с тем из келлии аки сокровения ради: и изнес вне келлии, поверже, сам же, бежав, скрыся. Боярин же помале изыде, и се, видев поверженныя пред враты вся дары, взял убо даде игумену Иоанну. Таже возвратися ко князю и поведа ему о блаженном вся, яже виде и слыша: и разумеша вси, яко истинный раб Божий есть. Князь же, не дерзая преслушати святого, нача нещадно раздаяти имение свое нищим.

По многих же трудех и подвизах Богоугодных разболеся сам безмездный сей врач, блаженный старец Агапит. Еже уведав преждедеченный оный врач арменин, прииде к нему посещения ради, и нача стязатися с ним о врачевней хитрости, вопрошая его: "Каковым зелием врачуется таковой недуг?" Отвеща блаженный: "Имже Господь Сам, яко врач, души и тела здравие подаст". Разумев же арменин весьма невежду его во врачевании, глаголя к своим: "Не умеет сей ничтоже от нашея хитрости." Таже взял его за руку, рече: "Истину глаголю, яко в третий день умрети имать: аще ли изменится слово мое, тогда аз изменю житие мое, и буду сам таковой же монах". Блаженный же с гневом рече: "Таков ли есть твоего

врачевания образ? О смерти паче, нежели о помощи твоей сказуеши. Аще искусен еси, даждь ми живот: аще же сим не владееши, что мя укоряеши, осуждая в третий день умрети? Мне бо известил Господь, яко по третьем месяце имам отъйти к Нему". Глаголя ему паки арменин: "Се, уже весь изменился еси, яко таковым николиже мощно жити более третьяго дне". Изнемог бо зело старец, яко не мощи ему ниже двигнутися о себе. Между же сим принесоша к блаженному Агапиту, толико самому болящему, иного некоего больна из Киева, исцеления ради. Блаженный же пречудною Божию помощью воста абие (сразу), аки не боле (как не болел), и взял обычное свое зелие, еже имяше в снесь, показа арменину, глаголя: "Се есть зелие врачевания моего, виждь и разумей". Он же, виде, глаголя святому: "Несь сие от наших зелий, но мню, из Александрии быти". Посмеялся же блаженный невежеству его, даде болящему вкусити зелия того, и помолився, абие здрава того сотвори. Таже глаголя ко арменину: "Чадо, молю тя, яждь тое зелие со мною, аще угодно ти есть, понеже не имам чим учредити (угостить) тя". Отвеща ему арменин: "Мы, отче, сего месяца четыре дни постимся, и ныне пост имам". Слышав же сия блаженный, вопроси его: "Кто еси ты, и коея веры?" Он же отвеща: "Не слышал ли еси о мне, яко арменин есмь?" Блаженный же рече к нему: "Како убо дерзнул еси внити семо и осквернити келлию мою? Еще же и держати... за грешную мою руку? Изыди от мене, иноверие и нечестиве!" Он же, посрамлен быв, отъиде. Блаженный же Агапит, по проречению своему, проживе три месяца и мало поболев ко Господу отъиде месяца июня 1 дня. Честныя же его мощи братия опрятавшие (уложив прилично) по обычаю с пением в пещере преподобного Антония положиша. По смерти же святого прииде арменин в монастырь Печерский и глагола игумену: "Отселе уже оставляю арменскую ересь и истинно верую в Господа Иисуса Христа, Емуже работати желаю во иноческом святом чине, явися бо мне блаженный Агапит глаголя: «Обещался еси иноческий восприяти образ; аще солжеш, с животом и душу погубиши». Аз же верую, яко явивыйся мне святой есть, понеже аще бы хотел много время жити zde, даровал бы ему Бог; зане (ибо) аз разумех не прежити ему трех дней, Бог же приложи три месяца. Ныне убо мню, яко сам восхоте отъйти от нас, яко святой, желая Царствия святых". Сия слышав от арменина игумен, постриже его во иноческий святой чин. Он же, подвизался Богоугодно житие препроводи, и в том же монастыре Печерском блаженную восприя кончину в честь Врачу душ и телес. Слава Господу нашему Иисусу Христу, со безначальным Его Отцем и с Пресвятым, Благим и Животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Память преподобного отца нашего Агапита, врача безмездного, Печерского чудотворца, совершается 1 июня.

(Из Патерика Печерского)

746. Памяти незабвенного Государя-миротворца

Давно ли Москва, трепеща от радости, встречала бесконечно любимого Государя, давно ли она красовалась и ликовала в своем убранстве, как невеста? Всего ведь только полтора года тому назад мы все видели его среди нас, и при виде его сердце каждого разгоралось огнем радости, восторга, и любви, — любви беззаветной, полной до самопожертвования! Боже, да давно ли были эти незабвенные июльские дни 1881 года, — дни неожиданной, светлой всенародной радости, когда православный народ в первый раз увидал, точно яркое солнце, своего Царя в его древней столице, в Кремле с его святынями, с его преданиями и заветами! А чудные, во веки незабвенные дни священного коронования! Как живые вновь воскресают они в памяти... С какой ужасающей ясностью поднимаются в душе, потрясенной ужасным ударом, светлые образы минувшего! Но не слезы умиления и восторга, — другие, горькие слезы теперь душат грудь, и вновь ожившие воспоминания еще более надрыдают сердце... В немногие годы точно чудо совершилось на наших глазах: весь наносный хлам чужеземных понятий, как мрачная туча, начал быстро исчезать; свободнее начинала дышать грудь каждого истинно русского человека, напитываясь животворящим веянием истинно русских исконных заветов; все государство стало приходить в достоинство... Стоило только ярко засиять солнцу Русской земли, как она, родная, вся точно ожила, ободрилась, успокоилась.

Но довольно! Зачем растравлять рану и без того глубокую, зачем говорить более об этих немногих годах, увы! — теперь уже минувшего царствования? Лучезарный образ почившего Государя все еще носится в душе каждого... Думы неотступной вереницей проходят в душе, застилая глаза слезами и затрагивая самые сокровенные струны сердца... И вот проносится в душе картина давно-давно минувшего. Такая же глубокая осень... Так же томительно ждут русские люди известий с далекой окраины... Великий князь Александр Ярославич Невский возвращается из Орды, куда ходил искупительной жертвой за дорогую родину, но возвращается больной, разбитый жестоким недугом... С каким нетерпением, с какой радостью увидали бы русские люди его светлый лик! Но Провидение судило иначе. Не пришлось неутомимому труженику и страдальцу за землю Русскую явиться среди своего народа... Божественная служба совершалась в соборном храме в стольном Владимире. Митрополит Кирилл вместе со своей паствой возносил теплые молитвы Богу, молился о здравии и благополучном возвращении Великого князя, которого все так долго и с нетерпением ждали. Устремляя свои взоры горе, как бы к самому престолу Всевышнего, святитель внезапно был поражен необычайным видением: пред ним, как живой, но озаренный неземным сиянием, великий князь Александр... Тихо, как бы возносясь на крылах ангельских, удаляясь вверх, скрылось от очей святителя "подобие образа блаженного великого князя Александра". Митрополит понял, что доблестного защитника Отечества не стало, и слезы закапали из глаз старца...

"Чада моя милая, знайте, что зашло солнце Русской земли, ныне благоверный князь великий Александр преставился! И бысть плач велий, и кричание, и туга, яко же несть такова бывала, токмо и земли трястися...". (Петербург, 20 октября, 11 часов вечера. В церквах, по обыкновению, шло Всенощное служение, и собравшийся здесь народ еще ничего не знал о страшном горе, постигшем Россию. Ужасная весть пришла во время богослужения; духовенство тотчас же переделось в черное облачение и, выйдя к молящимся, объявило о кончине державного страдальца. Все пали на колена и зарыдали. Перо не может передать этой потрясающей сцены; я был в это время во Владимирской церкви, и после объявления роковой вести ничего не слышал, кроме общего рыдания, заглушавшего и слова священнослужителей, и пение певчих. Священник, продолжая богослужение, все время не отнимал от глаз платка, заливаясь слезами и еле выговаривая слова сквозь сдерживаемые рыдания ("Московские Ведомости", № 291).)

О, как мы живо понимаем в настоящую скорбную минуту чувства наших предков! Одна и та же "туга" роднит нас теперь с ними. Подобно тому, как они в то страшное время испытали нашествие с Востока ужасных азиатских полчищ, истерзавших Русскую землю, мы так же подвергались не менее страшному нашествию с Запада чуждых нам понятий, заплонивших, было, Россию, и злодейскими руками отуманенных ими безумцев растерзано было сердце каждого русского... Так же, как и среди нас, к великому утешению наших предков явился среди них властелин, подобного которому не было "ни в царях царя, ни в князях князя, якоже... Александр". Так же, как и у нас, родитель блаженного Александра скончался от вражеской руки "нужною", то есть насильственной смертью. Так же было растерзано сердце его благородного сына, принимавшего на себя бремя правления среди тяжелых обстоятельств... Там же, как и наш, в Бозе почивший возлюбленный Государь, святой Александр не готовил быть главой своего народа, но внезапная кончина старшего брата, поразив сердце блаженного князя невыразимой грустью, сделала неизбежным для него тяжкое бремя правления. Провидение знало, кто нужен был Русской земле в те ужасные времена. Так же, как и нашему в Бозе почившему Государю Александру Александровичу, святому предку и Ангелу хранителю его и земли Русской, удалось отворотить ужасную тучу бедствий и указать русскому народу, в чем должен заключаться на все грядущие века залог его величия и благоденствия. Так же, как и наш незабвенный Государь, святой князь достиг великих успехов не громкими делами славы мирской, но спокойным разумом, глубоким смирением, самоотверженными трудами, великой правдой души и непоколебимой верой в Провидение и в силы своего народа... Так же, как святой Александр, великий Государь наш на высоте своего величия не соблазнился славой мира сего: живое, искреннее благочестие и всецелая преданность вере Православной проникали в душу его. Только среди чистых семейных радостей находит он отдых от неутомимых трудов: его чистая семейная жизнь служила для всех нас ярко сияющим примером! И не

озарилась ли жизнь нашего возлюбленного Государя дивными проявлениями Божия благословения и покрова, подобно тому, как перст провидения охранял, среди ужасных опасностей, блаженного князя — хранителя земли Русской? И чем более всматриваешься в сияющие черты святого древнерусского князя, тем более поражаешься живому сходству с возлюбленным, в Бозе почившим, Государем нашим... Не питал ли он, милосердный и сострадательный, своего народа в годину голода, подобно своему великому прообразу? Так же, как недавно и у нас, во дни святого Александра Россия испытала в небывалых прежде размерах бедствие голода и "бьаше туга и печаль, на уличи скорбь друг с другом, дома тоска...". И тогда-то, как и наш возлюбленный Государь, Александр явился "сиротам и вдовицам заступником и беспомощным помощником", и "не изыде из дому его никтоже тощ...". Не прошло и тринадцати лет, после того как святой Александр Невский получил великое княжение (сперва в Киеве в 1250-1263 годах), как Русской земле пришлось уже проститься со своим красным солнышком, — во цвете лет, при избытке, как казалось, сил душевных и телесных... Не тот же ли краткий срок пришлось и нам лицезреть и радоваться на закатившееся теперь наше красное солнце, не так же ли во цвете лет и богатырских сил пришлось оплакивать благороднейшего и лучшего из царей? Вечная славная память осталась на Руси о блаженном Александре Невском, "иже много тружшеся, за землю Русскую живот свой полагая". Веруем мы, что так же никогда не забудет Русская земля своего дорогого Государя Александра Александровича, любившего родную землю "всею силой своей русской души" и служившего ей, "не щадя здоровья своего, ни жизни своей", — что она, Святая Русь, оплачет его слезами столь же неподдельной, искреннейшей скорби, как оплакала некогда кончину святого Александра, что каждый из верноподданных готов повторить слова, вылившиеся некогда из горячо любящего сердца: "Горе тебе, бедный человеце! Как опишешь ты кончину господина своего? Как от тоски не разорвется сердце? Человек может оставить отца, а доброго господина нельзя оставить, с ним бы и в гроб лег, если бы можно было!" Ведомы ли духу твоему, отец Отечества, возлюбленный Государь наш, ведомы ли теперь тебе те слезы, скорбь и туга сердечная, с какими народ твой принял известие о твоей кончине? И в короткое время твоего правления ты немало огорчений испытал, немало тяжких трудов подъял, как ценили тебя, как любили тебя! Кончилось видимое общение твое с горячо любимой тобой Россией, но началась вместе с тем бессмертная жизнь твоего имени в благодарной памяти народа, в душе которого глубоко запечатлелся твой светлый образ; кончилось предназначенное тебе время подвигов, но вместе с тем началось нескончаемое время вечных радостей для чистой души твоей... И верится нам, что ты, кого Всевышний некогда столь чудесно спас среди сени смертной, ныне взят от нас для того, чтобы увенчать главу твою венцом вечной, неувядаемой славы... Мы же здесь вознесем за тебя искреннейшие, нелицемерные молитвы ко Всевышнему, да наградит Он тебя за все

благоденствия, какие оказал ты безгранично преданному тебе народу твоему! Слышится нам, возлюбленный Государь наш, из гроба твоего священный завет, с которым некогда обратился к русским людям святой Александр Невский: "Служите сынови моему, аки мне, всем животом своим...". И мы ничем не можем доказать всей своей любви к тебе, отец Отечества, как искреннейшими о тебе молитвами и обетом несокрушимой верности, который с сердечной готовностью каждый из нас принесет пред лицом Всевышнего — служить возлюбленному наследнику твоему, ныне благочестивейшему Государю нашему, служить "ему, аки тебе самому, всем животом своим!"

747. Многочисленным именинникам на день святителя Христова Николая

По имени твоему тако и житие твое...

Так говорится в одном из песнопений церковных в честь и славу святителя Христова Николая. Его имя означает "победа", и в самом деле он явился истинным победителем, побеждая благим злом, и прежде всего в самом себе был победителем своих страстей. Глубоким смирением он поправил в себе самолюбие и гордость, воздержанием и постом победил плотские похоти, самоотвержением и духовной нищетой поправил сребролюбие и всякое пристрастие к земному, молитвой и трезвением преодолевал уныние и леность, кротостью и незлобием обезоруживал всякую злобу и лукавство, горячей любовью к ближнему поправил и искоренил зависть и недоброжелательство, неистощимым милосердием к несчастным сокрушил скупость и холодное безучастие к бедствующим. По имени его тако и житие его...

И каждому из нас, братие, при самом появлении на свет Святая Церковь принесла в дар святое имя одного из праведников, торжествующих на небе, для того, конечно, чтобы по сему святому имени было и житие наше. Обращали ли вы когда-либо должное внимание на этот драгоценный дар Святой Церкви? Думали ли о том, как важно и драгоценно для нас и чего требует от нас данное нам в Святом Крещении имя? — Подлинно драгоценно для нас это святое имя. Это первая собственность, которую приобретаем мы в мире, собственность неотъемлемая, которая одна перейдет с нами в вечность. Ничем не отличает природа рождающегося на свет младенца, не отличает ничем и полагаемого во гроб мертвеца. Одна Святая Церковь наречением христианского имени отличает и колыбель, и могилу христианина. Под этим именем, как бы под некой священной печатью, он живет и действует среди миллионов подобных ему людей; под этим именем хранится память о нем в роды родов и творится воспоминание о нем в молитвах Святой Церкви пред Престолом Господним; с этим именем он явится и на небе, посреди собора небожителей. Нагими приходим на свет,

наги и выйдем отсюда. Ничего не приносим с собой в мир, ничего и не вынесем из мира. Сколько бы мы ни приобрели сокровищ в продолжении жизни, они все останутся здесь, по сию сторону гроба. Каких бы ни удостоились почетных титулов и отличий, они все останутся сверху земли на памятнике надгробном. Одно небесное сокровище оправдывающей благодати Божией, даруемое нам в Крещении вместе с христианским именем, пребудет нашим неотъемлемым сокровищем на всю вечность, если не потеряем его сами. Одно высокое титуло сынов Божиих будет нашим вечным отличием, если не лишимся его по собственной вине. Уже посему одному христианское имя, даруемое нам Церковью, есть такое сокровище, драгоценнее которого нет ничего в мире и которое нам должно хранить с особенной осторожностью и вниманием.

Вспомните, какое это имя? — Это святое и прославленное Богом имя одного из тех блаженных небожителей, которые, окончив благочестно и богоугодно поприще земной жизни, переселились в небесные обители, где вместе со святыми Ангелами выну видят лицо Отца Небесного. Наричая нас таким именем, Святая Церковь вводит нас не только в общество верующих во Христа, причисляя к лику чад Божиих, но и в светлое и светносное общество духов, праведников совершенных. Отселе весь неисчислимый собор святых Божиих, стоящих пред Престолом Божиим на небе, становится нашими братьями и сродниками, нашими присными друзьями, нашими покровителями и заступниками, нашими предстателями и ходатаями пред Престолом Отца Небесного. За дорогое ценят люди украшаться именем, унаследованным от предков именитых и славных; но может ли быть имя славнее того, которое прославлено Самим Богом и вписано в книгу Живота Вечного, — имя пророка или апостола, исповедника или мученика, святителя или преподобного? Настанет время, когда все бытописания человеческие со всеми прославленными в них именами исчезнут навсегда, — останется одна книга Живота Вечного и вписанные в нее святые имена избранных и друзей Божиих. За счастье почитается в свете быть в связи с кругом людей великих и славных, знаменитых происхождением рода, сильных богатством и властью. Не высшее ли счастье быть в союзе и общении с целым миром духов праведников совершенных, с собором избранных и друзей Божиих, с которыми соединяет нас Церковь наречением имени одного из них? Настанет час, когда все наши земные связи пресекутся рукой смерти, когда никакое покровительство сильных земли нисколько не поможет нам. Один союз веры и любви во Христе Иисусе пребудет вечным, одно мощное заступление и ходатайство избранных и друзей Божиих может оказать нам действительную помощь и после нашей смерти, на самом суде Христовом.

Счастливым почитают человека, который имеет искреннего, нелицемерного друга, мудрого и прозорливого советника и наставника, верного и опытного руководителя в жизни. Насколько же счастливее мы все под благодатным покровом Святой Церкви, которая каждому из нас дарует в соименном нам святом такого друга, которого любовь и дружба не оставит

нас ни в настоящей жизни, ни по смерти, такого наставника и руководителя, который премудрее и опытнее всех мудрых земли? В этом-то и состоит, братие мои, особенное преимущество нашего христианского имени, что с наречением его Святая Церковь соединяет нас родственным, преискренним союзом с соименным нам святым угодником Божиим, вручает нас его ближайшему надзору, хранению и руководству, подобно как в благоустроенных семействах чад юнейших поручают надзору и попечению старейших и опытнейших. С того времени соименный нам угодник Божий приемлет нас под свое особенное попечение и покровительство, становится нашим хранителем и защитником, наставником и руководителем, помощником в трудах наших, ходатаем нашим пред Богом и ближайшим для нас примером христианской жизни. С неба гораздо виднее все, что происходит на земле, и потому небесный руководитель ошибаться не может: нам должно с полной доверенностью предаться его водительству, стараться быть достойными его благих советов и наставлений, с благоговением прислушиваться к его вещаниям в нашей совести и сердце. Помощник, облеченный силой Божией, благонадежен: нам должно с твердым упованием притекать к его заступлению и просить его помощи. Ходатайство праведного много может и на земле, когда и сам праведник обложен еще немощью плоти; тем могущественнее оно на небе, когда он приял от Господа честь и славу предстоять пред Престолом Божиим и беседовать с Господом лицом к лицу. Пример святого неложен: ему должно последовать неуклонно, он верно приведет туда, где сам. Для сего-то и нужно каждому из нас изучать тщательно житие святого, которого имя на себе носим, чтобы всматриваться в него, как в зеркало, поверять по нему собственную жизнь свою, чтобы, подражая ему в делах благочестия и добродетели, усвоить себе мало-помалу его богоподобные свойства, сблизиться и сродниться с ним духом и сердцем своим, чтобы явиться достойным водвориться некогда вместе с ним в небесных обителях Царствия Божия.

Позаботимся же, братие мои, сохранить святое имя свое чистым и непорочным, чтобы не запятналось оно бесславием греха и бесчестьем постыдных дел, чтобы прославленное Богом имя праведника не хулилось во языцех нашей порочной жизнью. И в человеческих обществах человек, опорочивший благородное имя низкими и бесчестными поступками, лишается всех прав и изгоняется из общества; тем паче лишен будет благодати и славы Божией и изгнан во тьму кромешную тот, кто опорочит святое имя своего небесного покровителя грехами и беззакониями. И на земле нередко даже родной отец отвергает своего сына, который порочной жизнью и бесчестными делами унижает честь своего рода, бесчестит доброе имя своих родителей и предков; отвергается и от нас и не примет нас в свои вечные кровы небесный покровитель наш, если мы своей нечестивой и беззаконной жизнью опорочим его святое имя, прославленное Богом и на земле, и на небе. Так, грехи и неправды наши могут лишить нас всех преимуществ и чести, которых удостоились мы туне наречением нам святого

и прославленного Богом имени христианского, и подвергнуть нас тяжкому осуждению на Страшном Суде Христовом. Горе нам, если на небе не узнают нас под тем именем, которым нарекла нас Святая Церковь! А не узнают, если о том не засвидетельствуют дела наши: «кийждо бо от своих дел или прославится или постыдится». Аминь.

(Из "Полного собрания проповедей" святителя Димитрия, архиепископа Херсонского)

748. Наша Небесная Заступница

«Да не забудут люди дел Божиих» "Софийский временник"

Слишком пятьсот лет назад в Москве совершилось достопамятное событие. Это было 26 августа 1395 года...

Утро, но жители Москвы уже на ногах и все стремятся на Кучково поле, — туда, где стоит теперь Сретенский монастырь. Что же такое случилось? Отчего народ, забыв все, взволновался до глубины души и пришел в такое движение? На Руси есть пословица: "Кто в море не бывал и бури не видал, тот Богу не молился". Значит, что-нибудь особое, необыкновенное грозило русскому народу...

Русский народ хорошо знал, что такое значит нашествие и погромы монголов. Голод, мор, война и землетрясения, соединившись все вместе, не причиняют такого вреда, как монголы. Русский народ не забыл еще погрома Батыева, не забыл страшного опустошения, обезлюдившего землю Русскую. Но вот, надвигалась новая грозная туча. Сперва глухо, потом все громче и громче стала носиться молва, что где-то там, в далекой Азии, "от заацких татар, от самархиньские земли, от Синие Орды, иже бе за железными враты, востал некоторый царь", который своей силой и нечеловеческой лютостью превосходит всех дотоле известных губителей. Мало и смутно знали о нем русские люди, но и то хорошо было им известно, что этот царь "горее давнего и пуще прежнего бысть лют разбойник". Каков ужас объял наших предков, когда они услышали, что этот страшный царь, "егоже некогда в повестех слышахом далече суца под востоки солнечными, ныне же близ яко при дверех..."! Кто же был этот новый страшный губитель?

Настоящее имя этого ужасного человека, беспощадно истреблявшего и людей, и то, что было создано тысячелетними трудами рук человеческих, — Тимур Ленг, что значило "Тимур Хромой", а наши предки называли его Темир Аксак, "еже протолкуется железный хромец". Этот Тимур Ленг или Тамерлан, собрав дружину и в лихих боях заслужив прозвание "богатыря", задумал покорить всю вселенную... Его неукротимая отвага приковывала к нему воинов. Заслышав привычный крик вождя, завидя взмах его кривой сабли, они бросались, как тигры, почуявшие кровь. В 1371 году, в 35-летнем возрасте, он владел уже землями от Каспия до Манчжурии. Страшные рассказы о его нечеловеческой свирепости леденили кровь в жилах. Подобно

Чингизу, он заставил дрожать пред своим именем Азию и Европу, залил их потоками крови, разрушил города, истребил миллионы людей и заслужил, подобно Аттиле, прозвание "бича Божия". Вместо цветущих городов, окруженных роскошными засеянными полями, виноградниками и фруктовыми садами, Тамерлан оставлял развалины и прочные, на цементе, пирамиды из человеческих голов в назидание потомству. Граждане одного города выслали для умиловления Тамерлана всех своих детей. При виде малюток, одетых в белые одежды и шедших навстречу ему с пальмами в руках и пением священных гимнов, в нем внезапно разыгрался губительный демон, он помчался вперед на своем коне. "За мной!" — крикнул он своей коннице. Несчастные родители со стен города с ужасом увидели, как их дети были растоптаны конскими копытами... "Мое имя ужасает вселенную, — хвалился свирепый завоеватель, — самая глубина морская не скроет врага от моей мести!" И вот, такой-то губитель явился в пределах нашего Отечества. Для святой Руси наступила грозная година. Русский народ еще не вполне оправился от прежних погромов, но что они значили, что значил даже свирепый Батый пред Тамерланом? Казалось, недавняя Куликовская битва была только напрасной тратой народных сил.

Великий князь Василий Дмитриевич собирал полки, готовился к бою... Но, без сомнения, Тамерлана вовсе не пугали военные приготовления Московского князя. Не ждал себе спасения от человеческой силы ни сам князь, ни народ. По всей Русской земле возносились горячие молитвы к небу, все московские церкви были открыты с утра до глубокой ночи. Народ проливал слезы, постился, все готовились к смерти.

В это ужасное время Великий князь вспомнил о дивной иконе, находившейся во Владимире. То была известная теперь под именем Владимирской икона Пресвятой Богоматери, писанная, по преданию, святым евангелистом Лукой (читай о ней "Троицкий листок" № 587). И вот, Великий князь из воинского стана послал в Москву к митрополиту Киприану просьбу, чтобы он послал посольство за святой иконой во Владимир. Митрополит изумился такой просьбе князя: его самого в это время занимала мысль о перенесении святой иконы. Посольство было немедленно отправлено. 15 августа, в самый праздник Честного Успения, икона была поднята во Владимире. Владимирцы проводили свою великую святыню "честно, верою и любовью, страхом и желанием, с плачем и скорбию...". А 26 августа святую икону уже встречали в Москве. Можно сказать, что в этот достопамятный день у всех москвичей была одна мысль, одно желание — поскорее увидеть Пречистый лик Царицы Небесной, Заступницы народа православного... Весь город вышел на сретение Ее святой иконы. Окружая первосвятителя и весь его священный собор, густыми тучами толпился народ, — все, от мала до велика, со слезами, и не было человека, который бы не плакал, и со всех сторон слышалось моление к Матери Божией: "Не предай же нас, Заступнице наша, Надеждо наша, не предай нас в руки татарам!"

Несметные, необозримые полчища страшного Тамерлана, точно мрачные тучи, покрывали окрестности города Ельца в ночь на 26 августа. Сам грозный "владыка мира" покоился в великолепной ставке своей.

Бессменно, не смыкая глаз, князья и ханы Азии окружали ставку, охраняя сон грозного повелителя. Но ему нет сна от страшных видений. Видится ему высокая гора, а на ней дивные старцы с жезлами в руках, грозящие ему. Необъятный свод небесный над горой... Свет ярче солнечных лучей... И в свете том — дивная Царица, в багряных ризах сияющая паче солнца молниезрачными лучами. А в лучезарной выси небесной — бесчисленные воинства, готовые устремиться по первому мановению Царицы. Но Царица спокойно молится, простирая руки горе. Вдруг, грозно взглянув на него, Царица повелевает всем тьмочисленным воинствам обрушиться на него. Отчаянный крик раздается в царской ставке. Вбежавшие вельможи находят своего владыку в таком виде, в каком никогда не видали. Бестрепетный в виду смерти в боях, он теперь дрожал и стонал в полном изнеможении. Наутро свирепый завоеватель повелевает неожиданно всем сниматься и быстро отступать.

Неописуема была радость русских, когда они узнали о быстром удалении в Азию страшного врага. Узнав об отступлении Тамерлана, Великий князь поспешил возвратиться в Москву. Здесь встретил его митрополит Киприан. В слезах возносили они вместе со всем народом благодарные молитвы пред чудотворным образом Матери Божией. А на том месте, где произошла знаменитая встреча, воздвигнута церковь во имя Пречистой Богородицы "Честнаго Сретения", да не забудут людие дел Божиих. В то же время установлено навсегда празднование Владимирской иконе Богоматери 26 августа.

А что же Тамерлан? Он излил свою злобу на улусах Кипчакской орды, на татарских городах, на Астрахани, на Азове. Он испепелил их. И нашествие Тамерлана, что грозило святой Руси страшной гибелью — принесло ей величайшую пользу: страшный враг христианства нанес смертельный удар ее вековому врагу — Золотой Орде...

749. Как встречать день Рождества Христова?

Вам известно, братие, как велика бывает радость и сколь многочисленно бывает собрание народа в тот день, когда празднуют рождение царя земного. Как вожди и начальники, так и все воины, облекшись в самые лучшие одежды, препоясавшись дорогими, златом сияющими поясами, спешат тогда предстать в блистательнейшем великолепии пред лице царя своего. Они знают, что радость царя увеличится, когда он увидит особенную красоту их убранства, и что он тем больше возвеселится, чем больше они покажут усердия во время его торжества. (Царь, как человек, не зрит на сердце, и судит о расположении к себе только по наружным признакам, и потому, кто

больше любит царя, тот одевается тогда в светлейшие одежды.) Кроме того, знают они, что царь в день рождения своего бывает особенно щедр и раздает весьма много милостей не только вельможам своим, но и тем, кои в доме его почитаются людьми низкими и презренными — посему и стараются предварительно наполнить его сокровищницы различным богатством, дабы он, желая раздать милости, мог раздавать их щедро, так чтобы скорее истощилось в нем самое желание к раздаянию милостей, нежели оскудело его богатство. Все это они делают с усердием, потому что и сами надеются получить за то великую награду.

Братие! Если сыны века сего ради временной чести встречают с таким приготовлением день рождения земного царя своего, то как должны мы сретать день рождения вечного Царя нашего Иисуса Христа, Который за наше к нему усердие наградит нас не временной, но вечной славой, и сподобит нас чести не земного начальства, которое переходит к преемнику, но Небесного Царства, которое не имеет преемника? А каково будет нам воздаяние, о сем говорит Святое Писание: «Ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его» (Ис. 64; 4. 1 Кор. 2; 9).

Какими же одеждами мы должны украсить себя? Я говорю "себя", то есть души наши, потому что Царь наш Христос не требует великолепия одежд, но приверженности душ; не смотрит на украшение тела, но зрит на сердце служащих Ему; не дивится блеску тленного пояса, коим препоясуются чресла, но восхищается непобедимым целомудрием, которое связует стыдом греховные вожеления. Итак, потщимся явиться пред Ним искусными в вере, облеченными в милосердие, благоустроенными в нашей жизни: кто искреннее любит Христа, тот пусть светлее украсит себя соблюдением Его заповедей, дабы Он видел, что мы истинно в Него веруем, являясь в такой великолепии во время торжества Его, и тем больше бы радовался, чем больше зрел бы в нас плод чистоты духовной. Уцеломудрим же заранее сердца наши, очистим совесть, освятим дух, и в чистоте и непорочности станем сретать пришествие Всесвятаго Господа, дабы день рождения Того, Кто родился от Пречистой Девы, празднуем был непорочными Его рабами. А кто является в оный день нечистым и оскверненным, тот не чтит Рождества Христова, — тот хотя телом и присутствует при торжестве Господнем, но духом своим далек от Спасителя. Нечистый не может иметь общения со святым, скупой — с милосердным, растленный — с девственным, а если он, недостойный, вступает в такое общение, то тем еще более оскорбляет того, с кем входит в общение, потому что не знает самого себя. Желая казаться усердным, он на самом деле является дерзким, как тот упоминаемый в Евангелии человек, который, будучи зван на брачный пир, осмелился войти в собрание святых, не одевшись в брачную одежду, хотя иной сиял тут правдой, другой блистал верой, третий светил целомудрием, — он один, имея нечистую совесть, при сиянии всех возбуждал только отвращение ужасным своим трепетом. И чем

более блистала святость возлежавших тут праведников, тем очевиднее была скверна грешника, который, может быть, не произвел бы такого отвращения, если б не явился в сонме святых. Потому слуги царицы, связав ему руки и ноги, ввергли его во тьму кромешную, — не только за то, что он был грешник, но и за то, что, будучи грешником, присвоил себе награду, определенную святости (Мф. 22; 11-23).

Итак, сретая день Рождества Господа нашего, очистим себя, братие, от всякой скверны грехов, наполним сокровищницы Его различными дарами, дабы в тот святой день было чем утешить странников, облегчить скорби вдовиц и одеть нищих. Ибо хорошо ли будет, если в одном и том же доме, между рабами одного господина, иной будет веселиться, нося шелковые одежды, а другой унывать, ходя в рубище? тот пресыщаться пищей, а сей терпеть и холод и голод? И какое будет действие нашей молитвы, когда мы просим избавить нас от лукавого, а сами не хотим быть милостивы к своим братьям? Будем подражать Господу нашему. Если Ему угодно было сделать бедных вместе с нами участниками небесной благодати, то почему им не участвовать с нами же в земном богатстве? Братья по Таинствам не должны быть чуждыми друг другу по имуществу; мы вернее приобретаем чрез то ходатаев за себя пред Господом, когда своим иждивением питаем тех, кои приносят благодарение Богу. Бедный, благословляя Господа, оказывает пользу тому, при содействии коего благословляется Господь. Ибо, как Писание говорит, горе человеку тому, чрез которого имя Господа хулится; мир человеку тому, чрез которого благословляется имя Господа Спасителя нашего. Заслуга благотворителя такова, что он в доме своем оказывает милость один, а в церкви устами многих (получивших от него благодеяние) умоляет Господа, и чего сам бы не осмелился иногда просить у Бога, то по ходатайству многих получает неожиданно. Прославляя таковое вспомоществование наше, блаженный Апостол говорит: дабы за дарованное нам по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас (2 Кор. 1; 11); и в другом месте: да будет приношение благоприятно, и освященно Духом Святым (Рим. 15; 16). Аминь.

(Слово святого Амвросия Медиоланского)

750. Ищите и обряцете

Обрати мя, Господи, и обращуся. Имиже веси судьбами — спаси мя. Господи, хочу или не хочу, спаси мя!" — так взывают ко Господу души, жаждущие спасения. И Господь слышит сии вопли смиренных душ и устрояет спасение их своими неисповедимыми судьбами. Он Сам сказал: «Просите, и дастся вам: ищите, и обряцете: толщьте, и отверзется вам» (Мф. 7; 7). А какое прошение самое приятное для Господа Бога, если не прошение о спасении грешной души?

За грешников Он пролил Кровь Свою на Кресте, — как же не желать ему спасения грешников? Только бы сам грешник того пожелал, а Господь всегда готов принять Его в отеческие Свои объятия, как сына заблудшего. Он и желание благое поддержит, и путь укажет, и средства ко спасению пошлет. Эти средства благодатные — в Церкви Его Святой, вне которой нет и спасения. Вот почему всех, ищущих спасения, Он прежде вводит к ограде Церкви Православной, и только в этом тихом пристанище соделывает их спасение. Кто на себе испытал такую милость Божию, того слово бывает убедительней для других, которые хотя искренно желают себе спасения, однако же, еще колеблются и не знают, где вернее могут они найти его. Вот почему предлагаем здесь доброе слово бывшего старообрядца к своим собратиям, остающимся в расколе.

* * *

Братие по Христу! Во-первых, прошу простить мне, если чем-либо оскорблю вас в слове моем. Не буду входить в словопрения с вами, не буду доказывать всей неразумности ваших заблуждений, с которыми я так же, как и вы, бродил по житейской дороге, как в подземной тюрьме без свечи, имея проводниками вождей или слепых, или же разумеющих всю ложь своего учения, но ради мзды и корысти заслоняющих свет истинный. Я скажу вам, как Господь по неисчерпаемому Своему милосердию и по беспредельной Своей любви к нам, грешным, неисповедимыми путями, наказуя и милуя меня, призвал к Себе из мрака к свету. Не подумайте, что именуемые вами никониане прельстили меня какой-либо наградой. Нет. Тому свидетель Бог, ведущий все помышления наши!

Как тогда, когда я был старообрядцем, так и теперь по своей бедности я зачастую ложусь без ужина. Нет, братия, не люди, а за них Сам Бог награждал меня, даровав мне слезы раскаяния, примирив меня с совестью и указав мне путь ко спасению. Всем известно, да я и не скрываю в обличие моей совести, кто я и что я. Воистину, поношение в людях и покивание главы ко языцех! Я был ревностным старообрядцем, верил слепо и не искал истины, даже закрывал глаза и затыкал уши, что делаете и вы доселе пред голосом истины, зовущим вас к разъяснению вашего учения, а вернее сказать, "тьмы раскола". Но я давно уже колебался, давно душа моя рвалась из мрака к свету. Отец же гордыни, диавол, всеми силами старался удержать меня в богопротивном расколе, указуя искать истины у лжепастырей ваших, Но Господь, воистину милосердый, наказуя меня на пользу, смирил меня бедностью. Я уже готов был впасть в отчаяние, как Господь послал мне милость в лице человека, который поддержал меня, принял в дом и в свою семью как родного, и я вздохнул свободно. Его жена, заменившая мне мать, дала мне Святое Евангелие, которое я читал и читаю днем и ночью.

Тут-то и было начало моего вразумения: я обратился к Богу и Пресвятой Матери Божией и умолял простить мне заблуждение, просветить меня светом Евангелия, наставить меня на стезю заповедей Божиих и научить меня творить волю Его Святую. Душа моя просила облегчения и очищения грехов

в Таинстве Покаяния и общения со Христом в Таинстве Причащения Тела и Крови Его, и я молил Бога открыть мне путь ко спасению, куда мне идти: к наемнику ли австрийского священства, или к пастырю Церкви Христовой? Я решился, было, писать ко владыке, епископу Гурию, но, как древле Геден, осмелился я, многогрешный, спросить человеколюбивого Бога, прося показать мне жребием волю Свою. Написал два билета, первый — "обратись вспять и останься в старообрядчестве", второй — пиши (то есть ко владыке, епископу Гурию) и с верою приступи ко Христу", а на обороте обоих — "Господи, призри на мя и помилуй мя". Положил эти билеты на ночь во Святое Евангелие, на то место, где сказано: «грядущаго ко Мне не иждену вон». Помолвившись, я положил Святое Евангелие пред иконой Пресвятой Богородицы. Утром, после молитвы, вложил я оба билета в картонку и, закрыв тщательно, помешал и вынул, глядя на образ Богоматери с молитвой: К Тебе прибегаю и спасения требую. И что же? Вынул номер второй — "пиши и с верою приступи ко Христу!" И вот, не зная как приступить к делу, не зная доступа и не надеясь на прием, в восемь часов вечера в тот же день я стоял пред владыкой, епископом Гурием...

И не хочу таить от вас, старообрядцы, получил я от него награду. Он наградил меня взглядом, в котором ясно я прочитал, что он не гнушается мной и радуется за меня пред Богом. Он наградил меня еще тем, что троекратно благословил на доброе дело и послал, по желанию моему, в единоверческую, так называемую "благословенную церковь", и не только ничего не сказал против двуперстного креста, а напротив, благословил меня молиться тем крестом, какой я издавна привык слагать.

И вот я, по милости Божией, присоединился к Святой Церкви, поговел и удостоился принять Тела и Крови Христа Спасителя, и это был первый радостный день на 32-м году моей жизни! Знаю, вы скажете, что я погрешил и погубил свою душу. Тогда пусть пастыри и учителя ваши ответят за мою душу пред Богом, ибо их обязанность была наставить меня, утвердить во истине и доказать пред всеми, тем более пред никонианами, что они правы, а я заблуждаюсь. Но так ли поступали они, эти ваши пастыри? Нет. Еще за два года до своего обращения в лоно матери нашей, Православной Церкви, я перестал посещать австрийский дом молитвы, не бывал на исповеди и не принимал хотя бы подобия Телу и Крови Христовых. Хотя я нередко виделся с ними, и особенно часто с своим лжепастырем, но все они, зная, что с меня взять нечего, бежали от меня, как наемники, оставляя чужую для них овцу на произвол судьбы. Но какой же это пастырь добрый, который видит заблудшую овцу и не радит о ней? Как наемники поступают лжепастыри и лжеучители ваши и теперь. Они боятся публично отстаивать свои убеждения и, как мыши, прячутся в свои норы. Как бы о них сказал Господь: Всяк делаяй злая, ненавидит света, и не приходит к свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть (Ин. 3; 20).

Не так шли первые христианские пастыри к распространению веры Христовой и утверждению в ней детей своих духовных. Они слагали головы

свои под мечом и гибли на кострах, а ваши лжепастыри не хотят и слова вымолвить в защиту своей мнимой истины пред православными учителями. Не лучше ли всем вам покаяться, уверовать во Евангелие и прийти к Церкви Христовой, которая одна обладает правдой, миром и радостью о Духе Святом. Иначе горе вам, по слову Христову: «Горе миру от соблазн: нужда бо есть приити соблазном: обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит» (Мф. 18; 7).

Если ты пастырь истинный, то зачем бежишь? Иди пред стадом и не заботься о том, что сказать, ибо писано: «не пецытесе, како или что възглаголете: дастбоя вам в той час, что възглаголете. Не вы бо будете глаголющии, но Дух Отца вашего глаголай в вас» (Мф. 10; 19-20). Увы, вы боитесь обличения темных деяний ваших! Итак, братие по Христу, молю вас: «познайте истину, ибо где нет Церкви, нет священства, нет Таинств, нет Тела и Крови Христа, — там нет спасения. Тако глаголет Господь: аминь, аминь глаголю вам, аще не спеете Плоти Сына Человеческого, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе... Ядый Мою Плоть, и пияй Мою Кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин. 6; 53,56). Но кто вам даст Тело и Кровь Христа? Подумайте! Может ли простой человек совершать столь великое Таинство? Взять же Тела и Крови Христа, кроме Церкви, негде, и посему в ваши уста не внидет жизнь от Источника бессмертия. Служение ваших лжепастырей есть токмо кощунство, за которое вы будете тартару в радость.

(Из "Самарских епархиальных ведомостей")